

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА
МЕМОАРЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Под ред. А. Дживелегова

Вып. 1

Жан-Поль МАРАТ

ПИСЬМА

(1776-1793)

перевод Е. Ефимовой

под общ. ред. А. Дживелегова

Государственное издательство

Петербург-Москва - МСХМШ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В подлиннике настоящее собрание писем Марата опубликовано Шарлем Велле (Vellay), добросовестным библиографом, издавшим до этого полное собрание сочинений Сен-Жюста. В основу книги Велле положил скрупулезный анализ, устранивший из него все письма, имевшие чисто литературный характер - их много оказалось в газетах Марата — и подобранный все, что можно было подобрать

Собрание Велле переведено целиком. Опущены только совершенно несущественные записочки, включенные французским издателем из чрезмерного библиографического усердия. Вступительные и иные комментарии к письмам принадлежащие Велле, сохранены. Если они нужны французскому читателю, то русскому — тем более.

А. Дживелегов

Проект декларации прав человека и гражданина с последующим планом справедливой, мудрой и свободной конституции

ПАМФЛЕТЫ (1789-1793 гг.)

Марат о 4 августа 1789 г. («Друг народа» № II)

Из газеты Марата «Друг народа» (1792 г.)

Марат в августе 1792 г.

Из газеты «Друг Народа» от 13 декабря 1792 г.

Речь Марата по поводу суда над Людовиком XVI «Польские письма»

Ц.Фридлянд. Марат до Великой французской революции

Т.Солтановская. Ж.-П.Марат и «бешеные» весной 1793 г.

П.Гениффе. Марат - идеолог Террора

«London Times» о событиях 13 июля 1793 г.

Г.Цверав. Марат как естествоиспытатель

Ж.Жорес. Марат и аграрный вопрос. Марат и пролетарии (из «Социалистической истории Великой французской революции»)

в романе В.Шумилова «Сен-Жюст. Живой меч, или Этюд о счастье»

Ю.Попов. Публицистика Марата

галерея портретов Марата

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2009

В нашей библиотеке публикуются материалы, посвященные Ж.-П.Марату:

Марат: затруднительная характеристика (дискуссия)

Я.Старосельский. Проблемы якобинской диктатуры

С.Моносов. Очерки по истории Якобинского клуба

Марат в гостях у Дюмурье

13 июля. Идеолог Террора и террористка-одиночка

О.Старосельская-Никитина. Очерки по истории науки и техники в период Французской буржуазной революции

братья Марат'ы: господин де Будри, подданный российской короны

1792 год: Марат на страницах альтернативной истории

С.Лозинский. Очерки Великой французской революции: Мирабо, Дантон, Марат, процесс Людовика XVI

Марат в современной поэзии в романе А.Гладилина «Евангелие от Робеспьера»

Товарищ У. Also sprach Marat А.Гордон. Падение жирондистов

Журналист о журналистах: взгляд Власа Дорошевича из Великой октябрьской в Великую французскую

Герои и Авторы - о Времени и о себе

Жан-Поль МАРАТ П И С Ь М А (1776-1793)

перевод Е. Ефимовой
под общ. ред А. Дживелегова
Государственное издательство
Петербург-Москва - МСХМШ

Веб-публикация: библиотека *Vive Liberta* и Век Просвещения, 2009

I

Письмо. .

11 апреля 1776 г

Самое раннее письмо Марата которое нам известно, относится к 1776 году С 1767 года Марат жил в Англии и лишь изредка наезжал во Францию Только в следующем, 1777 м, году он должен был, возвратившись оттуда, окончательно основаться во Франции Приведенное письмо было написано по поводу путешествия его на несколько месяцев на континент и касается приведения в порядок одного счета Оно написано по-английски. Адресат неизвестен.

За несколько дней до своего отправления в Лондон, я пришел к вам, чтобы свести наши счета, но вас не было дома. Дела чрезвычайной важности призывают меня на некоторое время на континент. Я возвращусь в Лондон в начале октября и сейчас же займусь приведением в порядок своего маленького счета.

— Остаюсь вашим покорнейшим слугою

Д-р Марат

II

Письмо г-ну Бенье

В 1776 г Марат уже являлся членом дома графа д'Артуа Письмо, которое он писал г-ну Бенье, помеченное 14-м августа, касается, повидимому, каких-то переговоров, целью которых было прекратить нападки прессы на графа д'Артуа.

Г-ну Бенье, интенданту финансов графа д'Артуа.

Пятница, вечером, 14 августа 1778 г.

Вы великий посредник, мой милый Бенье; вот уже Какэ нас обманывает и продолжает еще сильнее, чем прежде, свои наглые ругательства. Сегодня утром господин де-Монкри сказал об этом, а вы забыли мне передать. Признаюсь, я очень жалею, что наши деньги так дурно потрачены, и я бы очень желал, чтобы вы ему еще не успели ничего заплатить. Нужно, однако, по этому поводу принять определенное решение.

До свидания, милый Бенье.

Мне, пожалуй, понадобится много томов для улаживания дел графа д'Артуа.

Посылаю при сем тысячу двести франков.

Марат.

III

Письмо графу Майльбуа

19 июля 1779 г.

Господин граф, когда вы познакомились с моими «Открытиями об огне», вы пожелали сделать о моей работе доклад в Академии: льщу себя надеждой, что вы и в настоящий момент сообразовали оказать ей эту честь. Она явится скромной жертвой, которую я возложу вашими руками на алтарь науки.

Я вам еще не сообщил, что мое сочинение имеет продолжение и что в этом продолжении есть вещи небезынтересные для физиков. Я не хочу предвирать общественного мнения, но, тем не менее, я не скомпрометирую себя, настаивая на том, что, при помощи небольшого прибора из очень простых инструментов, мне удастся отлично разложить свет, не прибегая к прозрачной среде с кривой поверхностью.

Мой метод не имеет неудобств призматических преломлений лучей и не оставляет никакого сомнения относительно количества лучей различно обращенных; таким образом, он ведет к значи-

тельному усовершенствованию теории Ньютона о цветах, если не создает новую. Конечно, изучая природу, не без сожаления видишь себя вынужденным отрешиться от идей великого человека. Но если я ослабляю его теорию цветов, то, наоборот, я делаю несомненной его теорию о причине преломления, и эту причину я показываю с полной очевидностью. Я тщательно изучал ее различные следствия; они обнаруживаются во всех письмах. Эти наблюдения проливают необыкновенный свет на явления диоптрики, и я из них делаю выводы, которые когда-нибудь применю к усовершенствованию оптических и астрономических инструментов.

Вы понимаете, граф, что опыты, служащие основанием для этих открытий, абсолютно новы; но если требовалось большое напряжение мысли, чтобы до них дойти, то для того, чтобы их констатировать, нужно только иметь глаза.

Я отправлялся от наблюдения над очень простым явлением; но если бы знал, сколько мне нужно было произвести исследований, чтобы развить их со всеми их следствиями и отнять у природы ее тайну, то вы бы, конечно, стали аплодировать моей настойчивости.

Здесь только легкий эскиз, и вы, может быть, меня заподозрили бы уже в самохвальстве, если бы вам было неизвестно, до какой степени я стремлюсь к точности.

Примите, граф, уверение в моей вечной к вам признательности, в которой имею честь пребывать.

Марат.

IV

Письмо к Кондорсе

Я вас очень прошу, сударь, представить это письмо в Академию. Я был бы сам в отчаянии от собственной назойливости, если бы не надеялся, что мой поступок будет оценен славным собранием, как выражение свидетельства самых почтительных к нему чувств. 17 июня 79 г, граф де-Майльбуа сделал ему сообщение о моих открытиях о свете, и Академия оказала мне честь, назначив комиссию для проверки опытов, служащих основанием моей теории. Спустя несколько дней началась проверка, которая почти что была

закончена к 18 августа. Я льстил себя надеждой, что вскоре последует и доклад; но некоторые из этих господ заметили мне, что важность этого дела требует, чтобы оно было отложено до праздника св. Мартина. В промежутке я непрестанно ходатайствовал о возобновлении опытов, потому что Академия может основываться только на фактах. Мне удалось настоять на нескольких заседаниях, и проверка была закончена 30 января 1780 г. Мне дали надежду, что доклад не заставит себя долго ждать; несколько раз фиксировали даже день, но, тем не менее, я прошу об этом и по сию пору. Я далек от того, сударь, чтобы жаловаться на такую отсрочку. Без сомнения, ученый академик, на которого возложена обязанность сделать доклад, имеет какие-либо более важные дела; но с того момента, как мои опыты были развернуты перед глазами господ академиков, главные из них стали известными огромному числу любопытных, а между тем у меня еще нет никакого документа, который закреплял бы за мной плоды моих трудов. Таким образом, я буду вынужден печальной необходимостью опсариывать мои открытия у тех, кто соблазнился бы себе их присвоить.

Я был бы очень счастлив, если бы мои опасения оказались напрасными, но как на это надеяться? Сочинение, где изложены эти опыты, было вручено господам комиссарам. Две из тетрадей где-то затерялись, а сегодня я с удивлением узнаю, что несколько столичных физиков работают без устали над возобновлением моих опытов, чтобы применить их к совершенно другой теории. Если верить людям, которые посвящены в тайну, то опровержение моей теории может появиться раньше работы, в которой заключается ее изложение. Мне нельзя терять времени, чтобы представить ее публике. Поэтому, сударь, я настойчиво прошу Академию соблагословить выслушать касающийся меня доклад в ближайшую субботу. Если в этой любезности мне будет отказано, то я льщу себя надеждой, что, по крайней мере, мои новые (целиком проверенные господами комиссарам) опыты будут немедленно санкционированы и опубликованы, потому что я заслужил это право.

Имею честь пребывать, сударь, вашим нижайшим и покорнейшим слугой

Париж. 26 апреля 1780 г.

Марат.

IX

Письмо г-ну Лесажу ¹⁾

Господину Лесажу, знаменитому математику
Женевы.

Очень лестно, сударь, заслужить одобрение такого просвещенного судьи, как вы; но лестность увеличивается вдвое, когда имеешь честь знать вас лично, как знаю я. Я с признательностью получил те замечания, которые вы соблаговолили мне сообщить: я хорошо знаю их цену. Но я думаю, что мой образ мыслей относительно тяготения тел установился навсегда. Однако, если бы я когда-либо изменил свой взгляд, то вам, сударь, я был бы обязан своими новыми идеями. Примите, сударь, уверение, в котором и имею честь пребывать вашим вижайшим и покорнейшим слугой

Марат.

Париж, 11 сего апреля 1781 г.

X

Письмо к... ²⁾

23 августа 1781 г.

Моя чувствительность, дорогой граф, не позволяет мне присутствовать на вскрытии тела моего друга, поэтому меня заместит завтра г-н Бойе, искусный хирург, который и произведет вскрытие трупа. Это очень опытный практик. Он живет на Бургундской улице, через двое ворот от меня, дом г-жи Вернье. Прошу вас, пригласите его завтра утром и назначьте ему час. Я надеюсь, что из чувства дружбы ко мне, вы не откажетесь это сделать.

¹⁾ Опущены 4 записки к Кондорсе

²⁾ Адресат неизвестен.

XI

Письмо к Бриссо

1782 г.

Бриссо рассказывает в своих мемуарах, что в то время, когда он уезжал из Парижа, чтобы основывать лондонский лицей, Марат ему часто писал. Он приводит данное письмо, как первое, написанное ему Маратом после опубликования трактата „Об истине“. Он не сообщает точного числа, но трактат „Об истине“ был опубликован в 1782 г. Повидимому, к этому году следует отнести и письмо.

Продолжительная и жестокая болезнь, мой друг, лишила меня надолго удовольствия беседовать с вами; теперь же я пользуюсь первыми моментами выздоровления, чтобы восстановить потерянное время. Эти частые приступы заставляют меня думать, что нездоровье мое не является следствием переутомления от занятий. Было бы счастьем, если бы минуты передышки дали мне возможность закончить мои работы, и еще большее счастье, если бы я мог поверить в наступление такого времени, когда я получу возможность отдаться сладким объятиям дружбы.

Вы знаете, дорогой мой, какое место занимаете вы в моем сердце. Моим первым чтением, после того, как ко мне вернулась моя голова, были ваши «Размышления».

С удовольствием увидел там чудесные насмешки скептика (не знаю, понравятся ли они геометру) и еще с большим удовольствием ваш образ мыслей относительно вашего друга ¹⁾. Если

¹⁾ Трактат „Об истине“ действительно содержит в себе живые похвалы Марату, особенно на страницах 173—174 и 333—340. „Но пусть ее крики (Академии Наук), брань и преследование тебя не обезкураживают. О, ты, которого природа одарила гением наблюдения и неутомимой горячностью в поисках истины! О, ты, который так смело опрокинул идола академического культа, веруя только в данные опыта, а не в имена и предписания, который на месте заблуждений Ньютона о свете, создал систему, основанную на хорошо доказанных и хорошо согласованных фактах (стр. 173)... Я только излагаю здесь историю знаменитого физика М. Марата, философии и исследованиям которого я хочу отдать должную справедливость“. В.

какая-нибудь похвала может быть лестной, то это, конечно, похвала просвещенного друга; после вашей дружбы, самое лестное для меня—это ваше уважение, если только одно может существовать без другого.

Примите, дорогой мой, мою искреннюю признательность за те добрые услуги, которые вы мне оказали по поводу моих работ, и не оставляйте меня вашим расположением и впредь, потому что когда борешься с такой могущественной партией, очень нуждаешься в рвении друзей.

Я видел г-на Дювиллар, и он мне сказал, что с вашими делами во Франции вышла задержка, но он надеется, что скоро все препятствия будут устранены.

Души прямые и открытые, как ваша, не знают кривых путей прихвостней деспота или, скорей, ими пренебрегают. Следует, однако, помнить, мой нежный друг, что приходится соблюдать некоторую осторожность, когда имеешь дело с более сильными.

Мои дела начинают принимать благоприятный оборот: если же они не будут иметь успеха, то я решусь уехать в Лондон, и знайте, что в этом решении будет играть большую роль удовольствие быть близко к вам, потому что здесь я не могу льстить себя надеждой увидеть вас скоро.

До свидания, мой дорогой друг! Любите меня так, как я вас люблю. Маркиза просит меня передать вам тысячу любезностей.

Марат.

P.S. Не следует пренебрегать журналом Мати «Вестминстерский Магазин», а также и другими английскими журналами. Я написал Виршо, который просил меня сделать краткое изложение моей работы.

Повторите мои опыты. Скажите, не можете ли вы поместить некоторое количество экземпляров моих работ у Эльмслей, тогда я вам их пришлю по указанному адресу.

Пишите мне чаще и узнайте, не найдется ли какого-нибудь англичанина, который бы пожелал перевести «Исследование об огне и электричестве»: я тогда вам вышлю исправленные экземпляры.

XII

Письмо г-ну Вильяму Дэли

Декабрь.

Дорогой г-н Дэли, я обещал вам написать тотчас же по приезде во Францию ¹⁾ Для меня было бы гораздо лучше писать по-французски, но так как некоторые из моих друзей, которым вы покажете письмо, не знают этого языка, а между тем я очень хочу напомнить им о себе, то я решился сделать над собой усилие; это вам покажет, сколько у меня почтения, уважения и любви ко всем вам. Я никогда не забуду тех многочисленных одолжений, которые вы мне оказывали: они запечатлелись в моем сердце, и моя признательность окончится только с моей жизнью. Я вручил ваше письмо г-ну Дюбуа, который мне кажется прекраснейшим и достойнейшим человеком. Я ему сказал, как бы бы я счастливо воспользоваться его советами в своих занятиях; но к моему несчастью, он уже на пути возвращения в Бордо, свой родной город. Это обстоятельство для меня необыкновенно досадно, — потому что после короткого с ним разговора, я легко увидел, что это человек очень ученый, особенно в той области, которую я в настоящий момент разрабатываю, а именно в анатомии.

Если вы приедете в Париж, то найдете меня на старой квартире, там, где вы у меня были в последний раз, но теперь она стала более удобной, потому что я занял еще две комнаты, которые имею намерение предназначить исключительно для анатомирования трупов. Будьте совершенно уверены в том, мой друг, что искусство и известность в этой области (в медицине и в хирургии) можно приобрести только путем многочисленных и ежедневных упражнений над живыми объектами. Что касается меня, то я могу получать мертвые тела из госпиталей в любом количестве и за очень дешевую цену. Для того же, чтобы не тратить слишком больших сумм на живых животных, я условился с мясником нашего квартала, который доставляет мне по мере надобности овец, телят, свиней и даже быков. Так как все это возвращается к нему обратно, то я плачу только за поврежденное мясо. Я боюсь, что вы

е сможете так удобно устроиться в своем городе. Париж мне очень облегчает мои занятия, и я вам советую и вас приглашаю приехать сюда. Ваши драгоценные таланты окажут мне существенную помощь в работе, которую я начал и рассчитываю опубликовать в текущем году.

Вы говорите, что не любите видеть невинных животных под скальпелем; мое сердце столь же мягко, как и ваше, и я также не люблю видеть страданий бедных тварей. Но было бы совершенно невозможно понять тайны, изумительные и необъяснимые чудеса человеческого тела, если не попытаешься схватить природу в ее работе на ходу. А между тем, этой цели нельзя достигнуть не причинив немного зла, чтобы сделать много добра: только таким образом можно стать благодетелем человеческого рода. Наблюдения над мускулами и над различными свойствами крови привели меня к важным открытиям, которых я никогда бы не сделал, если бы не резал головы и члены целой массе животных. Признаюсь, что в начале я испытывал страдание и отвращение, но мало по малу я привык и теперь утешаю себя мыслью, что я это делаю для облегчения человечества.

Если небо пошлет вам долгие годы (а я молюсь, чтобы это было так), то вы увидите, что исследование на живых животных будет принято повсеместно как во Франции, так и в Англии. Мы должны изучать природу во всех ее движениях. Если бы я был законодателем, я предложил бы для блага своей страны и целого мира, чтобы приговоренные к смертной казни имели право отдавать свое тело для совершения какой-либо трудной операции, которая может привести к смерти. В случае же удачной операции виновный, смотря по совершенному им преступлению, или получает прощение или же смертная казнь заменяется ему ссылкой или тюрьмой. Меня уверяли, будто бы один италийский князь применил этот принцип с целью найти противоядие и будто бы результаты получились такие удачные, что были найдены лекарства против самых сильных ядов. Но я должен окончить это длинное письмо. Я вас обнимаю с чувством самого искреннего уважения и дружбы.

Марат.

¹⁾ Марат уезжал в Англию. Письмо было написано по-английски.

XIII

Письмо Шарлю

В начале 1783 г. имел место довольно важный случай, о котором мы должны рассказать. Независимость Марата вызвала к нему неравнотолечение, как мы это увидим из его письма от 20 ноября 1783 г. бо большинства членов Академии Наук и официальных ученых. Физик Шарль объявил даже на своих лекциях, что он разоблачит в его опытах научные заблуждения, что и предпринял на самом деле. Марат явился на демонстрации Шарля и, раздраженный презрительным тоном своего противника, начал резко ему возражать. Отсюда пошла мова, будто бы немедленно состоялась дуэль перед аудиторией, которая пришла слушать лекции Шарля. В действительности же публичной дуэли не было и вероятней всего, что и вообще не было никакой.

Упомянутый инцидент имел место в феврале или марте 1783 г. Этим числом и следует пометить письмо, написанное по данному поводу Маратом своему противнику.

Несмотря на то, что вы заставляете меня подозрительно относиться к вашим принципам, сударь, я все-таки не считаю вас подлецом, способным не сдержать своего честного слова, которое вы мне столько раз давали. Во мне вы найдете великодушного врага, который покраснел бы от одной мысли напасть врасплох на своего противника и извлечь выгоду из своего превосходства. — Чтобы в этом убедиться, имейте свидетеля, я буду иметь другого. Посланный вам скажет остальное.

Воскресенье, 2 часа.

7 Марат.

XIV

Письмо А. М. Ленуару

Письмо относится к тому же инциденту, как и предыдущее. Оно показывает, что были употреблены усилия чтобы помешать состояться дуэли между Маратом и Шарлем. Повидимому эти усилия не остались бесплодными. Письмо адресовано г-ну Ленуару, по италийскому офицеру, на которого была возложена обязанность вмешаться

Сударь! Милостивый Государь! Я был у вашей двери в час, указанный мне г-ном Сессар. Швейцар ответил, что г-н Ленуар болен и никого не принимает. После того, как я ему сказал, что меня ждут, он просмотрел лист и не найдя там моего имени, снова отказал мне в приеме.

Вы знаете, сударь, об оскорблении, полученном мною в доме Шарля. Я готов. Каким бы гнусным оно ни казалось для человека века чести, я готов был поступиться для вас своим желанием возмездия. Я буду ждать ваших новых распоряжений и потороплюсь засвидетельствовать вам чувства уважения и преданности, которые я разделяю со всем народом и в которых имеет честь пребывать ваш нижайший и покорнейший слуга

Марат

медик конвоя его сиятельства графа д'Артуа.

Среда. 2 часа

XV

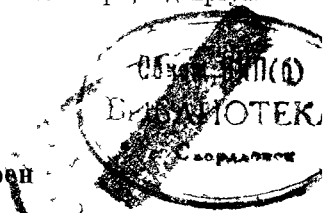
Письмо Руму де-Сен-Лорен

Филипп-Роз Рум де Сен-Лорен, один из самых верных друзей Марата, уехал из Парижа в Мадрид, где он хотел учредить нечто вроде Академии Наук, управление которой он мечтал вручить Марату. Но это первое письмо еще не имеет никакого намека на подобные переговоры.

Г-ну де-Сен-Лорен, в Мадрид.

Судя по Альманаху, сударь, всего только пять недель, как вы уехали из Парижа, а мне кажется, что прошло уже несколько лет. Я не знаю, могут ли вас когда-нибудь забыть те, кто умеет вас оценить. Но я нахожу, что нелегко заполнить ту пустоту, которую вы оставляете после себя. Я бы чувствовал это еще острее, если бы не имел надежды вас скоро увидеть

После вашего отъезда я сделал интересное открытие; оно имеет своим предметом нечувствительность к краскам некоторых индивидов, явление, которое всегда казалось чудесным. Этот пункт входит в мою большую работу о свете, и вы, конечно, ее получите один из перых

1136610
9446

Если бы я вам сказал, сударь, что жду от вас известия без нетерпения, вы бы не поверили и вы были бы правы; поэтому не заставляйте их ждать слишком долго.

Марат.

Париж, 2 июня 1783 г.

XVI

Письмо Руму де-Сен-Лорен

19 июня 1783 г.

Оригинал этого письма утерян. Мы его знаем только в извлечениях. К этому моменту предложения Рум'а относительно управления Мадридской Академией стали вполне реальны, потому что Марат собирается ехать в Испанию, для чего часть своего времени посвящает изучению испанского языка.

XVII

Письмо Руму де-Сен-Лорен

Июль 1783 г.

Оригинал так же утерян, как и предшествующий. Данное письмо мы тоже знаем только в случайных извлечениях. Марат в нем жагует, что не соблюдена тайна его переговоров. Он занимает должность при французском дворе, которой его лишат, если будут известны его намерения перейти на службу в Испанию. Он предпочтет предложения Испании всяким другим, потому что он счастлив работать над преуспеянием нации, добродетели и богатая одаренность которой ему хорошо известны. Он дал слово, что примет приглашение, и несколько удивляется тем предосторожностями, которые принимаются, чтобы он сдержал свое обещание.

XVIII

Письмо Руму де-Сен-Лорен

Конечно, Ваши неустанные заботы о славе Испании. Вашей второй родины, преисполнены самым горячим чувством.

С огромным удовольствием я вижу, что я также мог бы посвятить свои таланты преуспеянию наук и искусств той нации, которую я уважаю, но, сударь, моя радость не без примеси горечи, когда я думаю, что господин посланник, который обязан собрать обо мне сведения, вероятно, услышит вопли наших философов. Потому что для них вера в бога есть преступление. Вы знаете, как они гnevаются на тех, которые, подобно мне, отказавшись пополнить их преступную секту, осмелились мужественно бороться с их пагубными заблуждениями. И вы также знаете с каким искусством они умеют очернить своего противника. Правда, я льщу себя надеждой, что господин посланник сумеет их разгадать, а может быть уже это и сделал. Но ничто меня не успокаивает в такой мере, как глубокий здравый смысл графа Флорида Бланка. Я был бы счастлив, если бы этот знаменитый министр, желая ознакомиться с укладом писателя, который проводил свою жизнь лишь в своем собственном кабинете и который посещал только друзей известных своей набожностью и добродетелями, приказал бы черпать сведения именно в этих источниках. Какое число почтенных духовных лиц я мог бы представить в качестве гарантий. Два прилагаемых письма были направлены по их адресу и были приняты очень хорошо.

Не будучи еще привлеченным на службу Испании, я всегда считал себя обязанным доказать ей свою признательность. Вот факт. Несколько членов Лондонского Королевского Общества, которые приезжали ознакомиться с моими опытами у моего ученика, довели до моего сведения, что английское бюро долгот предлагает премию в 24.000 ливров за усовершенствованный способ изготовления стеклянной массы.

Они знают, что мои исследования привели меня к хорошим результатам; вследствие этого они мне и предложили провести несколько недель в Лондоне. Вы понимаете, что я остался глух к их предложению.

Я надеюсь, что первое письмо, которое я получу от вас, сообщит мне заключение о моем¹⁾ Я жду его, чтобы решиться на сделанные мне предложения. Сердце влечет меня в Испанию, вы это знаете, потому что независимо от доводов, вытекающих из моих природных склонностей, приятно просвещать людей, богатая натура которых способна на самые прекрасные творения человеческого духа.

Прощайте, сударь, примите уверение в искреннем удовольствии, которое я получу, когда буду иметь возможность засвидетельствовать вам лично свою признательность и почтение.

Париж. 29 июля 1783 г.

Г-ну де-Сен-Лорен в Мадриде

XIX

Письмо Руму де-Сен-Лорен

8 сентября 1783 г.

Решение, на быстроту которого Марат надеялся, сильно затянулось. 8 сентября 1783 г. он пишет Руму письмо, повидимому, уже впопыхи рассчитывая на будущность, блеснувшую перед его глазами. Он говорит, что ждет министерского письма с покорностью. Он поздравляет Рума с успешным ходом его дел на островах св. Троицы.

„Поздравление г-ну де-Сен-Лорен с колонией, которую он основал в концессиях, которые вам отведут, не забудьте оставить маленький уголок философу, который любит деревню; и кто знает, может быть один прекрасный день его вкусы заставят его удалиться в уголок, где он найдет ясное и смеющееся небо... Я с утра до вечера среди своих печей и выкрадываю минутку у моих тиглей, чтобы насладиться удовольствием поговорить с вами“.

¹⁾ Слово, утрагившееся при вскрытии конверта.

XX

Письмо Руму де-Сен-Лорен

26 сентября 1783 г.

Но почти сейчас же к Марату возвращается надежда. 26 сентября он пишет Руму письмо, где все указывает на его близкий отъезд. Он просит своего корреспондента предпринять необходимые шаги, чтобы поторопиться с его водворением в Испании. Он просит 20.000 ливров у короля испанского, чтобы приехать в Лондон и нанять там мастеров по меди и по стеклу и вывезти их в Испанию. Затем он сообщает о двух случаях излечения электричеством. Между прочим, он возвратил зрение некоему господину де-Тилье, который потерял его тридцать три года тому назад.

„Но только в Испании я хочу показать все богатые возможности этого лекарства, когда оно находится в руках медика-физика“.

XXI

Письмо Руму де-Сен-Лорен

6 ноября 1783 г.

Я думал, мой дорогой друг, что ваши и мои дела уже окончились, а между тем я теперь вижу, что мне нужно запастись терпением. Я очень бы желал, чтобы не слишком долго немывались ваши. Вы мне сообщаете о новых справках. Я не представляю себе, чего они могут касаться. Как бы то ни было, но я вижу себя надеждой, что выдержу самый строгий экзамен. Однако мне кажется, что я пользуюсь уже такой известностью в обществе, что меня можно было бы от него избавить. Кроме того, вы меня известили от имени графа Флорида-Бланка, что мое дело будет окончено к 15-му числу этого месяца, а между тем вот уже 6-е, а г-н С. гр. д'Аранда не обмолвился мне ни одним словом. Может быть, путешествие в Фонтенебло было причиной такого запоздания. Вы меня призываете к терпению, мой милый друг, принимая во внимание важность дела для славы Испании и моей собственной. Что касается моего торжества, то оно меня не минует; но я полагаю свое счастье в том, чтобы довести до высшей точки точ-

ные и полезные науки, до которой только они могут достигнуть. Для того, чтобы в этом преуспеть я нуждаюсь в покровительстве великого короля, и я был бы у предела моих желаний, если бы мог посвятить мои таланты нации, которую я люблю и уважаю. Итак, продолжайте, как вы начали. и не оставляйте задачи незаконченной.

Я видел г. Солано несколько раз. Он наблюдал мои основные опыты и не имел возражений. В конце концов, я не знаю, убедился ли он, что Ньютон заблуждался в вопросах оптики: он мне показался не столько любезным, сколько сдержанным. Может быть, он сделается более открытым, когда наши отношения станут теснее, вы же не сомневайтесь, что я сделаю все, что будет от меня зависеть для торжества истины ¹⁾.

Марат.

XXII

Письмо Руму де-Сен-Лорен

Враги Марата употребили все средства, чтобы парализовать усилия Рума де Сен-Лорен. Особенно они старались действовать через испанского посла при французском дворе. И это влияние имело большой вес, потому что оно шло через некоторых из членов Академии Наук, о тайных их происках говорил сам Марат. В то же время письма полные ненависти и злобы пригекати в изобилии к испанскому двору.

Рум открыл Марату все козни его противников. Вот тогда-то Марат и написал приведенное здесь длинное письмо, как бы свою защитительную речь, которая должна была быть доведена до сведения короля и его министра Флорида-Бланка. Это письмо известно только в копии, сделанной Румом. Последний перед письмом написал следующие строки: „Письмо очень интересное. В нем 1-н Марат делает для меня обзор всего того, что с ним произошло с момента его вступления на научное поприще. Копию его, заверенную мною, я три недели тому назад вручил графу Флорида-Бланка“.

¹⁾ На обороте этого письма помечено Румом де Сен-Лорен. „1783, ноябрь 9. Г. Марат готов ответить на все возражения, какие могут быть ему сделаны“.

Значит, правда, мой друг, что клевета долетела из Парижа в Эскуриал, чтобы очернить меня перед великим королем и знаменитым меценатом. Двадцать писем, говорите вы, обрисовывают меня самыми черными красками.

Но кто же мои хулители! Нужно ли об этом спрашивать? Подлые завистники, многочисленная толпа которых остервенело стремится к моей гибели; современные философы, укrywшиеся под вымышленными именами или под анонимами, чтобы меня поносить. Неужели же я буду всегда мишенью для их стрел только за то, что отказался из любви к истине от академических почестей, за то, что двигаю вперед полезные знания, за то, что призвал к жизни многих из моих братьев, признанных неизлечимыми, за то, что всегда защищал добродетель? При этой мысли сердце мое возмущается! Но нет, я не буду роптать против святых велений судеб божиих, и до каких бы крайностей ни доходили мои противники, никогда они меня не заставят раскаяться в том, что я был добродетельным человеком.

Без сомнения, вы не ждете от меня оправдания по всей форме. Бездоказательные обвинения падают сами собой. В каждом хорошо организованном государстве они называются клеветой. Повсюду они покрыли бы стыдом судью, если бы он дал им какой-нибудь вес против свидетельства одного человека высокой нравственности. Вероломные люди, которых везде и повсеместно с ужасом извергает от себя правосудие и злодеяния которых оно преследует позорными казнями, неужели же они льстят себя надеждой получить доверие у трибунала Карла II!

Я надеюсь, что король достаточно убежден в том, что эти темные дела могут иметь только отравленный источник; но я должен освежить факты, так как злые люди хотят обмануть его ложными доносами. Я, однако, счастлив тем, что моя невзгода заставляет меня перед лицом августейшего монарха привести о себе целый ряд весьма почтенных отзывов, которые я получал во время встреч от людей справедливых и просвещенных.

Оставим моих противников, здесь речь идет об их клевете; для того же, чтобы ее оценить по достоинству, важно проследить происхождение этой ненависти.

С самого своего детства я занимаюсь литературой и, смею сказать, не без успеха. Едва я достиг восемнадцатилетнего возраста,

как наши, так называемые, философы стали делать многочисленны попытки, чтобы привлечь меня на свою сторону. Отвращение, которое мне внушали их принципы, держало меня вдали от их собраний и предохраняло от их пагубных уроков. Это отвращение увеличивалось во мне по мере того, как укреплялся мой разум: оно надолго определило мой образ мыслей. Желание посвятить себя наукам и избежать рассеянной жизни заставило меня уехать в Англию. Там я сделался автором, и мое первое произведение было посвящено борьбе с материализмом, так как я развивал идею влияния души на тело и тела на душу. Вот начало моих бедствий.

Сначала я соблюдал инкогнито; но я отдал свою работу на критику одному достойнейшему человеку г-ну Де ла Рошетт, французскому джентльмену, который был назначен в 1760 г. генеральным комиссаром по обмену пленными с Англией. Вы найдете под № 1 и 2 в документах, приведенных мною в защиту положений сочинения, его суждения о моем труде. Г-н де ла Рошетт, который хорошо знал пагубное влияние шайки философов и который очень желал успеха этой работы, посоветовал мне издать ее анонимно и по-английски. Я последовал его совету.

Все еще сохраняя инкогнито, но не доверяя точности сделанного перевода, я отдал ее на рассмотрение нескольких англичан, известных своими добродетелями и талантами; между прочим, старому лорду Литтлему, автору многих весьма ценных работ и г-ну Коллинзону, профессору психологии в Кембриджском Университете. Вы найдете под № 3 и 4 их мнение о работе или скорей о талантах автора.

Наконец, мой труд появился и произвел сенсацию. Можно посмотреть отчет о нем в Вестминстерском иллюстрированном сборнике (июнь или июль 1773), данный обществом литераторов. Я не буду говорить о похвалах, которые они ему расточали; но я не могу обойти молчанием, что они подвергли цензуре мою презрительную манеру, с которой я трактовал наших, так называемых философов, в заметке, находящейся в начале работы.

Лорд Литтлемон часто говорил обо мне русскому министру через несколько месяцев по опубликовании моего труда, мне сделали предложение ехать в Петербург. Я присоединяю (под номером) копию письма, которое мне написал по этому поводу лорд Литтлемон.

Увидев успех моей работы на английском языке, я опубликовал ее на французском под заглавием «О человеке». Несколько философов, которые имели обыкновение выписывать из-за границы новые научные книги, прежде чем они появятся в продаже, получили некоторое количество ее экземпляров.

Они сразу почувствовали удар, который я наносил их принципам. Их первым делом было помешать распубликованию труда в журналах; затем они не допускали ввоза издания во Францию. Типография препровождала тюк из Амстердама в Руан, куда он прибыл, но оставался лежать в таможене. Его там задерживали в течение 13 месяцев. пока, наконец, я получил письмо от моего книгопродавца с просьбой употребить влияние моих друзей, чтобы получить разрешение на ввоз издания в столицу. Я обратился в Книжную Палату. Дежурный чиновник притворился, что он ничего не знает о деле, о котором я с ним говорю; но после некоторых хлопот, он мне ответил, что моя книга запрещена. При этих словах я выразил полное удивление. Не будучи в состоянии понять, что труд, направленный против материализма, мог быть признан опасным, я объявил ему, что я хочу знать доносчиков и что напишу г-ну хранителю печатей с просьбой подвергнуть книгу рассмотрению в Сорбонне. Он старался меня успокоить и обещал дать кое-какие сведения. В конце недели я пошел к нему, он мне сказал, что тюк должен быть возвращен в Амстердам. Через год узнал, что большая часть издания ушла в Италию и Португалию. Наконец, ему разрешили доступ в Париж. Все ввезенные экземпляры были расхвачены в несколько дней, и ко мне неоднократно обращались с просьбой о переиздании.

Огорченный тем, что эти господа сумели представить опасной книжку, которая должна была их уличить, и решив огнать у них подобную возможность в будущем, я поместил в начале целую диссертацию против материалистов.

Вот эту-то работу, в таком исправленном и дополненном виде я хотел сдать в печать с одобрения Сорбонны. Но здесь я познакомился с вами, и вы знаете, что я задержал ее печатание, имея намерение оказать эту честь Испании.

Я боролся с принципами современной философии, вот источник неутомимой ненависти ее апостолов. Она, конечно, не такова, чтобы унижить меня в глазах умных людей, но вы скоро увидите

что я навлек на себя их преследование во многих областях. Так как они ничем не пренебрегают для того, чтобы распространить свое злополучное влияние, то они размножаются всюду и во всех видах. Наши факультеты, наши академии кипят ими, и так как нет возможности их избежать, то я сталкивался с ними во всех своих предприятиях.

После десятилетнего пребывания в Лондоне и Эдинбурге, где я занимался всякими исследованиями, я возвратился в Париж. Многие знатные больные, которые были оставлены своими врачами, но которым я возвратил здоровье, присоединились к моим друзьям и напрягли все усилия, чтобы устроить меня в столице. Я уступил их настояниям. Они мне обещали счастье: я нашел только горе, оскорбления и всякие напасти.

Шум, вызванный моими блестящими излечениями, привлек ко мне колоссальную толпу народа. Двери мои постоянно осаждались лицами, которые приезжали со всех сторон советоваться со мной. Так как я был в то же время физиком, то знание природы давало мне огромные преимущества: быстрый глаз и уверенность приема. Многочисленные успехи заставили прозвать меня «доктором неизлечимых». Среди огромного количества писем, имеющих у меня в портфеле, я вам выбрал три, записанных под номерами 6, 7 и 8. Они дадут вам понятие о мнении, которое составилось о моих талантах в медицине.

Мои успехи омрачили медиков Факультета, которые с грустью высчитывали мои большие доходы. Но они утешались тем, что изыскивали средства, как уничтожить их источник. Я мог бы доказать, если бы это понадобилось, что они делали частые собрания с целью найти наиболее действительные средства, чтобы меня обесславить.

С тех пор со всех сторон полетела клевета, со всех сторон к моим больным посылались письма для того, чтобы вооружить их против меня. Многие лица, дружба которых ко мне была основана на уважении, защищали меня. Но их голос заглушался воплями моих противников. Все эти факты имеют общественное значение.

Неприятности, связанные с медицинской практикой, заставили меня не раз вздыхать об уединении, в кабинете я всецело отдался моим любимым занятиям, но разве я ждал, что снова сделаюсь источником зависти.

Через тринадцать месяцев кабинетной работы мои «Открытия об огне» были закончены. Для того, чтобы они не сделались жертвой плагиата я попросил комиссаров у Академии Наук. Но так как среди ее членов насчитывалось много философов, которым я имел основание недоверять, я решил открыться только графу Майльбуа, и сам явился, как представитель автора.

Любопытство, возбужденное среди академиков видом огневой жидкости, этого грозного агента природы, было беспредельным. Вы можете получить о нем только слабую идею из письма, которое мне написал один из комиссаров за несколько дней до своего доклада. Оно под номером 9. Сравните, пожалуйста, тон этого письма с тоном доклада Академии и вы должны будете признать, что искренний язык не всегда является языком научной корпорации. Однако, несмотря на неясность речи, несмотря на коварные умолчания и на тощие похвалы этого доклада, для проникательных людей он говорит совершенно достаточно для того, чтобы знать, какого мнения держаться в вопросе о важности моего открытия.

Для того, чтобы другие не присвоили себе моих заслуг, я послал с маркизом д'Арси и графом де-Ножан копию с моей работы во все главные Академии Европы. Ответы Дижонской и Берлинской Академий имеются под номерами 10 и 11. В настоящий момент я ограничиваюсь этими двумя письмами, так как в непомерной массе моих бумаг я не могу отыскать писем Лондонского Королевского Общества и Стокгольмской Академии. Я только присоединяю за номером 12 записку графа де-Шамп. Потом я вас просил бы заметить, что если я не член Парижской Академии Наук, то только потому, что я об этом не заботился, если я не член Берлинской Академии Наук, то потому, что я этого не домогался; если я не член Академии Наук, то это потому, что я отказался.

Наконец, моя работа об огне с изложением опытов увидела свет. Сенсация, которую она произвела в Европе, была удивительной: вся пресса о ней упоминает. За шесть месяцев у меня перебывал двор и город. Те, которым не удалось в достаточной мере повидать опыты в моем кабинете, просили устроить им частные курсы, что и сделал г-н Филассие, член нескольких Академий.

Он насчитывал среди своих слушателей принцев крови и многих знатных особ государства.

В то время, как интересующиеся стекались толпами к моему ученику, чтобы видеть мои опыты с огнем, я представил на критику Академии свои открытия о свете. Не будучи в состоянии долее сохранять инкогнито, я рассчитывал, по крайней мере, на беспартийность моих судей, которые были безграничными сторонниками Ньютона.

В первом сеансе они увидели несколько опытов, которые их чрезвычайно поразили. Но во втором они уже просили показать им только опыты основные. Эта просьба меня удивила и заставила заподозрить их в намерении задушить при самом начале открытия, которых они боялись.

Но, не выказывая им своего удивления, я ответил, что необходимо проследить опыты в известном порядке и что нельзя ставить следующего опыта, если не доказан предшествующий. События скоро доказали, что моя предосторожность не была бесполезной, потому что тот академик, на которого была возложена обязанность делать доклад, не будучи более в состоянии его откладывать, попытался взять из моих рук манускрипт, заверенный комиссарами, хотя с него была копия, что доказывается письмом за номером 29.

Академия, увидев, что невозможно задушить мои открытия, стала стараться, чтобы они исходили из ее собственных недр. Несколько дней спустя после этого маленького происшествия, ко мне в одно и то же утро являлись друг за другом три ее члена. Они меня спрашивали, каждый в отдельности, *не имею ли я намерения вступить в Академию*. Я же был свидетелем неприятностей, которые один из ее членов терпел от своих собратий. Его чуть чуть было не исключили за то, что он отказался подчиниться им в своих мнениях. Если этот честный человек подвергнулся подобному риску, сказал я сам себе, то чему же подвергнусь я, который питаю такое отвращение к тайным проискам известных научных корпораций. Поэтому я удовольствовался ответом, что я еще не обдумал этого вопроса. Мой ответ, плохо понятый, был принят за презрительный отказ. Отсюда и начались преследования.

Семь месяцев потребовалось, чтобы констатировать мои опыты. три месяца, чтобы составить о них доклад, и пять месяцев, чтобы этот доклад мне исходатайствовать. Результатом был отказ в пра-

восудии. Я этого и ожидал, потому что, нужно сознаться, задача была весьма затруднительна и щекотлива. Принять истинность моих опытов значило признать также и то, что они работали в течение 40 лет на ложных принципах, признание которое касалось, в частности, геометров и астрономов. Вот они и организовали против меня ужасный заговор. Отрицая факты, которых они и не видали, они все вместе восклицали *Если этот человек прав, то что же делать с мемуарами Академии?* Академия же, убежденная такими великолепными аргументами, закрыла глаза на очевидность. Все это ярко освещается моей перепиской с этим Обществом (смотрите в подтверждение письма). Я постарался снабдить некоторые из них маленькими заметками, чтобы облегчить их понимание. Вы увидите, что после опубликования моих открытий о свете, преследование стало не только сильнее, но и преступно таинственным. Они позорили меня в своем кругу, но не смели опровергать, хотя их вызывали на это. (См. «Европейский Курьер», 15 апреля 1782 г., которого я не мог достать). Но я должен соблюдать истину: нельзя смешивать всех этих господ в одну кучу моих противников. Вы увидите по письму графа де-Прессанс, что в Академии были люди, которые умели воздать мне должное.

Шум, поднятый этой шайкой, тем не менее не помешал мне отдаться новым исследованиям. За открытиями о свете, последовали открытия об электричестве, которые получили сакрацию многих знаменитых физиков.

Боязнь, чтобы мои работы не наделали слишком много шума, заставила моих противников привлечь к себе перья нескольких преданных им журналистов. Поверите ли вы мне, что Академия не постыдилась трижды, раз за разом, изуродовать публикацию о моих открытиях по электричеству. Факт, который господин Сотеран, один из сотрудников «Парижского Журнала», подтвердил г-ну аббату де-Миолан и другим лицам, достойным доверия. И поверите ли вы, что издатели этого журнала отказались два года тому назад поместить объявление о втором издании моих открытий о свете.

Сравните эти отказы с их полной готовностью в тот момент, когда им было прислано первое объявление о моих открытиях об огне.

Она ясна в записке под № 32, написанной ими графу д'Арси.

Несмотря на шум лже-оракулов Академии, я всетаки был удовлетворен тем, что почти все другие журналы отдали мне справедливость.

Я вас отсылаю к отзывам об *Оне* к «Журналу Литературы», № 16. 17—1779 г., к «Парижскому Журналу» 9-го июня 1780 г., к «Французскому Меркурию» за август 1779 г., к «Энциклопедическому Журналу» за январь 1781 г., к «Литературному Ежегоднику»...

О *Свете* к № 25 «Журнала Литературы» за 1780 г., к «Энциклопедическому Журналу» за декабрь 1780 г., к «Журналу Физики» за январь 1781 г.

Об *Электричестве* к № 33 и 34 «Журнала Литературы» 1780 г., к «Меркурию» за январь 1781 г., к «Энциклопедическому Журналу» за август 1782 г.

По всем этим вопросам к «Духу Журналов» за 1782 г.

Возможно, мой друг, что память мне изменила в точности дат. Но пробегите несколько номеров предшествующих или последующих тем, которые я называю, и вы там найдете данные статьи.

К документам национальным я прибавлю документы иностранные, которые также мне отдали справедливость; между прочим, французский «Европейский Курьер», испанский «Литературный Курьер» и английское «Ежемесячное Обозрение», откуда я вам посылаю статью под № 33. Из нее вы увидите, что хотя дело идет о славе бессмертного Ньютона, всетаки англичане не побоялись поставить под вопрос то, что они считали давно решенным.

Факт, достойный замечания: «Журнал Ученых», редактируемый членами Академии Наук в Париже, не обмолвился ни одним словом о моих работах, хотя он должен был дать о них отчет первым.

Но мне больше всего польстило среди моих успехов то обстоятельство, что несколько иностранных профессоров дали себе труд сделать специальное путешествие из Стокгольма и из Лейпцига в Париж, с единственной целью, познакомиться с моими опытами. Нельзя не вспомнить также нескольких наших провинциальных профессоров, между прочим, господина Пате, человека с большими достоинствами, которого парижский архиепископ выбрал воспитателем своих племянников и на которого два университета возложили обязанность прочитать курсы о моих опытах, как вы это увидите из писем под № 34 и 35.

После работ над физической частью электричества, я хотел заняться электричеством в области медицины, наукой, которая так сильно интересует общество. Среди работ, которые появились из этой области в разных странах, в первом ряду стоит работа господина аббата Бертелон. Я ее знал только по премии, которую он получил и по высокопарным похвалам, расточаемым ему «Журналом Ученых». Я хотел иметь о ней свое собственное суждение и вскоре я остановился на том, что система этого автора более увлекательна, чем основательна.

Господин Бертелон выдает электризацию за универсальное средство от всех болезней,—система, которую легко было бы опровергнуть самыми обычными сведениями из естественной истории, если бы ложность ее не была доказана раньше моими наблюдениями и специальными исследованиями.

Через некоторое время Руанская Академия предложила на премию тему из области физики: определить степень и условия, при которых можно рассчитывать на электричество в лечении болезней. Несмотря на то, что срок подачи конкурсных работ приходил уже к концу, я так проникся важностью темы, что сейчас же, как только ознакомился с заданием, представил в Академию извлечение из своего более значительного труда. Понимая, насколько было важно пресечь заблуждение в самом корне, я поставил своей задачей опровергнуть все имеющиеся по этому вопросу системы и, в особенности, систему господина аббата Бертелон, члена девяти ученых обществ.

Вы видите, что я рассчитывал на неопровержимую силу моих доказательств. Но я выступил анонимно. Я поставил вопрос прямо и установил принципы электричества в медицине. Немного времени спустя я узнал, что моя работа была увенчана премией. По краткому извлечению из публикации этого Общества (под № 36) вы увидите, что оно немножко порицает меня за мою откровенность; но без сомнения это только некоторая пощада, которую оно считало нужным оказать своим сочленам, отвергая их мнения и освящая истинность моих принципов. В конце концов, из этого маленького успеха вы видите, что даже и Академии отдают мне справедливость, если я соблюдаю свое инкогнито.

Убежденный в том, что честь опубликования в Европе истинной теории об электричестве в медицине должна быть предоста-

влена Испании, я хотел непременно сохранить инкогнито, почему и попросил барона Фельденфельда извлечь мое сочинение из Академии, не требуя даже присужденной мне премии. Вы найдете ответ секретаря под № 37. По уставу этого Общества я был вынужден оставить ему свое сочинение и признать себя его автором, но я не намеревался опубликовать его во Франции, предполагая предложить испанской нации законченный трактат, согласованный с мнениями медицинского факультета в Мадриде. Я просил короля сообразоваться оказать мне эту честь.

Из всего вышеуказанного следует, что обвинение в невежестве, бесталанности и шарлатанстве, которые выдвигают против меня мои противники, продиктованы исключительно желанием вредить мне, и что они опровергаются единодушными свидетельствами выдающихся образованных людей, похвалами многих ученых обществ и общественным мнением. Но даже и в том случае, если бы эти почтенные имена не показывали в мою пользу, у меня были бы еще более сильные сторонники: мои работы — вот свидетели, которые громко обличают моих завистников. Для того, чтобы рассудить меня с ними, нужно ли искать судей вне Испании? Нет, мой друг, она имеет своих, весьма компетентных; и такими заслуженными людьми, как Цандунеги, Санта-Круцы и Хорхе Хуаны, вопрос может быть решен без всяких апелляций. Наконец, обвинения моих противников обличают себя сами. Совершенно напрасно они желают меня раздавить ими. Они никогда бы не стали их возводить на меня, если бы были убеждены в том, что я действительно их заслуживаю. Если бы я был бесталанным в их глазах, неужели бы они так остервенились, чтобы меня обесславить. Если бы они считали меня невеждой — ведь мои работы в их руках! Вместо того, чтобы хранить молчание, не напали ли бы они на меня без всякой пощады? Почему же ни один из них не посмел помериться со мной на арене. Потому, что они чувствуют свою слабость! Потому, что они боятся, чтобы я не разоблачил их глупости! Потому, что они знают, что публика, которую они стремятся ввести в заблуждение, скоро отдаст им должное.

Сказанного даже слишком много, чтобы опровергнуть эти смешные обвинения, и я перехожу к критике другого обвинения, столь же смешного.

Они меня обвиняют в том, что я являюсь человеком, который обещает великие дела, а между тем совершенно неспособен выполнить ни одного из своих обязательств. Без сомнения, это портрет честолюбивого интригана. Но замечательно то, что почти всю свою жизнь я провел в своем кабинете, что никогда я не создавал планов обогащения себя и никогда я не брался ни за какое выгодное предприятие. Замечательно то, что в продолжение шести лет я отказывался от богатств, которые мог приобрести, практикуя свое искусство, исключительно из желания предаться наслаждению увеличением суммы полезных знаний. Замечательно также и то, что все дорого стоющие опыты, которых требовали мои открытия, были сделаны на мой счет. Несмотря на это, я согласен не выдвигать данных доказательств против моих противников. И у меня всетаки остаются еще более неопровержимые.

Если бы я был человеком, который гоняется за богатствами, почему же я так часто от них отказывался? Я здесь буду говорить только о крупных случаях, которыми решается судьба.

Вплоть до настоящего времени меня домогались многие королевские особы, исключительно по репутации моих работ.

Одиннадцать лет тому назад, благодаря лестной аттестации герцога Литтлетона, я получил от русского министра блестящее предложение приехать в Петербург (см. № 5), но не входя ни в какие объяснения я отказался: мне не подходил климат.

Десять месяцев тому назад, по лестной аттестации графа Валисса, которому я хорошо известен один из Северных монархов предложил мне 24.000 ливров ежегодной пенсии и 12.000 ливров в момент отставки, с тем, чтобы я приехал в его государство и работал бы там над полным курсом физики. Я был волен принять предложение, но не сделал этого по мотивам вам известным.

Девять месяцев тому назад вы мне сообщили проект моего приглашения в Испанию. Вы хорошо знаете, был ли мой ответ ответом честолюбца. Вы желали, однако, иметь данные, на чем вам базироваться; я вам сообщил, какое я хотел бы получать вознаграждение. Затем вы узнали от меня, какие услуги я мог бы оказать нации.

Через несколько месяцев господин посланник спросил меня от имени графа Флорида-Вланка, каковы мои виды. Я ему ответил,

что мое честолюбие ограничивается тем, чтобы работать под покровительством короля над прогрессом человеческих знаний, а между тем скромность моих средств не позволяет мне предаться с успехом своим исследованиям. Господин посланник затребовал от меня подробного проекта, что я предполагаю сделать для благодати. Я ему вручил записку о некоторых наиважнейших пунктах. Что же касается моего личного жалования, то я сказал, что полагаюсь исключительно на благоволение его величества. Но господин посланник настаивал и, несмотря на все мое отращение, мне пришлось объясниться. Я ограничил свои просьбы условиями, предложенными мне ранее, хотя мне легко было получить гораздо большее денежное вознаграждение от Англии и еще легче заработать несравненно вышнее, практикой моего искусства.

Совершенно очевидно, что мои клеветники могли изобразить меня, как человека, обещающего великие дела, только по докладной записке, которую вручил я вам и о которой в Париже никому не сообщали или же по записке, врученной мною господину посланнику, о которой я сказал только шевалье д'ЕрEDIA и виконту де-ла-Еррерна, с просьбой хранить самую глубокую тайну.

Теперь я вас спрашиваю: каким образом мои противники могли узнать все касающееся меня при мадридском дворе? Конечно, благодаря тайным сношениям, которые они очень искусно умеют завязывать во всех местах.

Отвратите, пожалуйста, на один момент ваш взор от темных интриг наших философов, чтобы подумать вместе со мной о некоторых вещах, которые заставляют не только изумляться, но и более того — тревожиться.

Мораль этих господ — мораль испорченных сердец, имеет необыкновенную привлекательность для молодых людей. Поэтому, их прозелиты крайне многочисленны. И с каждым днем число их увеличивается. Оказывается, что они распространились по всему земному шару. Можно себе представить, какие ужасные сообщества они образуют? Сообщества тем более ужасные, что они невидимы. Не имея никакого внешнего знака, который дал бы возможность их распознавать, они могут, не будучи известными, занимать ученые общества, все общественные учреждения, университеты, трибуналы, советы принцев.

Они уже создали ужасный проект: уничтожить религиозные

ордена, истребить самую религию. Для того, чтобы достигнуть успеха, эти безумцы ограбляют источники полезных знаний и стремятся заполнить своими ставленниками все места в учреждениях общественного образования.

Сколько зла они уже сделали? Сколько зла они еще сделают? Если в один прекрасный день их честолюбивые замыслы распространятся и на политику, то, будучи хорошо осведомлены через своих ставленников обо всем, что говорится в кабинетах, они могут взволновать все правительства и разрушить государства. Кто им может в этом помешать?

Я вижу только одно средство, мой друг, чтобы предупредить эти бедствия: обязать всех великих писателей высмеять этих апостолов современной философии.

Но я возвращаюсь к себе.

Они меня изображают, как человека, который обещает великие вещи, а сам неспособен выполнить ни одного из своих обязательств. На это я даю резкий ответ:

Я не один раз исполнял великие вещи и всегда без всяких обещаний. Прошу на один момент видеть во мне только физика, а в моих врагах, только членов Академии Наук.

Они признают, что я изобрел метод наблюдения в темной комнате, который открывает широкое поле для физических исследований и дает возможность осветить лабиринты природы.

Для того, чтобы изобрести метод столь полезный для прогресса человеческих знаний, наделавший так много шума в республике ученых, может быть подумают, что я мучился в течение многих лет? Вы увидите, как мне это открытие мало стоило.

Заклучив по весьма обыкновенным явлениям, что материя огня менее тонка, чем материя света, я почувствовал, что она может быть видима. А для того, чтобы удерживать ее перед глазами наблюдателя, я применил особым способом один из инструментов, который уже целый век под рукой у каждого, имеющего хотя какое-нибудь отношение к физике.

Как только стал известен мой метод, столичные любители поспешили применить его в своих кабинетах, и большинство европейских физиков его приняли.

Вполне естественно, что он не оказался бесплодным в моих руках. А на обвинение моих противников можно сказать, что они

сами себя обокрали. Судите сами. Несмотря на то, что я показывал им его применение на явлениях огня, они спокойно терпели, как я последовательно применял его и к свету, и к электричеству. Потом, когда моя работа по этим отраслям была опубликована, они удовольствовались тем, что скромно потащились по моим следам.

Кто этому поверит? Эти плодovitые гении даже после года не сообразили воспользоваться моим методом при выборе стекол для оптических инструментов, и мне нужно было еще их знакомить с теми драгоценными преимуществами, которые мой метод имеет перед другими, употребляемыми до сей поры. Этот факт доказан парижской газетой 25 октября 1779 г., под №... (я затерял номер газеты, который предполагал послать вам), где вы увидите письмо аббата Филисье, моего ученика.

Посмотрим теперь короче, какую я извлек из этого пользу. Сначала я применил его, чтобы сделать видимой огненную жидкость, сущность до меня неизвестную, которая играет такую большую роль в делах творения. А сколько систем было опубликовано о природе огня? Бесчисленных недешевых систем, от которых пухнут библиотеки и которые заставляют юношество терять драгоценное время.

Академия Наук, чувствуя, как было бы интересно получить некоторые знания в этой области, сделало ее предметом одной из своих программ. Все наиболее известные ученые Европы приняли участие в этом конкурсе. Три самых высоких гения: Эйлер, Бёрхаве и Бернулли создали каждый, отличную от другой, систему в своих сочинениях. А блистательный лицей, где имеют честь заседать мои противники, забыв, что истина одна, а может быть, не зная, по какому признаку ее распознать, решился из осторожности присудить премию всем трем.

После двух тысяч лет бесплодных изысканий, что такое огонь, предстал перед Академией я: я укрепляю солнечный микроскоп на внутренней ставне темной комнаты. Я помещаю в световой конус до бела раскаленное ядро, я прошу академиков подойти к экрану, я заставляю их видеть и осязать новое начало, о котором они не имели ни малейшего понятия. Я заставляю их видеть его свойства и способы действия. Я им доказываю, что он не находится в лучах солнца и г. д., и г. д. Наконец, после этого лет-

кого и забавного анализа, я освобождаю теорию об огне от всего гипотетического, от всего предположительного, от всяких мудрствований. Я ее очищаю от ошибок. Я ее делаю очевидной, и я ее излагаю в маленьком томике. И это из-под пера *невежды* вышел маленький томик, который обрек на забвение все, что когда-либо ученые общества опубликовали в этой области?

Из всех точных наук оптикой занимались наиболее. Правда, до Ньютона она была еще в колыбели. Но этот великий человек сделал ее объектом своего изучения и создал теорию.

Никогда никакая новая доктрина не имела столько сторонников и никогда никакая новая доктрина не имела столько противников. Первые восхищаются не без критики, последние подвергли критике некоторые частные пункты и делали тысячи тщетных попыток, чтобы доказать их ложность. Наконец, после сорока лет нескончаемых прений, она собрала голоса всей ученой Европы.

Время, которое обычно вносит такие большие перемены в человеческие взгляды, почти ничего не изменило в этой области. Самые знающие математики, которые интересовались физикой, ограничивались повторением опытов Ньютона и ровно ничего не прибавили к его теории. И именно в тот самый момент, когда она, казалось, достигла высшего совершенства, я свожу ее к основным элементам и не боюсь требовать судей у самой Академии Наук. Намерение уничтожить трофей, приобретенные высоким мировым гением, для прославления человеческого духа или, лучше сказать, намерение вырвать из короны Ньютона самую прекрасную жемчужину, среди его многочисленных учеников, горячих защитников, должно было казаться дерзким предприятием. Но ученикам, как бы преданы они ни были, неизвестно, что я делаю, и ни один из них не выразил ни малейшего сомнения (см. № 15), исключая простака Бриссона, который 50 лет довольствуется повторением опыта с призмой.

Скоро члены Академии являются ко мне и просят демонстраций. Я прибегаю к своему методу наблюдения в темной комнате. Перед их глазами я развертываю огромное количество неизвестных феноменов. Они немеют от удивления и видят чудеса, благодаря применению моего метода к оптике. Лучше того, я даю им возможность наблюдать ряд фактов, противоречащих теории

Ньютона, которым они слепо удивляются. Я анализирую на их глазах каждый из опытов их учителя, я доказываю его ошибочность, и я принуждаю их либо молчать, либо заставляю признавать свои ошибки. В конце концов, я излагаю свои открытия в маленьком томике. Неужели же из-под пера невежды мог выйти маленький томик, обрекающий на забвение целый ряд прекрасных теорий, изложенных в массе, просто чудовищной, академических сборников? Но замечьте, что этот маленький томик только канва для полного трактата по оптике, новой науке, откуда мои противники скоро будут принуждены сами брать уроки.

До меня, все то, что появилось об электричестве, представляло кучу разрозненных и запутанных опытов, входящих один в другой или рассеянных по пятистам томам. Дело заключалось в том, чтобы извлечь науку из этого ужасного хаоса. Я запираюсь в свою темную комнату, я прибегаю к моему методу наблюдения, я делаю видимой электрическую жидкость, я ее сравниваю с жидкостью огня и с жидкостью света, с которой ее смешивали до сих пор. Я наблюдаю ее свойства, ее действия, явления, которые получаются от воздействия на нее воздуха, света, огня. И с этого момента нет больше гипотез, нет предположений, нет вероятностей. Все становится интуитивным, и наука формируется. Что же это? Опять невежда опубликовал единственную методическую работу, единственно известную теорию об электричестве? Еще одно слово. Среди глупости неудачных опытов несколько счастливых попыток заставили ощутить, что электричество в медицине может принести огромную пользу человечеству. С давних пор медицина была в руках эмпириков. Физики, не будучи медиками, и медики, не будучи физиками, старались создать из нее обоснованное искусство. Но эти задачи должны были быть задачей гения, который соединил бы в себе оба рода предполагаемых ею познаний. Однако, общество наводнено многочисленными работами, в которых излагаются самые разнообразные системы. Я критикую их все. Я указываю на ошибки и опасности. Затем я устанавливаю принципы, при свете которых должно двигаться искусство, я делаю различие между случаями где помощь электричества может быть действительной, от тех, где употребление его не только не нужно, но даже и опасно. Я имеем судьбами членов Академии. Они увлечены силой моих доказательств. Что же? И опять я, невежда, заставил ученое общество дать пре-

мию своей работе и увенчать ее триумфом в глазах тех из ее сочленов, которых они наиболее прославляли.

Слыша обвинения моих врагов, можно было бы подумать, что они сами безумны.

Но не надо обманываться. Они имеют основание действовать таким образом. Они знают злое действие клеветы и льстят себя надеждой, постоянно повторяя, что я невежда, заставить поверить им на слово. В конце концов, они не так боятся того, что я сделал, как того, что я могу еще сделать под покровительством великого короля.

Я коснусь их последней черты. Они стараются внушить ужас, давая понять, что самое большое несчастье, которое может случиться в Испании, мой приезд туда. Эта отвратительная клевета не могла пасть на неизвестного писателя. Невежды не могут быть бичами.

Она касается морального характера индивида, которого она представляет, как весьма опасного члена общества. Подобный взгляд мог бы иметь основание, если бы я был страшным крамольником, затевающим заговоры против правительства или искусным лицемером, портящим нравы общества. Но с обеих точек зрения, обвинения моих противников в высшей степени смешные.

Если я не выполню своих обязательств, то я соглашаюсь за все свои работы пожать только одно общественное негодование. Пусть такое же условие предложат моим противникам. Посмотрим, подпишется ли под ним хотя бы один.

Я устал сражаться с химерами. Но, мой друг, я должен ожидать, что к злостным обвинениям моих противников, прибавятся новые гнусности. Возможно, что они клеветуют и на мою честность. Что они на меня клеветуют, так это в добрый час: ведь это у них самое приятное занятие. Почтенные лица, в интимной близости которых я живу, отдадут справедливость моим религиозным чувствам, моей нравственности и моему поведению. И я вам приведу свидетельства, которые нельзя будет ни в чем заподозреть. Я бы очень сильно наполнил ими лист, если бы большинство из моих знакомых еще не были в деревне. Но я надеюсь, что их будет более, чем достаточно, чтобы показать, что я добродетельный человек в самом строгом значении этого слова.

Подобные свидетельства я представляю графу д'Аранда, с прось-

бой собрать более подробные сведения у этих почтенных лиц и доставить их графу Флорида-Бланка.

Наконец, я окончил свою задачу. Для того, чтобы закончить вашу, вам остается представить мое оправдание этому мудрому министру, с моей покорнейшей просьбой представить ее на рассмотрение короля. Счастлив, весьма счастлив предстать перед трибуналом его мудрости и его правосудия.

Я вас обнимаю от всей души.

Париж. 20 ноября 1783 г. 1).

Марат.

XXIII

Письмо г-ну.. 2)

1783 или 1784 г.

Письмо это, повидимому, адресовано было на имя герольдмейстера. Дата определяется косвенно, из текста письма, написанного в пору службы Марата врачом личной охраны графа д'Артуа. Службу эту Марат покинул в конце 1783 или в начале 1784 года. Письмо и относится ко времени не позднее этих лет.

Получили ли вы мое письмо? Если получили, то я надеюсь, что вы не отвергнете моего герба, убедившись, насколько удостоверено мое дворянство как в Испании, так и во Франции. Пост, мною ныне занимаемый, и в будущем еще более высокий в силу доверия, оказываемого мне его высочеством, придаст этому делу широкий общественный интерес. Государство может только выиграть в уважении, когда родословная государевых слуг устанавливается надежными документами, как это позаботился сделать я.

Ж.-П. Мари, прозываемый Маратом.

1) См. приложения в конце книги.

2) Адресат неизвестен.

XXIV

Письмо г-ну... 1)

Несмотря на отсутствие имени адресата, возможно допустить, что письмо это предназначалось старшине купеческого сословия. Речь идет об изъятии от уплаты налога. Прибавим, что найдено написанное от имени Марата прошение на имя старшины купеческого сословия по тому же поводу. Оно помечено 1785 годом и озаглавлено: „*Записка о сложении подушного налога с просителя, как с иностранца*“. Мотивы в нем те же,—Марат объявляет себя иностранцем; давно уже вернувшим даже свой патент на звание врача личной охраны графа д'Артуа.

Париж, 25 мая 1785.

Милостивый Государь.

Явившись вчера утром в одну из ваших канцелярий, я узнал, что вы еще не уважили моей просьбы, еще не подвергнув ее внимательному рассмотрению. Это меня несколько не удивило. до меня дошла молва об осторожной мудрости вашей, являющейся признаком неподкупного магистрата.

Однако, милостивый государь, никто не в состоянии лучше меня наставить ваше чувство справедливости. Просьбу свою я подкрепляю ссылкой на свое положение иностранца и звание литератора. Первое удостоверяется моей метрической выпиской, что касается второго, то достаточно бросить беглый взгляд на произведения, изданные мною со времени прибытия моего во Францию—(позвольте мне преподнести их вам),—чтобы понять, что их осуществление отняло все мое свободное время и обошлось мне в изрядную сумму денег.

Без сомнения, наука столь же близка вам, как литература и изящные искусства: ознакомься вы хотя бы с одним из этих произведений, вы сразу признали бы по изысканиям, в них заключенным, что они должны были поглотить все мое время, не оставляя мне даже отдыха.

1) Адресат неизвестен.

А если вы погрузитесь проследить сроки их опубликования, то вы увидите, что за время моей службы врачом при гвардии графа д'Артуа я всецело отдавался кабинетному труду, в который я погружен был и позднее, уже отказавшись от этой должности, которая и не упомянута на обложке последних двух моих работ.

Справедливость требует не подвергать меня поголовному обложению, ибо я нахожусь в положении всех иностранцев путешествующих и расходующих свои средства в целях образования. Впрочем, милосливый государь, моя щеколтливость бесконечно страдает от необходимости обращаться к вам с подобной просьбой, и я ни за что не решился бы на это, если бы недобросовестности лиц, злоупотребивших моим доверием, не принуждала меня к строжайшей бережливости.

Я очень хорошо знаю, как дорога вам всякая минута, и не стану дольше надоедать вам. Каково бы ни было ваше решение, оно будет проникнуто духом справедливости, и я буду считать большой благосклонностью с вашей стороны, если вы возьмете на себя труд уведомить меня о нем ¹⁾.

Марат

XXV

Письмо г-ну... ²⁾

[Без обозначения времени].

Я совершенно поглощен своими занятиями, дорогой граф, и для того, чтобы уделить время на консультацию по состоянию здоровья г-жи дю Мениль, мне пришлось бы забросить нескольких больных, нуждающихся в моей помощи. Я проникнут глубокой благодарностью, однако, прошу вас сохранить доброе расположение ваше ко мне для случаев менее трудных. Я люблю почти только

¹⁾ Сверху этого письма адресат намекает «разрешить быстро и с добрым благоприятным смыслом». С другой стороны, в прошении от имени Марата по тому же самому поводу присоединен ответ совершенно неблагоприятный. Таким образом Марат, повидимому, не выиграл от этого дела.

²⁾ Адресат неизвестен.

такие болезни, где мало дела, а успех значителен, и когда можно выбирать, то почему же не делать этого? И буду иметь честь видеть вас в улице С Клод, сегодня вечером, в 7 часов. От всей души обнимаю вас.

Понедельник утром.

Марат

XXVI

Письмо г-ну... ¹⁾

Париж 6 мая 1786 г.

Я горячо ухватился за предоставленную мне бароном де-Лиди возможность препроводить вам мои сочинения по физике. При величайшем из королей вы являетесь, милостивый государь, меценатом артистов и писателей его государства; однако, выше этого славного звания ставлю я вашу репутацию выдающегося ученого, — к нему я и имею честь обратиться со своими трудами.

Если им посчастливится заслужить ваше одобрение, позвольте просить вас повергнуть к стопам государя экземпляр с высочайшим гербом, слабую дань глубокого моего уважения и восхищения. Да благоволит его величество благосклонно принять его. Милостиво поощряя науку и оказывая покровительство ее служителям, ужели его величество откажет одному из своих подданных в благосклонности, столь часто уделяемой иностранцам?

¹⁾ Адресат неизвестен.

XXVII

Письмо г-же...¹⁾

Милостивая Государыня.

Ничто не может быть чуждым столь просвещенной особе, какою являетесь вы; благоволите принять мою книгу, посвятить несколько минут на ее прочтение и на вербовать истинных последователей²⁾.

С совершенным почтением пребываю вашим, милостивая государыня, нижайшим и покорнейшим слугой.

Париж, 24 января 1788 г.

Д-р Марат.

XXVIII

Письмо г-ну...

16 марта 1788 г.

Письмо без адресата. Повидимому, оно предназначалось редактору журнала, где *Академические записки* подвергнуты были некоторой критике. Марат просит напечатать настоящее письмо его в журнале, обращая не столько к чувству справедливости, сколько к сердцу редактора... „Если ожидание мое будет обмануто, я не скрою от вас, что буду иметь честь обратиться к вам через посредство других печатных изданий где уж, конечно не стану замалчивать недостойное преследование, испытываемое мною. Неужели в столь прославленный век философии и истины не окажется больше друзей и не найдется больше людей, достаточно мужественных чтобы заступиться за нее против всемогущей интриги...“³⁾.

¹⁾ Адресат неизвестен

²⁾ По всей вероятности, речь идет здесь об *Академических записках (Mémoires académiques)* 1788 г.

³⁾ Приводимый отрывок письма извлечен из каталога подлинных писем.

XXIX

Письмо к г-ну Ламетери

18 марта 1788 г.

«*Журнал физики*, редактируемый Ламетери, поместил в февральском своем в номере 1788 года отзыв об *Академических записках*, не обнаруживающий прямой враждебности против Марата; однако Ламетери уклонился от открытого принятия стороны Марата и закончил статью свою такими словами „Ахроматические очки доказали, что великий Ньютон ошибался относительно преломления света; ошибался ли он в равной степени в тех пунктах, на которые нападает Марат, высказаться об этом—дело ученых“. По этому-то поводу Марат и пишет ему. Он удивляется тому, что автор, давая отчет о его труде, не высказался более определенно между ним и Ньютоном по тем вопросам оптики, где он расходится с этим великим человеком. „... Вот уже целое столетие большинство физиков машинально повторяют опыты Ньютона над цветами. Сколько даром потраченного времени для успехов науки... Горю усердием вернуть ее на правый путь, я посвятил бессонные ночи изучению законов природы, и смею думать, что усилия мои не окажутся без успеха...“¹⁾.

XXX

Письмо к Ламетери

Между предыдущим и этим письмом очевидно, приходится письмо Ламетери, которому Марат и отвечает.

Улица Старой Голубянки, 26 марта 1788 г.

Нисколько, милостивый государь,—я никогда не думал, чтобы ваше суждение о моих трудах могло повлиять решающим образом на суждение публики, но я полагал, что вы могли вложить его так, чтобы вызвать некоторый интерес.

¹⁾ Извлечено из каталога подлинных писем.

Когда публика возмущена похвалами, непрерывно и работенно расточаемыми по адресу жалких произведений нашими журналистами, то неужели вы думаете, что оригинальные произведения, важные открытия, освещенные в неблагоприятном свете, привлекут к себе больше внимания? Я ставлю вам в упрек ту беспощадность, с которой вы исказили переданное вам извлечение, ту нарочитую заботливость, с которой вы вытравили из него все, что давало мне право на благосклонность читателей, и в прегнушение я вменяю вам то пристрастие, которое вы обнаружили ко мне одному. Полно вам указывать на то, что перед ареопагом истину надо было представить в голом виде, что похвалы ничего не дают публике, что она судит о книге единственно по ней самой. Вы мало верите во все эти прекрасные положения, ибо вы сами проверяете их на каждой странице вашего издания. Я не стану отсылать вас к преувеличенным похвалам, которые вы расточаете по адресу *Кометографии* П. Сенпре, *Опытов* Кирвана, *Заметок* Пристляя и тысячи других посредственных произведений, но я отошлю вас (августовский выпуск 1787 года) к смехотворным похвалам вашим по адресу книжонки, которой вы не потрудились даже прочесть. Я имею в виду *Электричество метсоров* знаменитого Бертолона.

Робость тщетно пытается принарядиться в моих глазах цветами философии; будем откровенны,—признайтесь, что вы побоялись воздать мне должное, потому что у меня есть могучие прогивники. С своей стороны, я готов пожалеть вас в том, что неблагоприятные обстоятельства лишают вас возможности руководиться исключительно любовью к истине.

С совершенным уважением честь имею быть вашим, милостивый государь, нижайшим слугою.

Марат.

Г-ну де-Ламетери, № 10 ул. Saint-Nicaise.

XXXI

Письмо г-ну... 1)

Декабрь 1788 г.

Милостивый Государь.

Назначая г-на Брега своим душеприказчиком, я вручил ему собственноручное свое завещание, я вверил ему свой телескоп и стеклянный прибор из нескольких пластинок, с помощью которого можно передавать солнце во всей его близости: на г-на Брега возлагается обязанность передать все это от моего имени Королевской Академии Наук. Я настолько уверен был в честности г-на Брега, что пред лицом смерти ни минуты не побоялся бы вверить ему самое дорогое для меня на свете; но с того времени как болезнь моя перестала быть угрожающей, я не мог не почувствовать некоторого беспокойства.

Зная про его связи с некоторыми академиками и, особенно, с г-ном Белланкуром (который выполняет поручение испанского короля по составлению собрания ценных приборов), человеком, который не имеет соперников в умении присваивать себе плоды чужих трудов, я боюсь, как бы г-н Брега не дал маху и не совершил какой-либо невольной неосторожности. В виду этого, чтобы не лишиться плодов своих открытий в том случае, если бы они опубликованы были каким-нибудь плагиатором в Испании, во Франции или еще где-либо, прежде чем я опубликовал их сам, я потребовал возвращения пакета с бумагами, переданными мною г-ну Брега, вскрыл его, вложил в него настоящее заявление, дабы обеспечить себе этим путем свои права, затем я снова запечатал пакет; вокруг печали я распоряжусь поместить подпись г-на Брега и сдать все на хранение нотариусу.

Д-р Марат.

1) Адресат неизвестен.

XXXII

Письмо г ну Грегуару

В *Journal général de France* от 12 января 1788 года объявлено было о выходе в свет *Академических записок* в след. словах: „Записка об игре цветов в мыльных пузырях, увенчанная Руанской Академией и доставившая в извечении—столько удовольствия ученым столицы, принадлежит перу г-на Марата, г-н Лоншан, которому она была приписана, не более, как подставное имя. Записка эта входит в серию других произведений, только что изданных знаменитым изобретателем у книгопродавца Мекниьона старшего, в улице Кордельеров. Мы незамедлительно дадим отчет об этой замечательной серии. По поводу этой записки об игре цветов в мыльных пузырях Марат написал 10 мая 1789 г. письмо автору одной записки о том же предмете

Париж, 10 мая 1789.

Я с удовольствием прочел, милостивый государь, записку вашу об игре цветов в мыльных пузырях. Так как газетное объявление, напечатанное вскоре после увенчания моей записки, подало одному любителю повод обратиться к вам с предложением издать ваше сочинение в том виде, в каком оно послано было в Академию, то вы сочли себя обязанным подвергнуть его моему рассмотрению. Тронутый этим знаком доверия и чуткости вашей, я, с своей стороны, ставлю себе в обязанность заявить, что хотя работа эта с времени конкурса была почти целиком переделана, я не предъявляю никаких претензий по поводу сделанных вами в ней изменений.

Остаюсь и пр.

Марат

XXXIII

Письмо к Генеральным Штатам

27 июля 1789

Этим письмом открывается поштынский период жизни Марата, уже успевшего написать свое „Приношение Отечеству“. Следя за работой Генеральных Штатов, он уделяет ей неусыпное внимание. Проблемы, волнующие Собрание, ему хорошо знакомы. Он исследовал их в своих „Цепях рабства“ и в „Плане уголовного законодательства“. Лишенный возможности участвовать в решениях Ген. Штатов, он шлет им письмо за письмом. В № 2 „Парижского Публициста“ (13—IX—1789), он печатает отрывок из одного такого письма касательно учреждения Государственного Трибунала

.... Среди крупных вопросов, занимающих умы, особенное внимание привлекает розыск государственных преступников: их взяли преследовать, и некоторые из них уже заплатились за свои злодеяния. Понесенное наказание, конечно, ими заслужено; но при его применении нарушили Справедливость и допустили насилие над природой. Жестокие сцены, в которых вырвалась наружу мстительность черни, должны уступить место нормальному суду. Пусть изменники Нации, которые хотели купаться в ее крови или заставить ее погибнуть с голоду, чтобы обогатиться на ее счет,— пусть они подвергнутся позорящему и уголовному наказанию, но наказанию по суду...

Ставился вопрос, имеет ли высокое Собрание право учредить особый трибунал для суда по государственным преступлениям. Может ли кто сомневаться в этом? Не только имеет право, но обязано, раз что обычные суды уже не пользуются народным доверием и неспособны больше выполнять свое назначение...

XXXIV

Письмо к председателю Генер. Штатов

23 августа 1789.

Единственное, целиком до нас дошедшее письмо из числа адресованных к Ген Штатам. Его заглавие *Обзор недостатков английской конституции, дабы избежать целого ряда подводных рифов в устройстве правительства, которое наши депутаты собираются дать Франции*. Напечатано тишь в 1793 году в связи с французским изданием работы „Цепи рабства“.

Английская конституция давно уже слыла венцом человеческой мудрости, и, надо признаться, до конституции Соединенных Штатов более совершенной не было.

Мало кто из читателей знает ее основательно, еще меньше—способных судить о ней; но предубеждение в ее пользу благодаря англоманству является всеобщим. Несмотря на это, было бы жестоко, если бы она стала образцом Конституции, изготовляемой для нас; однако, этого-то и приходится опасаться, если принята будет работа конституционной комиссии, ибо уверяют, что комиссия эта не находит ничего лучшего, чем рабское следование английской конституции.

Пораженный обильными недостатками, искажающими ее, я счел гражданским своим долгом раскрыть их, представить Генеральным Штатам точный анализ их. Природная склонность к политике заставила меня заняться подробным изучением английского управления; а десятилетнее пребывание на месте, дало мне возможность близко наблюдать скрытые пружины этого управления, следить за его ходом, уловить его преимущества и недостатки.

Обзор, ныне предлагаемый французам, был мною предложен самим англичанам в работе, изданной в 1774 году, в Лондоне, под заглавием «Цепи Рабства». Я прошу разрешения напомнить здесь судьбу и задачу этой работы, перевод которой появился на восемьнадцать лет раньше подлинника.

До омерзения ненавистя деспотизм, я тревожным взором следил за распрей, возникшей между Уильксом и С.-Джемским

кабинетом; я с изумлением увидел, как общественное мнение в течение некоторого времени выказывалось против покушений со стороны министерства, как сурово оно наказывало нарушение права убежища гражданина, как оно воздвигло новую ограду вокруг храма свободы, осудив «приказы об аресте»¹⁾: но это лишь отчасти исправляло общую картину.

Внимательно вглядываясь в нее, я не преминул заметить, что английская конституция, неоднократно подправленная, заключает в себе бездну недостатков, которые оставляют открытое попрание для министерских происков и отдают общественную безопасность в жертву кабинету, даже тогда, когда он не склонен проявлять властной руки. Это чудовищные недостатки, которые, однако, по-видимому, легко устранимы с помощью немногих законов, простых и вместе с тем разумных.

Внести эти целительные законы зависело единственно от парламента. Чтобы этого от него добиться, прежде всего было необходимо, чтобы он состоял из людей разумных и честных. Приближались выборы, и я решил, что это самый подходящий момент подумать о том, как лишить двор зловещего влияния на выборы.

Желание поработать на защиту последнего убежища свободы, которая, казалось, укрылась на славном острове Альбиона, внушило мне намерение привлечь внимание англичан к столь серьезному предмету, призывая их к сознанию их права посредством изображения гнусных козней, употребляемых государями для порабощения народов, и тех ужасных бедствий, которые всегда ведет за собой деспотизм.

Работа была написана, оставалось ее напечатать. Со временем обнаружатся те препятствия, какие чинил кабинет, чтобы не допустить напечатания ее до окончания выборов. Но, хотя я вследствие этого и лишился возможности призвать англичан к таким выборам, которые сделали бы им честь, однако, для главного вопроса,—именно для преобразования коренных недостатков конституции,—труды мои пропали не совсем даром.

¹⁾ The general Warrants, нечто в роде lettres de cachet, где преступление и имя обвиняемого не обозначено (Прим. Марата)

После тщательного рассмотрения я признал, что коренной причиной подкупа, царившего в великобританском парламенте, было непосредственное влияние, оказываемое королем на выбор членов Нижней палаты, на численный состав Верхней палаты и на голосование той и другой,—путем раздачи мест, которыми он располагает, и щедрот, коих источником он может сделаться.

Спросят, конечно, какие такие щедроты может излить государь при довольно ограниченном гражданском листе, когда существует такое множество казенных должностей и притом с огромными окладами, и все это за счет того же гражданского листа. Ответить не трудно: ведь, распоряжаясь назначением министров и лордов казначейства, король может через их посредство черпать из казны средства, необходимые для выполнения властолюбивых своих замыслов, и отсюда же черпать средства для того, чтобы воспрепятствовать членам Парламента узнать про эти хищения. Ведь требование сдачи отчетов проходит большинством голосов,—и король всегда в состоянии воспротивиться подобному требованию, обеспечив себе большинство голосующих.

Для устранения этих злоупотреблений и жестоких бедствий, из них вытекающих, я предложил принять, в качестве основных государственных законов, четыре билля:

Лишить корону права назначения депутатов, избрание которых является привилегией множества мелких местечек, и сделать это путем присоединения этих избирателей к общей массе населения соответственных графств;

Лишить корону привилегии создавать новых перов, передав это право Парламенту, ограничив его, однако, в том смысле, чтобы правом этим он пользовался исключительно по отношению к людям простого звания, оказавшим отменные услуги отечеству;

Исключать из Парламента всякого гражданина, занимающего должность, зависимую от короля;

Наконец, постановить, чтобы проверка правительственной отчетности и состояния государственного казначейства производилась всякий раз, когда этого потребуют три члена Нижней палаты, подав мотивированное заявление.

Как только работа моя была обнародована, поднялось всеобщее брожение. Сразу почувствовались недостатки конституции; стали желать ее изменения; особенно желали *большого равенства в на-*

родном представительстве. Пожелание это сделалось излюбленным делом всех народных собраний. Вопрос этот поднят был в Парламенте; билль был внесен и получил сильную поддержку. Несколько времени спустя он прошел целиком в третий раз; быть может, и на долю остальных когда-нибудь выпадет та же участь

XXXV

Письмо к представителям Коммуны

Комментарии Марата к этому письму „Я заканчиваю последнюю фразу № XVI [газеты своей Други Народа], когда ступающий городской думы передаст мне от имени Собрания Представителей Коммуны приказ предстать перед вами в тот же вечер.. Приказ этот вызван был номером XV, вышедшим позвучу. Я согласен, что жесткие истины, в нем заключенные, не могли не вызвать недовольства, но они слишком тесно связаны с общественной безопасностью, чтобы я мог решиться смягчить хотя бы одно слово.. Впрочем я явился в городскую думу лишь для того, чтобы доказать вам господам свою снисходительность прошу их мимоходом воспринять этот урок Они не могут покушаться ни на одно из прав человека и гражданина и не могут совершать никакого акта правосудия. Если они еще не знают пределов предоставленных им полномочий, то я готов их наметить им. А пока я попрошу у них разрешения представить им ниже следующее заявление которое должно интересовать всех моих читателей, ибо оно касается общественного дела“

Письмо редактора к гг. Представителям Парижской Коммуны, от 25 сентября 1789 года.

Милосливые Государи!

Вызванный предстать сегодня (к 7 часам вечера) пред вами по поводу журнального номера, автором которого я себя заявляю, я отправился в городскую думу. Несколько раз добивался я разрешения быть выслушанным, и после тщетного пятичасового томительного ожидания мне было сказано явиться завтра. На другой день та же точность, те же бесполезные усилия с моей стороны. Вы, конечно, перегружены работой, но ведь и я не меньше вас,

и притом мои занятия в гораздо большей степени важны для общественного благополучия: я — око народа, вы, самое большее, — его мизинец. Так примиритесь же с тем что я, дорожа своим временем, буду у себя дожидаться дальнейших ваших приказаний.

Я знаю, милостивые государи, что среди вас у меня много врагов, хотя бы закадычные приятели бессовестного Бомарше, и, конечно, их святому усердию обязан я честью получения вашего приглашения. Но я льшу себя тем, что число моих друзей в вашем Собрании еще многочисленнее: какое имели бы вы право называться добрыми патриотами, если бы неподкупный защитник прав народа не был дорог вам?

Как бы то ни было, отправляясь на ваше заседание, я намеревался прочитать вам нижеследующее заявление; разрешите мне сделать это теперь публично.

Усердно радея о благе Отечества и приходя в отчаяние при виде того, как господствующие в Национальном Собрании аристократы издеваются над народом, постоянно вводя в заблуждение его представителей, как они идут навстречу пожеланиям любимого министра, как они противятся основным законам, которые должны освятить права нации, и проводят лишь те, которые устанавливают прерогативы короны, ставят государя над законом и отдают в его руки цепи деспотизма, — я полагал недостойным истинного гражданина хранить молчание и решил раскрыть нации глаза на черный заговор, заговариваемый против нее. В этих видах я, полтора месяца тому назад, в листке под заглавием «Патриотический Указатель», разоблачил перед нацией вызывающую беспокойство работу Конституционной Комиссии, руководимой г-ном Мунье: добродетель этого почтенного депутата была оценена, и его товарищи ударили отбой. Затем я раскрыл происки ненавистной клики, орудием которой оказался виконт де-Ноайль. Я всегда тревожным взором следил за движениями этой партии, более чем когда-либо грозной, и увидел, что она подняла голову как раз в ту минуту, когда представители Парижской Коммуны, забывая пределы власти простыми блюстителями которой они являются, отдали гражданской милиции приказ рассеять палерояльские толпы, под предлогом предупреждения мятежных сборищ, — приказ, посягающий на общественную свободу, ибо он отнимает у граждан принадлежащее им право собираться всюду, где им угодно, для занятия государствен-

ными делами, затем, сопоставляя тысячу известных фактов и следя за сношениями аристократии и правительства со столичным муниципалитетом, я испугался, как бы последний, незаметно для самого себя, не стал служить коварным намерениям врагов государства. Мои опасения возобновились, когда я увидел, что мэр, этот академик, богато пенсонируемый королем, стремится под рукою стянуть к себе всю муниципальную власть и сохранить в прежней продовольственной комиссии членов, явно неугодных округам. Они увеличились, когда я увидел, что представители Коммуны незаконно присвоили себе судебные полномочия с целью обелить человека, на которого поступил донос от Комитета Кордельерского Округа¹⁾, человека, обвиняемого во всех преступлениях, человека, заклейменного общественным мнением, — и, забыв всякую честь, они же допустили его в состав своей корпорации. Наконец, мои опасения превысили всякую меру, когда я увидел в этой корпорации людей, живущих по меблированным комнатам, людей без определенного положения, существующих исключительно на доход от своего промысла, людей, неоднократно отвергнутых Округами, которые они представляют, и добившихся, в конце концов, избрания путем закулисного привлечения голосов и т. д. Я трепещу при мысли, что огромное большинство членов вашей Комиссии, очень почтенных своими знаниями и патриотизмом, но слишком мало опытных в политике, чтобы уметь раскрыть искусно поставленные ловушки, по прямотушию своему может быть захвачено врасплох горстью негодяев, и невольно сделается орудием утеснения и тирании, я удручен тем, что Национальное Собрание все время находится под давлением врагов государства, и я вполне убежден, что оно будет в состоянии успешно работать над Конституцией лишь тогда, когда эти враги не смогут больше опираться на силы самого Народа и когда Парижский муниципалитет станет отражать общественные пожелания. А посему, милостивые государи, во имя Отечества предстателем которого я выступаю, я требую, чтобы вы немедленно очистили свою Корпорацию от членов, к которым истинные граждане не могут больше питать никакого доверия, и чтобы вы равным образом очистили и все комиссии городской

¹⁾ Комитет этот всегда отличался мудростью, широкой взвешанностью и энергией
(Прим. Марата).

думы. Члены эти вам не безызвестны, и я готов назвать некоторых из них по первому требованию.

Народ глупейшим образом упустил случай отделаться от врагов Государства, а руководящая партия Национального Собрания приложила все усилия к тому, чтобы не допустить привода их к подножию алтарей Правосудия. Они и принялись опять за свои козни, и Франция стоит накануне величайших несчастий. Чтобы отвести ее от пропасти, остается единственная надежда на подлинных граждан, у которых хватит энергии и мужества влить в народ живое сознание его прав и призвать его к отмщению за их нарушение. Считая, что при современных обстоятельствах мое перо для защиты свободы полезнее целой армии, я требую от вас, милостивые государи, отдать приказ первому моему печатнику, который испугался предъявленного мне вами вызова и потому отказывается выпускать из типографии мой журнал, чтобы он безбоязненно продолжал свою работу над этим патриотическим изданием, а уж я возьму лично на себя ответственность за все, что может задеть истину или правосудие. Я требую также от вас прекратить покушения на права граждан, препятствуя им собираться в общественных местах ¹⁾; ведь именно эти собрания спасли вас в то время, когда вы еще не выделялись из толпы и еще не были обличены общественным доверием. Я требую также, чтобы вы принудили Собрание безотлагательно учредить верховный трибунал для

¹⁾ Есть же окружные собрания. — скажете вы. Все это было бы отлично, если бы они были хороши по составу, если бы в них все не устраивалось путем пронырства и если бы добрые граждане не были вынуждены бежать от них. Кто же не знает, что прокуроры, адвокаты, судейские и парламентские советники, люди, вскормленные предрасудками своего звания, насквозь пропитанные духом казны и скупаемые жаждой начальствования, овладели комитетами, где они и первенствуют в силу своего навыка выступать публично. Так что эти брехуны диктуют все резолюции. Скоро они станут хозяевами Муниципалитета: из трехсотгласных Думы можно насчитать сто сорок пять принадлежащих к их числу; почти невероятно, чтобы они при своем тупом и извращенном мышлении были добрыми патриотами, и если мы, пока еще есть время, не сумеем от них уберечься, мы будем раздавлены поборниками кривоколовства и попадем под ярмо Парламентов.

(Прим. Марата).

окончательного суда над врагами Государства. Наконец, я требую, чтобы вы ни на минуту не забывали, что вы облечены властью единственно с целью поддерживать права своих сограждан, обеспечивать продуктами рынка, препятствовать разбою, прибирать к рукам изменников отечества, противиться покушениям со стороны правительства, заговорам аристократов, проискам поборников деспотизма.

Если вы откажетесь внять моим пожеланиям и представите врагам нашим средства разрушать общественное благоденствие и свободу, то пусть это писание мое послужит когда-нибудь свидетельством против вас: я излагаю в нем свои более чем основательные поводы опасения. Нация с благодарностью увидит, что я, не считаясь с опасностью угрожающей мне личной мести, пожертвовал собой для общего благополучия; она с негодованием увидит, что вы воспротивились одушевляющему меня рвению; и сами вы, милостивые государи, пожалеете слишком поздно, что не прислушались к моему голосу, и вы проклянете роковую беззаботность, в которой стараются держать вас.

И не думайте пытаться рассеять поднятую мною тревогу: я приобрел очень прочную уверенность в правильности моей точки зрения. Где были бы вы сегодня, если бы я 14-го июля смотрел на вас глазами слишком доверчивой толпы, если бы я не рисковал своей жизнью, чтобы остановить торжествующее шествие подлой солдатни и раскрыть заговор, направленный к захвату Парижа и всеобщей резне под покровом темноты? В вашей среде есть почтенные члены ¹⁾, которые могут официально засвидетельствовать этот факт. Я упоминаю об этом лишь для того, чтобы побудить вас не отвергать полезных советов и спасти Государство.

¹⁾ Г-н Деллагре, гражданин, которым гордится бы Рим в славные дни Республики.

(Прим. Марата).

XXXVI

Письмо г-ну Жоли

В № 24 газеты „Друг Народа“ Марат резко раздает одного из членов Парижской Коммуны, г-на Жоли, за поступки, которые сами по себе были вполне установлены, но вовсе не касались того, на кого Марат возлагает за них ответственность. Коммуна воспользовалась этой невольной ошибкой и начала судебное преследование против редактора „Друга Народа“, прервав таким образом дальнейшее появление неудобного для Коммуны органа печати 8 октября Марату удалось ускользнуть от муниципальной гвардии, пытавшейся арестовать его Увезенный друзьями в Версаль и там упрятанный, Марат написал 15 октября 1789 г. длинное письмо г-ну Жоли, выйдя из его отдельной брошюрой под заглавием *Письмо г-на Марата, друга народа, г-ну Жоли* и т. д. Здесь Марат впервые присваивает себе звание „друга народа“, которым отныне всегда именует себя

Мне нечего напоминать вам, милостивый государь, о вашем ответе на 24-й номер моей газеты; вы его знаете лучше меня. Но прежде чем отвечать на него, разрешите сделать несколько замечаний относительно постановления представителей Парижской Коммуны.

Они начинают с выражения глубокого негодования, внушенного им клеветническим обвинением одного из их сочленов со стороны издателя «Друга Народа». Не знаю, уместны ли слова *глубокое негодование* после всего, что произошло между ними и мной: однако, сейчас не время касаться этой стороны. Что касается *клеветнического обвинения*, которое они ставят на вид «Другу Народу», то я замечу им что они не понимают истинного значения выражений Клевета есть ложь, придуманная с целью причинить вред; а этого-то в моем разоблачении как раз и нет. Прежде всего, я вовсе не имею чести знать вас лично, и по сию пору мне не о чем более спорить с вами, следовательно, в моем поступке не могло быть ни малейшего зложелательства, злостная клевета, в которой меня обвиняют эти господа, сводится, таким образом, самое большее к непроизвольному оскорблению.

Посмотрим, можно ли вообще упрекнуть меня. Став свидетелем общественного происшествия, мало назидательного для господ

из городского Муниципалитета и разыгравшегося последовательно в дверях приемной перед залой заседаний коммунальных представителей и в бюро пропусков, я воспроизвел факты с добросовестной точностью; стало быть, они не выдуманы мною. Я, конечно, мог обмануться, но тогда вина моя лишь в том, что я не погрешим. Если можно в чем упрекнуть меня, то разве только в том, что я поверил обвинениям, повторенным неоднократно и притом тоном, внушающим доверие самому осторожному человеку. Мог ли, должен ли я был сомневаться в них, когда они столь отчетливо высказаны были в таком месте, где выражать их было опасно, и притом высказаны известным человеком, горькие сетования которого шли из глубины уязвленной души, в минуту откровенности, когда уста всегда бывают в согласии с сердцем? А ведь г-н де-Перне громко обвинял г-на де-Жоли в *сокрытии документа, от которого, к счастью, у него сохранился черновик, и в подделке постановления, вследствие которого он рисковал подвергнуться задержанию*; таковы подлинные его выражения.

Некоторые члены бюро пропусков пытались образумить его насчет г-на де-Жоли. Он настаивал все сильнее, и горячие возражения его производили впечатление полной правдивости. Я сам настолько был убежден в ней, что несколько раз предлагал ему опубликовать его заявления, и он отклонил мои предложения только потому, что жалоба его уже подана была в суд.

Встревоженный этими новыми поводами для недоверия, должен ли был я молчать в минуту кризиса, за которым я хорошо видел страшный заговор, вот-вот готовый разразиться, и весьма недвусмысленное, для сколько-нибудь опытного в политике человека, сближение между правительством, аристократической партией Национального Собрания и аристократической партией Муниципалитета? Я старался очистить Городскую Думу. Я указал на некоторых членов ее, как на лиц, недостойных никакого доверия. И на вас специально я сделал указание. Так знайте же обязанности гражданина и поймите, что не обвинение вас преступно, преступно было бы молчание с моей стороны. Уверенный в своей чистосердечности, я на другой же день потребовал от графа де-Перне воздать должное истине во имя того, что для человека чести дороже всего. Это требование, прямодушно заявленное, должно было бы поставить меня выше всякого подозрения. Оно при-

вело меня к встрече с графом в присутствии семи или восьми уважаемых лиц. Прежде всего установлена была основательность обвинений; но граф перепутал с кем-то г-на Жоли и стал намекать, что он имел в виду г-на М... (я забыл фамилию ¹⁾), но я обязуюсь сообщить ее). Когда я стал требовать категорического ответа на свои вопросы, свидетели могли убедиться в моей искренности и в его замешательстве. Итак, несомненно, что факты достоверны, и он лишь ошибся, приписывая их г-ну де-Жоли. Это ошибка вполне простительная. Г. де-Перне не постиг этой истины. Он, очевидно, испугался последствий этой оплошности и, может быть, побоялся пуститься со мной в огрovenность, обычно ему, несомненно, свойственную.

Что касается меня, то в чем же я виноват? В том, что я разделил уверенность г-на де-Перне и вменил злоупотребления, содеянные в одной из городских комиссий невинному члену, вместо того, чтобы вменить их другому члену, виновному.

Теперь подойдем к предмету нашей распри. Преступление достоверно, оно было совершено членом Муниципалитета, этот член—М; ясно, что г. де-Перне ошибся, назвав г-на де-Жоли: впрочем, каковы бы ни были вероятности, вызвавшие эту оплошность, достаточно было ему признать ее—уже с моей стороны было бы крупной виной не поторопиться исправить нанесенный вам урон торжественным отказом от моего разоблачения. Я и выполняю усердно этот священный долг, и я уже неделю назад выполнял бы его, если бы не мои друзья, которые вырвали меня из дому и утащили в деревню, где и держали под замком все время, за исключением часов, когда они сопровождали меня на заседания Генеральных Штатов.

Пока мое разоблачение было на лицо, вы имели основание жаловаться и требовать восстановления чести; теперь, когда я признаю свою ошибку и публично от нее отрекаюсь, вы не имеете больше права ставить ее мне в вину. В силу этого добровольного признания само собой падает и юридическое действие ваше, на меня направленное, ведь и справедливый суд едва ли мог бы потребовать от меня большего, чем это признание, и без того нала-

¹⁾ Собственные имена и числа—вечное преткновение для моей памяти (Прим. Марата)

гаемое на меня любовью к справедливости и уважением к истине. Я не прошу вас взять назад вашу жалобу и потребовать отмены направленного против меня указа: к этому обязывает вас справедливость и честь. Чтобы доказать вам безграничную мою уверенность в этом отношении, я постараюсь вырваться из рук моих друзей, чтобы огдаться в ваши руки вполне полагаясь на вас.

Марат, издатель „Друга Народа“.

Из незнакомой мне деревни, близ Версаля, 15 октября 1789 г.

XXXVII

Письмо Неккеру

20 окт. 1789 Неккер впервые посетил свои Округи des Filles-Saint-Thomas. Восгорженно принятый там и избранный в почетные председатели. Неккер „просил свои Округи осведомлять его о всех писаниях, уже напечатанных и впредь имеющих появиться, направленных против него, дабы он мог на них ответить и оправдаться“. 23 октября Марат, из места своего сокрытия близ Версаля, отправил „первому министру финансов“ следующее письмо, которое он воспроизвел позднее во главе своего изданного в январе 1790 года памфлета „Разоблачение, сделанное перед трибуналом публички г. Маратом, Другом Народа, и направленное против г. Неккера, первого министра финансов“.

Из Версаля, 23 окт. 1789.

Признаюсь, милостивый государь, ваш поступок, столь превознесенный усердными газетчиками, является в моих глазах ловким шагом, политической тонкостью или, как говорят добрые люди, иезуитской ухваткой.

Как бы то ни было, этим пышным выступлением вы как раз одобрили мои принципы: вы изволили торжественно признать, что агенты власти ¹⁾ должны оправдываться в обвинениях, на них

¹⁾ Г. де Сен-При уже признал этот трибунал, еще 12-го числа Граф Мирабо обвинил его перед Национальным Собранием в том, что он ответил парижской женской фаланге. Когда у вас был только

возводимых, единственно перед трибуналом публики; вы добровольно признали этот высший трибунал и обязались не признавать никакого другого,—выводы, которых вы не предусмотрели, но которыми я пользуюсь, выступая против вас.

Я выхожу на арену; не нужно мне щита, ни кольчуги; я отказываюсь от всякого коварства, от всяких уловок, я буду нападать на вас спереди; об одном прошу, оставьте мне поле открытым, я хочу, чтобы удары мои были вполне явными. Я выступлю великодушным врагом, защищайтесь и вы, как подобает храбrecу, повергните меня к вашим ногам,—и примите заранее торжественное мое заявление, что если вы выйдете из поединка победителем я первый оглашу свое поражение и ваше горьчество.

XXXVIII

Письмо Камиллу Демулену

28 декабря 1789.

Повидимому, первое письмо Марата к Демулену. Возможно, что речь идет о согласном выступлении по политическим вопросам двух органов. „Друга Народа“ и „Революций Франции и Брабанта“.

Милостивый государь! Все, у кого есть душа,—мои друзья, а вы стоите во главе тех, кто показал себя с лучшей стороны; я с удовольствием соглашаюсь на ваше предложение и прошу вас принять уверение в совершенном моем почтении и искренней привязанности.

один король. вам хватало хлеба, теперь у вас 1200 королей, ступайте и просите у них“. Тогда С.-При направил к председателю Следственной Комиссии длинное послание, где, между прочим, пишет: „Я знаю, что гражданин всегда должен быть готов отвечать перед трибуналом публики. я еще недавно уничтожил измышленную против меня клевету в моем Округе Saint-Philippe du Roule“. Но мне кажется, что оправдание министра перед Окружным Комитетом несколько подозрительно, по крайней мере, если судить по приему, оказанному г-ну Некьеру в комитете Округа des Filles-Saint-Thomas. Прибавлю, что публичность тут не при чем, ибо все происходит при закрытых дверях. (Прим. Марата).

XXXIX

Письмо Лафайету

10 января 1790.

Преследуемый судом, Марат лишь случайно ускользнул от ареста в ночь на 9 января 1790 года. На следующий день он отправил воспроизводимое здесь письмо Лафайету, как начальнику парижской национальной милиции.

Нынешнюю ночью, около одиннадцати с половиной часов, человек сорок—пятьдесят гренадеров и стрелков, в сопровождении двух полицейских чинов, в военной форме, и пристава, окружили занимаемый мною дом с целью насильственно увести меня, заручившись предварительно поддержкой соседней караульной команды. Если бы Друг народа был главою циклопов, которые пошли приступом на небо, то и тогда против него понадобилось бы не столь многочисленное воинство. Неужели не стыдно было храбрым воинам сыграть подобную роль,—или они рассчитывали встретить сопротивление со стороны соседней караульной команды, что и должно было бы неминуемо случиться, если бы начальник караула лучше знал свои права: мужественный Округ кордельеров, конечно, запомнит это поношение!

Что касается меня, то я достаточно дорожу честью Сент-Этьенского батальона, отбывавшего в этот день караул при Суде, чтобы не снять с него обидных подозрений, возникших на его счет у множества честных граждан. Я желал бы только, чтобы храбрые воины не забывали, что им, солдатам родины, никогда не следует предоставлять свои силы для увенчания своих защитников.

Национальная гвардия слишком верна своей чести, чтобы патриотизм ее мог быть поставлен под сомнение, и вы, милостивый государь, облеченный доверием нации, лучше всего могли бы ответить на него усиленным внедрением в национальную гвардию этих доблестных чувств.

Мне остается сделать вам одно очень серьезное замечание, всю вескость которого никто не в состоянии почувствовать лучше вас: а именно, что многочисленный отряд, которому поручено было нарушить мое убежище, вырвав меня из моего жилища, послан

был уголовным Судом ¹⁾. Если Суд может без вашего распоряжения безнаказанно пускать в дело солдат отечества для угнетения граждан и делать их орудием своей мести, то кто же помешает ему направить национальные силы против публики? Во что же тогда превратятся ваши полномочия главнокомандующего? И что подумает нация, которая видит в вас своего мстителя? Подобное злоупотребление привело бы к переходу национальных сил в руки наших врагов, к нападению граждан на граждан, к вспышке гражданской войны, к подавлению общественной свободы собственными ее защитниками. Я требую от вас, милостивый государь, принятия самых незамедлительных и самых действительных мер к подавлению этого опасного злоупотребления, и вместе с тем требую приказания, чтобы впредь никакая посылка войск не происходила без вашей визы, — это единственный способ предупредить страшные несчастья, которые не явились бы неминуемым последствием подобного злоупотребления властью.

Разрешите указать вам еще раз на возникающие во мне опасения по поводу нововведений в организации парижской национальной милиции. Для погубения на мою свободу избраны были гренадеры и стрелки, два отряда, которые открыто хвастали своими отличиями, оскорбительными для других солдат, и которые может быть для того и были образованы, чтобы вызвать раскол среди граждан.

Ведь это вы, милостивый государь, конечно, без всякой задней мысли, способствовали этому роковому разделению, напечатав соответствующее объявление в газетах. Я предоставляю вашему благородию выбор средств к прекращению развития этого зла в самом его зародыше и к подтверждению в глазах нации искренности патриотических чувств, которые вы исповедуете.

XL

Письмо к Национальному Собранию

Январь 1790

То же инцидент вызвал со стороны Марата следующее письмо к Нац. Собранию, относящееся, повидимому, к тому же сроку

Милостивые государи!

Жан-Поль Марат доктор медицины, гражданин Округа Кордельеров, издатель патриотического органа «Друг Народа», честь имеет сообщить вам, что в ночь на 9-е число сего месяца, парижский Суд, ослепленный жаждой мести, становясь судьей в собственном деле и преступным образом злоупотребляя полномочиями священного служения с целью заглушить истину, которой он бонтея, и притеснить мужественного гражданина, который следит за ним, предпринял против него самое гнусное покушение, приказав многочисленной солдаigne отозвать его от очага и вооруженной рукой захватить его, где бы он ни оказался. Недостойное покушение это против безупречного гражданина, который отдал себя на служение народному благу и который вот уже пять месяцев неустанно преследует врагов отечества, совершенно было под прикрытием несправедливого декрета, который из чувства стыда или совести предан был забвению самими истцами; но, движимый ненавистью, Суд воскресил его вопреки всяким законам, так как истец явился в канцелярию требовать его отмены.

Видя в членах этого несправедливого трибунала лишь врагов ¹⁾, ожесточенно ищущих его погибели, проситель отводит их, как судей, протестует против всякого исходящего от них проявления власти, объявляет их пред лицом вашим вероломными преступниками и отдает себя под вашу защиту. Отцы отечества, мстители

¹⁾ Будь в них хоть сколько-нибудь стыда, они сами оглуши бы себя с того самого момента, как я обрушился на их злокозвенные приемы при вчинении обвинений по делам об оскорблении нации

¹⁾ Châtelet — учебная палата по уголовным делам

за поруганные законы и защитники угнетенных, вы оправдаете эти славные звания своим усердием в деле торжества справедливости, и вы никоим образом не допустите, чтобы Друг народа стал мучеником свободы.

XLI

Письмо г-ну Кенке де-Монжур

Январь 1790.

Одновременно с предыдущими двумя было написано и это письмо, адресованное, по всей вероятности, на имя парламентского прокурора Кенке де-Монжура; по крайней мере, оно было найдено в детах его кабинета

Покушение Суда на мою свободу ужасно, ибо оно основано единственно на постановлении о личной явке, которое утратило всякую силу в виду того, что я являлся. Образ действий Суда мерзок; жалоба де-Жоли направлена исключительно на 24-й номер моей газеты; след., предмет преступления, если таковое существует, содержится целиком в этом номере; зачем же тогда было печатывать все мои бумаги и печатные произведения, не имеющие отношения к этому делу, печатывать мою типографию и все мои вещи? Такой по сей день неслыханный прием пущен был в ход под видом дела де-Жоли, на самом же деле он вызван, конечно, той откровенностью, с какою я разоблачил преступления судебных агентов. Таким образом—это недостойная личная месть и новый повод к отводу против Суда, где у меня есть только враги.

XLII

Письмо к Национальному Собранию

Январь 1790 г.

Вы показали, милостивые государи, что очень дорожите своими постановлениями, и это хорошо, поскольку они справедливы; таково, напр., постановление, воспреещающее совмещать в одном лице различные полномочия. Справедливая строгость, обнаруженная вами по отношению к членам Бретонского парламента, является надежной гарантией того, что вы с такою же строгостью отнесетесь ко всякому дерзкому преступнику. Так вот, милостивые государи, я доношу вам на г-на Буше д'Арфи, который соединил в лице своем должности судебного советника, докладчика, гласного Думы, командира батальона национальной гвардии обязанности несовместимые, которые следовало бы распределить между тремя лицами; в его руках каждая из них является орудием угнетения. Приказная мантия дала ему возможность нажать на закон, чтобы воскресить направленное против меня постановление, которое из чувства стыда давно уже предано было забвению, и раздавить меня тяжестью власти. Как докладчик, он обвиняется в искажении показаний одного свидетеля из Курбуа против барона Безанваля. Офицерский мундир дал ему возможность нарушить права человека и гражданина,—обратить несчастных разносчиков, бросить их в тюрьму, заставить их погибать с голоду, и т. д., и т. д.

Таким путем, этот скупщик должностей мог бы в одном своем лице изобразить целое судебное следствие: он же и агент розыска, и свидетель, и пристав, и докладчик, и судья; для довершения всего процесса над каким-нибудь несчастным обвиняемым ему остается только стать исповедником и палачем. Объединив в своих руках столько должностей, этот проныра сделался опасным гражданином. Благоволите, милостивые государи, вернуть его в первобытное состояние ничтожества, к успокоению его сограждан, и дайте ему почувствовать всю тяжесть вашего негодования, в утешение тем, кого он притеснял.

XLIII

Письмо к Полицейскому трибуналу

Письмо написано в связи с новым привлечением Марата по поводу № 83 «Друга Народа»

Господам членам Полицейского трибунала при
Городской Думе.

Милостивые государи. Мне предписано сегодня предстать перед вами по поводу предполагаемого нарушения предписаний и правил, допущенного в № 83 моей газеты «Друг Народа». Так как номер этот снабжен именем редактора и типографа и так как он вполне отвечает правилам, как и все остальные, то я, после гнусного покушения со стороны Суда, усматриваю в этом вызове грубую ловушку, имеющую целью выманить меня из пределов Округа ¹⁾, обеспечивающего мне свободу. Подтвердите мне, действительно ли это предписание исходит от вашего трибунала. Я жду вашего ответа, чтобы сдать в печать свою газету.

Марат. Друг народа

13—1—1790

XLV

Письмо к Округу св. Маргариты

Январь 1790

Прежде всего, сограждане, обращаюсь к вам с искренней благодарностью за сообщение мне постановлений, принятых относительно меня в общем собрании вашего округа; они предвещают опасением разлада среди граждан преданностью миру и общественному благу, побуждения эти делают честь вашим патриотическим чувствам и были всегда дороги моему сердцу. Но, возда-

¹⁾ Округа Кортеверот, где жил Марат

вая должное вашему патриотизму, я позволю себе осветить ваш поступок и предостеречь вас против происков тех коварных людей, которые очернили меня перед вами и стараются привести вас к тому, чтобы вы сами отвергли старания вашего же защитника.

Наговор на мою газету ¹⁾ со стороны одного из городских депутатов мог преследовать единственную цель — поднять ваш округ против меня. Вы могли бы догадаться о его намерениях по тому ожесточению, с каким он стремился настроить вас против меня. Позвольте, однако, спросить вас, не он ли склонял вас сообщить ваше решение округам Сент-Антуанского и Сент-Марсельского предместий в надежде поднять их против меня?

Что касается обвинений, которые он себе позволил, то они столь же смешны, сколь мало обоснованы. Он заявил вам про мою газету, будто она провозглашает ложные принципы. Вместо того, чтобы ограничиваться простым указанием, ему следовало бы обрушиться на самые принципы; этим он дал бы мне возможность выступить на их защиту, изложить вам те основания, которые убедили меня в их истинности, и мы, в конце концов, разумеется, пришли бы к полному согласию. Он уверяет, что принципы мои могут лишь уничтожить дух единения и согласия, который должен царить между гражданами и теми, кого они избрали блюсти общественное управление. Все это было бы чудесно, если бы администраторы были честны и неподкупны: но когда они только о том и мечтают, как бы сделаться независимыми от своих сограждан, чтобы притеснять их и обогащаться за их счет, тогда подобное слепое доверие было бы самым крайним несчастьем. Да и кто такое эти люди, которые себе одним присваивают право смотреть за общественным управлением? Баловни судьбы, пособники деспотизма и крючкотворства, академики, королевские пенсионеры, сластолюбцы, трусы, которые в дни опасности сидели запершись

¹⁾ Если судить о степени перепуга, который газета моя вызывает среди врагов отечества, по необдуманым погубкам, по резкости мероприятий, по властным замашкам, какие они себе позволяют, то можно подумать, что напуганы они до крайности и что бешенство их граничит с отчаянием, но если бы дело их было правое и если бы действительно неправ был я, то почему же они не опровергают меня, вместо того, чтобы стараться придушить меня?

(Прим. *Марата*)

по домам и с трепетом ждали конца всей тревоги. А в это время вы, в пыли, поту и крови, страдая от голода и смело глядя в лицо смерти, защищали свои очаги, низвергали деспотизм и мстили за отечество.

А потом, достигнув почестей ценою низостей и интриг, ревниво оберегая свое господствующее положение, они поднимаются против мужественных граждан, следящих за ними, под тем предлогом, что им одним по избранию поручено блюсти благо государства. Но что случилось бы с нами 14 июля, если бы мы слепо поверили им, если бы мы предоставили им судьбу Делонэ, Флесселя, Фулона, Бертье, если бы мы не вырвали у них приказа идти против Бастилии и разрушить ее? Что случилось бы с нами 5 октября, если бы мы не принудили их дать приказ двинуться на Версаль?

И что случилось бы с нами ныне, если бы мы продолжали полагаться на них?

У них есть свои основания призывать вас к слепому доверию. Но, чтобы почувствовать, как мало они его заслуживают, вспомните, что до сего времени оказалось невозможным заставить производственную комиссию отрыгнуть (sic!) негодных своих сочленов, вспомните, что не легче было заставить и самый муниципалитет дать ясный и полный отчет; вспомните, что многие из его членов обвинялись в ужаснейших должностных злоупотреблениях.

Обратите затем внимание на скандальную роскошь этих муниципальных администраторов, содержимых на счет народа, на пышность мэра и его помощников, на великолепие занимаемого им дворца, на богатство его обстановки, на роскошь его стола, когда он в один присест потребляет стоимость прокормления 400 бедняков. Подумайте, наконец, что эти же самые недостойные уполномоченные ваши, растрачивающие государственные богатства на свои удовольствия, насильственно вынуждают вас расплачиваться с жестокими кредиторами и безжалостно предают вас ужасам тюремного заключения.

Вы ставите мне в упрек резкость и несдержанность, с которой я обрушиваюсь на врагов отечества, и вы предлагаете мне снять заголовок с моей газеты, под тем предлогом, что такой заголовок предполагает сочувствие части народа, который может признать истинным своим другом лишь того, кто утверждает только такие факты, на которые у него есть доказательства, кто лишь

осторожно решается затронуть репутацию любимого министра Франции и кто в писаниях своих сохраняет уважение и приличие по отношению к публике... Это все равно, как если бы я привлекал вас к ответственности за то, что вы разражались проклятиями при осаде Бастилии и во время похода против королевской гвардии, или все равно, как если бы я ставил вам на вид то, что вы без достаточной вежливости упрекали Делонэ в его вероломстве и не попросили у него разрешения раскромсать его на части. Не поддавайтесь обману: война наша с врагами еще не кончена; ежедневно ставят они нам ловушки и ежедневно мне приходится сражаться с ними; вы вменяете в преступление то, что я отчаянно бьюсь за ваше благо и выступаю против них с единственным оружием, которого они боятся! Что касается излюбленного министра Франции, то он до своего возвращения, пожалуй, еще мог морочить кого-нибудь, но теперь завеса сорвана: спросите-ка его, кто платил войскам, пришедшим, чтобы перерезать всех вас и превратить ваш город в пепел: спросите его, кто заставлял вас голодать и отравлял вас столько времени; спросите его, какие надежные справки давал он вам относительно подговоров к бегству королевской семьи в Мец; спросите его, кто скупает сейчас у вас всю звонкую монету, после того, как уже скуплено все зерно; а потом взгляните на его молчание и судите о его доблести.

Вы предлагаете мне расстаться с званием Друга Народа: ничего большего не могли бы потребовать от меня самые жестокие наши враги. Как могли вы допустить столь безрассудное требование? Принимая это прекрасное звание, я подчинился единственно движению своего сердца, но я старался заслужить его своим усердием, преданностью родине, и мне кажется, что я оказался на высоте. Прислушайтесь к общественному мнению, посмотрите на толпу несчастных, угнетенных, преследуемых, которые каждый день обращаются ко мне за поддержкой против своих угнетателей, и спросите их, друг ли я народа. Впрочем, благодетеля мы узнаем по содеянным благодеяниям, а не по оценке облагодетельствованного, — и неужели же вы, содействовавшие победам 14 июля и 6 октября, утрачиваете звание освободителей Франции только потому, что ваше отечество уже забыло о ваших заслугах? И неужели бестрепетный благородный человек, кидающийся в воду,

чтобы вытащить оттуда своего ближнего, умалется в свои роли спасителя только потому, что неблагодарный спасенный отказывается признать за ним это звание? Нет, нет, сограждане мои, правила, которые хогят внушить вам, вовсе не идут из глубины вашего сердца: честное и чувствительное, оно с негодованием отвергнет попытку злодеев, которым хотелось бы поднять вас против вашего защитника. Читайте «Друг Народа» от 13 числа сего месяца, вы там увидите, что он, не дожидаясь сегодняшнего дня, воздал вам должное. Читайте «Друг Народа» каждый день, и вы увидите, что он мечтает лишь о об одном—задушить ваших тиранов и сделать вас счастливыми.

XLVI

Доверенность г-ну Кенке де-Монжур

Во исполнение своего обещания от 23 октября 1789 г. Марат выпустил 18 января 1790 г. резкий памфлет против Неккера, под заглавием *„Донос на г-на Неккера, первого министра финансов, обращенный к трибуналу публики г-ном Маратом, Другом Народа“*. Через четыре дня, 22 января, против Марата устроена была целая военная экспедиция. По словам самого Марата, „главнокомандующий получил приказ поддержать Суд необходимыми военными силами откомандировано было 12.000 человек; три тысячи пехоты и конницы вперемежку с пятью тысячами сыщиков, заперли территорию округа от переkreтка де-Бюси до Французского Театра конница заняла Театральную площадь крупный отряд кавалерии, размещенный у Нового моста, и наемный сторожевой отряд, поставленный перед Луверской галлерей, приготовлены были на крайний случай, в то время как шесть тысяч человек, расположенных у входов в Сен-Антуанское и Сен-Марсельское предместья, должны были помешать злодеям явиться на подмогу“. Едва ускользнув от этой новой опасности, Марат вынужден был скраться, покинув Париж. Но перед этим он выдал г-ну Кенке де-Монжур доверенность, уполномочивающую последнего защищать интересы Марата в его распри с парижским Судом.

Я, нижеподписавшийся, уполномочиваю поверенного г-на. выступать за меня по делу с де-Жюли, добиваться отмены постановления, снятия печатей, наложенных на мои бумаги и печатные произведения, не относящиеся к данному делу, а также присуждения мне проторей и убытков.

Марат, доктор медицины и друг народа

Париж, 23 января 1790 г.

XLVII

Доверенность г-ну Кенке де-Монжур

Вторая более полная доверенность написана на имя того же лица в тот же день.

Я, нижеподписавшийся, уполномочиваю парламентского поверенного г-на. апеллировать против всех декретов, требовать личного выслушания судом, а также отсрочек в явке и задержании, если таковые постановлены будут по отношению ко мне по жалобе г-на де-Жюли и всяких иных лиц; требовать представления улик и справок в канцелярию Парламента; просить защиты против применения означенных декретов, добиваться признания недействительными жалоб и судебных процедур, на основании которых состоялись эти декреты, и снятия обвинения с напечатанном и опубликованном имеющего состояться приговора; равным образом обжаловать состоявшееся опечатание моих вещей, бумаг и печатных произведений, а также и ордонансы, в силу которых означенные печати были наложены; добиваться отмены всего этого, возвращения моих вещей и бумаг, и условливаться относительно проторей и убытков; говорить и действовать во всех этих делах вышеупомянутому поверенному, как он найдет нужным, при чем обещаю все его действия признавать.

Д-р медицины Марат

В Париже, 23 января 1790 г.

XLIII

Письмо г-ну Кенке де-Монжур

25 января 1790.

Марат жил в ближайшем соседстве с Кенке де-Монжуром. Преследуемый агентами Лафайета и вынужденный покинуть Париж, он перед отъездом написал несколько строк своему поверенному.

Я прошу г-на Кенке при содействии г-на Дантона и Округа Кордельеров принять действительные меры к тому, чтобы не допустить захвата моих печатных произведений, бумаг и вещей, в виду того, что они не имеют никакого отношения к делу де-Жоли и других. Так как полчище, буде преступление существует, заключается только в привлекаемых №№ 24 и 83, а эту номера находятся в руках противной партии, то протестовать против преступного хищения, которое намереваются совершить Уголовный Суд и муниципалитет, и т. д.

Марат, доктор медицины.

XLIX

Записка тому же лицу

Я вижу, что в деле обращения к Парламенту, в целях защиты от Уголовного Суда, допущена медлительность, внушающая тревогу. Предъявителю сего поручено просить г-на поверенного при Парламенте добиться у Парламента встречного опечатания, дабы предупредить какое бы то ни было насильственное выступление, пока мы не успеем подготовиться и составить соответствующую записку.

25 января 1790.

Марат. д-р медицины.

P.-S. Прошу г-на поверенного поставить предъявителя сего в известность относительно положения дел.

I.

Письмо г-ну Кенке де-Монжур

26 января К. де-Монжур сообщил Марату, что апелляция его Парламентом принята, но этим не приостанавливается следствие, начатое Судом. Вместе с тем, он объясняет Марату, что Парламент не может налагать встречных печатей. этого никогда не делают; но когда будут снимать печати, наложенные Судом, Марата, по всей вероятности, пригласят присутствовать при этом; а потому поверенный и просит прислать ему опись опечатанных вещей и доверенность. Марат был уже за пределами Парижа. 28 января 1790 г., он дает К. де-Монжур необходимые справки и полномочия в следующем письме.

Пассп. 28 января 1790 г.

Я, нижеподписавшийся, уполномочиваю г-на Кенке де-Монжур быть моим представителем при снятии наложенных в моей квартире (hôtel de la Gauthière) печатей. Заведующая моей канцелярией, m-lle Вькгуар, и мой уполномоченный Дюпра дадут ему имеющуюся в их распоряжении опись вещей.

Что касается меня, то я ограничиваюсь предметами, наиболее для меня важными.

В шкафу, что в углу у камина, близ письменного стола, должно находиться три надписанных свертка с бумагами в особых пакетах.

В меньшем из них лежат семь распластанных писем, заключающих в себе достоверные доказательства целого ряда должностных злоупотреблений первого министра финансов.

В самом крупном содержатся номера газеты «Друг Народа» в исправленном, для второго издания, виде.

В среднем—начало Истории Революции с отрывками для продолжения.

В коробке, стоящей в небольшом шкафу, на одном из углов письменного стола, вместе с значительным числом писем по медицине, точным наукам и т. п., находится вся моя переписка с г-ном Сен-Юрен по поводу сделанных мне в 1785 и 1786 годах ¹⁾

¹⁾ Память заменила Марату: эти переговоры относятся к 1783 году.

со стороны испанского короля (через посредство его министра Флорида-Бланка) предложений переселиться в его государство, чтобы содействовать процветанию наук; далее, несколько ценных записок о разных астрономических приборах моего изобретения. между прочим, о гелиоскопе, назначение которого представлять солнце в огромном виде, совершенно четким и белоснежным, несколько при этом не утомляя зрение.

Так как последнее покушение Суда на мою личность и на мои писания является следствием моего обличения г-на Неккера, то у врагов государства едва ли могут быть иные побуждения, как только отнять у меня средства для дальнейшего служения Отечеству, лишив меня свободы, огорчив все отписки моего обличения министра, а также и все документы, содержащие подлинные доказательства ко второму обличению, вернее сказать, к дополнению первого, уже заявленному публике мною и моими друзьями. На сохранение этих драгоценных документов я и прошу г-на Кенке обратить самое большое внимание.

Марат, друг народа. Ф-р медицины.

II

Письмо г-ну Кенке де-Монжур

Последнее письмо к этому лицу.

Милостивый государь. Вмешательству Парламента в мое дело я придавал значение лишь постольку, поскольку он мог бы отдать приказ о снятии печатей и вернуть мне право печатания. Что касается судебного постановления, то оно беспокоит меня весьма мало, и если дело в последней инстанции должно вернуться в Уголовный Суд, то с этим я уж справлюсь сам. Примите, милостивый государь, еще раз мою благодарность и разрешите мне, — раз я не желаю никакого процесса, даже с г-ном Перне, — взять обратно полномочия, которые я передал вам.

Марат, друг народа

Близ Парижа, 17 февраля 1790 г.

III

Письмо к... о судебном строе

Укрывшись в Лондоне, Марат напечатал там небольшую брошюру под заглавием „Письмо Марата, друга народа, содержащее некоторые соображения о судебном строе“. Первоначально это было письмо, адресованное одному из друзей Марата, значительность затронутой темы побудила Марата напечатать это письмо. К печатному тексту Марат прибавил след. слова: „Заявляю, что это мое произведение, в знак чего я ставлю свою подпись — Марат, друг народа.“

Vitam impendere vero.

Милостивый государь. Я восхищен тем, что публика, непрерывно обманываемая коварными своими врагами, начинает, наконец, открывать глаза на поведение своих вождей, что она ценит чистоту чувств, водящих моим пером, что она питает некоторое доверие к моим взглядам. Недалека та минута, когда завеса, так давно уже мною приподнятая, будет окончательно сорвана, когда парижские изменники Отечества сбросят маску и предстанут во всей своей гнусности. В той войне, которую веду с ними исатели-патриоты, я могу похвалиться не столько участием в самой туше борьбы, сколько первенством почина.

Вы спрашиваете моего мнения о текущих делах: я обязан высказать его, раз это может способствовать общественному благу. Вы знаете, что вдалеке, как и вблизи, я живу только для народа, и пока во мне будет тлеть хоть искра жизни, я буду работать над тем, чтобы обеспечить ему свободу и счастье.

Итак, с королевскими парламентами, наконец, покончено! Вы можете судить о моем чувстве удовлетворения, когда я узнал про декрет, уничтожающий эти палаты несправедливости, эти трибуналы крови, где место судьбы покупалось за деньги, где приговоры диктовались корыстью и спесью, где голосованием распоряжались интриги и посулы, где право сводилось к подкупу судьбы всякими низостями, а его приспешников — подарками, где невинный не находил опоры, а слабый поддержки, и где на долю строгой добродетели доставалось лишь притеснение. Стало быть, начинается новый порядок вещей: уже занимаюсь судебным строем и уже

кажется несомненным, что суд присяжных будет установлен как для уголовных, так и для гражданских дел.

Что касается уголовных дел, подобное установление вполне отвечает голосу природы и разума. Так как дело идет лишь о том, чтобы узнать совершил ли обвиняемый преступление, в котором его обвиняют, то всякий человек, обладающий простым здравым смыслом, способен судить, вполне ли очевидны доказательства преступления, приводимые обвинителем. И потом, ведь это же так просто, чтобы судьями обвиняемого были люди ему равные т. е. люди его общественного положения, разделяющие предрассудки его рождения и воспитания, люди, поддающиеся одинаковым с ним чувствам: словом, существа, в которых мог бы видеть себе подобных, между тем как судьи по профессии принципиально несправедливы и склонны к репрессиям, смотря на себя, как на существа совсем различной с подсудимым породы и считают себя вершителями судеб рода человеческого. Весь запас своих чувств они сосредоточивают на самих себе, и уже одного профессионального духа, которым они охвачены, достаточно, чтобы сделать их несправедливыми, жесткими и безжалостными. К различным преимуществам нового судебного порядка прибавьте еще то, что он упрощает и сокращает самое производство и делает излишним множество поверенных и адвокатов, единственное ремесло которых состоит в извращении правосудия, наконец, что он корне подавляет всякого рода крючкотворство.

Что касается гражданского судопроизводства, то я сомневаюсь, получатся ли для общества такие же преимущества от уничтожения теперешних судов: я даже сомневаюсь, возможно ли вообще введение нового порядка, если только присяжных заседателей будут брать из особого разряда граждан, прошедших определенную школу и приобретших необходимые познания; ибо гражданские дела все почти настолько сложны, что множество подлежащих к осуждению обстоятельств сделало бы их недоступными пониманию людей обычного среднего уровня,— разве что привятыся к отмену многообразных местных обычаев королевства, установив всюду одинаковые и простые законы.

В особом проекте уголовного законодательства я развил несколько основных начал, вместе с теми, применение коих может оказаться весьма полезным при существующих обстоятельствах.

В отношении гражданского законодательства я замечу, что одно из лучших средств для торжества правосудия, заключается в том, чтобы не допускать нарушения судейской неподкупности: следовательно, должны быть воспрещены какие бы то ни было непосредственные ходатайства у судей и тем более поднесение им подарков. Уже одно частое посещение судьи должно вменяться в преступление.

Как бы ни было, само по себе существование хорошей формы суда как в уголовных, так и в гражданских делах, однако, ничто не имеет такого важного значения для общественного благополучия, как учреждение настоящего государственного трибунала. Я не стану повторять здесь различных соображений, которые я приводил для обоснования необходимости уничтожить нынешний суд; скажу только, что создавать новое судейское сословие, куда войдут члены прежнего было бы издевательством над нацией. Для создания настоящего государственного трибунала надо ввести в состав его небольшое число граждан, выдающихся своей просвещенностью и честностью, небольшое число истинных патриотов. Назначение их — дело общественной совести. Чтобы дать последней время высказаться, нужно за месяц до выборов выставить в одной из зал дворца юстиции большую доску, с именами кандидатов, и каждому гражданину должно быть разрешено изложить на ней свои основания для отвода; затем эти основания будут установлены и обсуждены собранием избирателей. Этими судьям, пред которыми будут подлежать обвинению только агенты власти, предоставлено будет право принимать заявления, рассматривать доказательства, отдавать приказы относительно средств для изыскания новых, наконец, постановлять приговор.

Хорошее уголовное уложение и настоящий государственный трибунал — вот, без сомнения, два могущественных оплота общественной свободы. Однако, сколько бы ни прилагать старания к обеспечению ее этими средствами, она никогда не будет прочно установлена, если не будет установлено основными законами королевства верховенство всего народа в целом, первенство доверителей над их уполномоченными. Этот существеннейший пункт всякой закономерной конституции постоянно откидывался Национальным Собранием и муниципалитетами, словно народные представители хотели восхитить свои права, сделать общественное дело своим лич-

ным, стать над своими доверителями и избавиться от возможности быть призванными к отчету. Всем памятно, как Национальное Собрание своими постановлениями лишило избирателей всякого права контроля над депутатами; памятно также, как парижский муниципалитет, играя в законодателя, пытался своим планом управления отнять у избирателей малейшее право контроля над своими уполномоченными: план этот следовало проклясть уже за одно то, что он стремится сообщить народным уполномоченным особый корпоративный дух, противный общему благу, сделать их независимыми от коммюны и превратить их в маленьких тиранов.

О значении, которое муниципалитет или скорее кабинет придает этому обстоятельству, можно судить по тем усилиям, которые он беспрерывно прилагает к тому, чтобы уничтожить перманентность округов. Встревоженный их совещаниями и опасаясь их объединения, он втайне лез из кожи вон, чтобы не допустить этого. Чтобы провести публично, глава муниципалитета, телом и душой преданный первому министру, вздумал подправить свой проект муниципального управления, который он уже представлял округам,— в то время, как начальник национальной гвардии ¹⁾, тоже телом и душой преданный первому министру, побудил Суд на безумный шаг, именно, на задержание г-на Дантона, самого просвещенного и самого неподкупного из городских депутатов, самого стойкого защитника прав своих доверителей и самого энергичного сторонника перманентности округов. В надежде придать ему видимость виновности, предложив ему бежать, начальник гвардии в самый день постановления о задержании Дантона послал к нему одного из своих адъютантов с предложением провести несколько дней в деревне и уверением, что он уладит все дело; а тем временем он велел распространять слух и сам распространял его среди своих, будто бы Дантон продался принцу Конде, так же как он распространял слух, что «Друг Народа» продался аристократам, когда он на деле боролся с их губительными проектами.

¹⁾ Его обвиняют также в том, что он пустил в ход все пружины с целью разбить членов Якобинского клуба, покушение преступное, которое могло удасться, не сделай члены-патриоты огромных усилий для предотвращения этого жестокого раската.

Как бы то ни было, для общественного блага бесконечно важно, чтобы округа никогда не отказывались от этого важнейшего положения. Стоит упустить его, как оно сейчас же будет уничтожено, и все эфемерное существование округов, все их права сведется к тому, что у них останется сомнительное право собираться для выбора своих представителей, сделать их господами над собой и затем навсегда затеряться в толпе.

Национальное Собрание и муниципалитеты одинаково получают свое существование от народа, они установлены им и для него; следовательно, ему и только ему принадлежит право следить за тем, выполняют ли уполномоченные то, для чего их назначили; он же, и только он один, призывает их к делу, когда они упускают его из виду: только он обуздывает их, когда они уклоняются от дела, только он наказывает их, когда они приносят это дело в жертву чему-то другому. Откажитесь от этого светосного начала, и государь-народ немедленно попадает в руки своих служителей, и рано или поздно становится их рабом. Значит, цель конституции не была бы достигнута если бы Округа не действовали беспрерывно; и все наши усилия, все наши лишения, все наши жертвы, принесенные для обеспечения нашей свободы, послужили бы только к умножению наших цепей.

Несокрушимой силе этих доводов наши враги противопоставляют тысячи софизмов, они селятся внушить нам страх перед ужасами анархии, вызванной столкновением народных установлений; и они неустанно кричат нам, что с нас достаточно ответственности агентов власти. Но если они говорят об ответственности, так ведь они отлично понимают, что она является лишь призрачной сдержкой там, где у народа нет в руках силы. Сколько раз сами вы испытали это на горьком опыте! К чему привели все ваши усилия заставить отсчитаться прежнюю муниципальную производственную комиссию? Так если вам до сих пор не удавалось справиться с несколькими слугами правительства, то как же рассчитываете вы справиться с самим правительством? Судите об этом по множеству тщетных попыток, какие пришлось сделать Национальному Собранию, чтобы заставить министра финансов предъявить красную книгу.

LIII

Письмо председателю Национального Собрания

Март 1790

Время отсутствия Марата и наше обращение по подложному номеру «Друга Народа» В мае 1790 г. Марат вернулся в Париж и отправил печатаемое ниже письмо с я требов на этот обмен публики и с отречением от всех клеветнических выходов напечатанных под его именем. Письмо это издано было также отдельной брошюрой.

Господин Председатель.

Возможно ли, чтобы апостол и мученик свободы не нашел никакой поддержки в недрах Собрания, которое торжественно освятило начала этой самой свободы, Собрания, каждая минута которого должна быть употреблена на то, чтобы творить мудрые законы для нации, желающей быть свободной?

От рождения распотроженный к научным занятиям, я увлекся однако, политикой. Многолетнее пребывание в Англии доставило мне возможность узнать и раскрыть недостатки английской конституции, она, конечно заслуживала удивления но более тщательное обследование ныне призвало ее до настоящих ее пределов.

С возвращением во Францию тот вид критики каким я занимаюсь в Англии, показался мне слишком опасным, я вернулся к научному поприщу; некоторые успехи, достигнутые мною в области оптики, нажили мне многочисленных врагов среди ученого мира.

Наконец настал момент революции. Злоупотребления во всех областях превысили всякую меру, народ с каждым днем становился несчастнее. Самые зажиточные классы были на пути к тому, чтобы сделаться жертвами безумного расточительства двора. Умы просвещенные политическими писателями, аждаши нового порядка вещей. Давно уже горя о бедствиях своего отечества, я настиг на одре смерти, когда один друг мой, единственный, которого мне хотелось иметь свидетелем последних минут моей жизни

осведомит меня о союзе Генеральных Штатов Нью-Йорка. Я в самый последний момент отозвался на мне, и почувствовал целительный кризис, у меня прибавилось бодрости и я воспользовался этим прежде всего для того, чтобы явить своим согражданам доказательства моей преданности. — я сочинил «Принятие Отечеству»

Я прошу у Собрания прощения за то что вошел в такие подробности, но враги мои изогрели столько средств, чтобы оставить меня и настроить против меня все умы, что мне быть может позволено будет показать, что я не беспринципный писатель что намерения мои всегда были чисты. Это пером моим всегда руководило сердце и что только в этом источнике черпал я энергию которую мне вменяют в преступление.

Опубликовав проект конституции, я стал являть последствия, какие должна была иметь революция 14 июля. Мало-по-малу стал появляться проект Конститудционной комиссии, при первом же чтении я почувствовал, насколько он был непопулярен, он явно задевал права человека, я сообщил свои замечания некоторым членам собрания я выпустил свой Монитор в видах критики этого проекта, опасные статьи которого не были прищипаны.

Все время одушевленный чувством патриотизма я придумал что листов, выходящих ежедневно, имеет то преимущество, что непрерывно устремляет взоры граждан на истинные их интересы, я отдался этому таинственному труду я стал часто сознавать, что становясь заступником народа, критикуя различные стороны управления я обрекал себя на ненависть со стороны всех должностных лиц но истинный патриот не ведает опасности. Друзья мои стояли на страже за меня они избавили меня от того обидения, такое то товарищи мне в памятный день 22 января, когда прогнев меня ипущен был в ход столь грозный аппарат, они же оставили меня покинуть отечество.

Я остаюсь в Лондоне от трех месяцев беспрестанно идя дываясь на родину, в отчаянии, что не могу больше быть ей полезным. И все же я нашел там и кое-что успешное введенный в состав нескольких патриотических обществ и несколько раз был свидетелем отговорчивого расположения к нам англичан, при известии о вредных выступлениях Испании против Англии я забыл о роковом постановлении и вернулся на родину пред

ставив в ее распоряжение скромные свои познания: я был более чем убежден, что это начало кабинетной войны, но меня тревожили гибельные ее последствия, и я льстил себя надеждою, что первое окажется не совсем бесполезным для общего дела. Немного спустя я обратился к Комиссии докладов с запиской, в которой изложил свои жалобы против Суда; но в настоящий момент меня занимает более важный для моего спокойствия предмет.

Во время моего отсутствия несколько газетных пасквильянтов, соблазняясь наживой, скандальным образом оспаривали друг у друга мое имя. Если бы они хорошо служили отечеству, я не подумал бы возражать против их самозванства; но они недостойным образом скомпрометировали меня; они оклеветали парижского мэра, одного полицейского чиновника и целый ряд частных лиц; они оскорбили жителей городов Санса, Монтаржи и Мелёна; и в вашей среде, милостивые государи, имя мое не раз объявлялось именем писателя, который заслуживает общественного негодования.

После такого шума, собрание, возглавляемое вами, милостивый государь, едва ли сможет отказаться выслушать оправдание человека, который в восторженном стремлении своем к общественному благу, быть может, иной раз заблуждался, но чье поведение безусловно, чье сердце всегда оставалось чистым.

Я умоляю собрание потребовать от Комиссии докладов, чтобы она немедленно представила ему записку, с которой я имел честь обратиться к ней; я требую лишь акта справедливости; и Представители Нации не потерпят, чтобы истинный Друг Народа, — который непрестанно поддерживал его права, который ничего не боялся, пожертвовал всем, лишь бы дать народу узнать своих утеснителей, — жил под постоянной угрозой лишиться свободы, после того, как он уже лишился покоя.

LIV

Письмо нескольким членам Национального Собрания

15 мая 1790.

Разосланное нескольким лицам письмо было затем перепечатано в № 107 „Друга Народа“ (19 мая).

Вы из числа тех просвещенных и отважных патриотов, милостивый государь, которых Друг Народа призывает к отражению страшного удара, угрожающего нарождающейся свободе. Едва вернувшись на родину, он спешит сообщить вам свои наблюдения; они покажутся вам не приведенными в систему, — он это знает; от этого они не станут менее полезными, только бы они могли способствовать торжеству дела нации.

Придя в отчаяние при виде того, как их покушения на отечество постоянно терпят неудачу, презренные враги решились предать его ужасам войны. Да, я решаюсь сказать это: враждебные действия Испании против Англии являются ударом со стороны партии врагов французской революции, сговорившихся задавить ее. Можно ли сомневаться в этом, когда посмотришь, насколько морские силы Испании мало способны сопротивляться морским силам Англии! Неужели правдоподобно, что мадридский кабинет настолько лишен здравого смысла, чтобы навязать себе на шею таких грозных врагов, если бы к этому не побудили его самые настоятельные мотивы? Позвольте, милостивый государь, предложить Вам бросить беглый взгляд на цепь различных интересов, которые объединились здесь, чтобы привести к этому неожиданному разрыву.

Кто же не знает, что государи Европы выражают пламенные пожелания неуспеха революции? В частности, испанское правительство боится ее, как заразительного примера. Так какое же влияние должны были иметь на него обещания наших министров, представления наших аристократов, все время стерегущих минуту для проведения контр-революции! Скажем даже, что Сен-Джемский кабинет охотно должен был присоединиться ко всему этому. Но кому приему, какой оказан был Георгом III господину Калонну и дру-

гим богоям того же покроя, разве не очевидно, что король одобряет их поведение? По тем усилиям, какие сделал г-н Питт, чтобы не допустить Нижнюю Палату до подражания Национальному Собранию, разве не ясно, что он с беспокойством смотрит на труды последнего? А аристократия английская, которой приходится бояться за утрату в один прекрасный день всех своих прерогатив, разве она может с удовольствием видеть наши успехи?

Вот факты, которых не возьмется оспаривать ни один мыслящий человек; но я с не меньшей уверенностью могу утверждать, что все почти англичане увлечены нашей борьбой против абсолютизма; что презрительное отношение сменилось уважением: что они желают нашего успеха: что они расположены помочь нам в уничтожении наших врагов, как они помогли американцам разбить их цепи; что в Англии больше чем где-либо общественное мнение связывает министерство, и что последнее вынуждено будет с этим считаться, если оно сделает глупость и выступит против нас. Все это не предположения, но положительные заверения, данные Другу Народа в недрах тех самых патриотических обществ, где в 1776 году он был свидетелем сбора денег и отправки людей на помощь в Бостон и Филадельфию. Но ведь Франция, скажут нам на это, в силу семейного соглашения обязана оказывать поддержку Испании. Франция? Скажите лучше—правительство или, если угодно, государь. Что касается нации, ныне свободной и суверенной, то она не может быть связана таким договором, он просто ее не касается. Неужели же она, для поддержания этого договора, согласится безумно поддерживать министерские происки и ввяжется в разорительную войну, которая окончательно расстроит ее финансы и довершит ее гибель? Великие боги! Что стало бы с нами, если бы мы, по неразумию, позволили нашим министрам собирать войска, а всем недовольным присоединяться к нашим врагам; если бы мы в безумии взвалили на себя новые налоги, чтобы заплатить за те самые цепи, которые они хотят наложить на нас; если бы мы по глупости дали им отклонить наше внимание от дел нашего отечества и обратить его на приключения бессмысленной войны; если бы им удалось провести нас; если бы они сумели занять нас, словно малых детей, иностранными газетами?

Предоставим испанцам отбиваться от англичан; они накликали войну, пусть вынуживаются, как могут; какое нам дело до семей-

ного соглашения, до утраты союза с Испанией? Наша великая, наша единая задача—дать себе свободную и мудрую конституцию, установить свою свободу, обеспечить свое счастье. Право войны и мира принадлежит исключительно нации; она должна отказаться от всякой наступательной войны, а если ей в критическую пору придется вооружиться, то пусть это будет единственно с целью сохранения нейтралитета. К тому же, если мы теряем союз с испанцами, мы приобретаем несравненно более ценный союз с англичанами. Будем же хоть раз свободны; от нас зависит объединиться с ними в самой гесной дружбе, ибо, несомненно, они только этого и хотят. А чего же желать большего, как не единения двух могучих наций, сближенных любовью к свободе, общими интересами? Не говоря уже о взаимных преимуществах в сношениях, построенных на самых справедливых основаниях, мир Европы был бы обеспечен навсегда; какая держава была бы в состоянии противостоять объединенному их оружию и какая держава рискнула бы бросить им вызов?

Если война, которой нам грозят, не притворная, то для испанцев выгоднее всего было бы, чтобы флот их был уничтожен англичанами, чтобы кабинет их был опрокинут неудачной войной и чтобы государь их вынужден был на коленях просить мира. Тогда, и только тогда, сильные в своей слабости, смогли бы они разбить свои цепи, сбросить иго, переделать заново свое правительство и дать себе конституцию, способную сделать их свободными и счастливыми.

LV

Письмо Камиллу Демулену

Май 1790.

Благоволише сообщить в вашей газете, что с 22 января по 18-е мая Марат не выпустил ни единого номера «Друга Народа»; что все гнусные писания, обнародованные за этот промежуток времени под этим заглавием и от его имени, дело рук голодных писак, низких ругателей, всегда готовых продаться всякому, кто им заплатит.

LVI

Письмо Полицейскому Трибуналу

Марат жалуется Полицейскому Трибуналу на появление подложных номеров „Други Народа“.

Париж, 28 мая 1790

Милостивые государи! Если для честного писателя.—чье усердие воспламенялось порою при виде бедствий, угрожающих Отечеству, но чье сердце всегда оставалось чистым,—ужасно видеть, как презренная кучка голодных бумагомарателей, живущих сообщением всяких скандалов и жестокостей, бесчестит его перо и поворит его имя,—то не менее прискорбно для него, когда приходится растрачиваться на тщетные ходатайства, чтобы остановить этот бесстыдный торг, этот гнусный разбой. Друг порядка и мира, я имею честь непосредственно к вам направить жалобу, с которой до сих пор тщетно обращался к чинам полиции. От вашей справедливости я жду решительного приказа задерживать и подвергать аресту сочинителей, типографов, издателей и распространителей подложных писаний, появляющихся под моим именем, равно как жду определенного запрета повторения этого явления, а также разрешения опубликовать этот запрет.

Я узнаю как раз, что начальник Округа Сен-Луи-Ан-Иль только что велел наложить арест на два десятка экземпляров моей газеты. Разносчик, приведенный в комиссариат, стал доказывать, что он ничего незаконного не делает, что он продает настоящую газету «Друг Народа», с подписью редактора и указанием места печатания,—а ему ответили что это-то им и нужно, подделки же не заслуживают никакого внимания. Милостивые государи, я требую возврата этих экземпляров; я прошу вас вместе с приказанием, которое вы отдадите по этому поводу, сделать внушение начальнику поста, чтобы он впредь был осмотрительнее.

К чему сведется отныне охрана граждан—друзей закона, если уважение к нему ничего им не обеспечивает, и если именно в

них обрушивается наказание, которому подлежат нарушители закона?

Примите, милостивые государи, выражение моего почтения, которое я всегда буду питать к неподкупным судьям.

Марат, друг народа.

LVII

Письмо г-ну де Ла Салля

24 июня 1790.

Резко выступив в своей газете против изменников отечества, оправданных Судом, Марат назвал в числе их де Ла Салля. На другой день он оговорил свою ошибку в газете, а самому задетому написал письмо.

Я в отчаянии, милостивый государь, от того, что имя ваше оказалось в моей газете рядом с именами Ожара и Безанваля. Сердце мое терзается при виде тщетных усилий народа справиться с вечно возобновляющимися заговорами коварных его врагов; я переобременен работой, мне не хватает времени, и потому я никогда почти не имею досуга перечитать рукописи моей газеты; лишь изредка удается мне просмотреть корректуру, а ведь это единственное средство исправить то, что может проскользнуть вследствие невнимания. Видев вас во главе парижан в первые дни революции, ужели мог я поставить вас рядом с человеком, против которого вы так решительно боролись? Можете ли вы повторить, чтобы я стал обвинять вас теперь, не сделав этого тогда, когда я, в свое время, давал отчет о несчастном вашем деле? Я и тогда считал вас невинным, и у меня меньше чем когда-либо оснований менять свое мнение относительно вас лишь потому, что вы покинуты теми интриганам, которые овладели всеми чesлами, как только миновали все опасности.

Я не знаю, какая роковая сила водила моим пером, когда я, после возвращения из Англии, написал ваше имя (я спутал его с именем г-на де-Сада, который замешан был во скольких при скорбных делах и про которого говорил, что он привлечен

к Суду,—об этом мне в Лондоне прожужжали все уши) Подумав я вычеркнул его, но наборщик, к несчастью, его набрал, а корректор допустил ошибку. Я сам заметил все, лишь когда обратили на это мое внимание, и я спешу сознаться в своей ошибке. Я огорчился бы, если бы позволил себе несправедливо задеть презренного из людей. Неужели же стал бы я с легким сердцем оскорблять достойного гражданина? Будь я свободен, я не поколебался бы пойти к вам засвидетельствовать свое сожаление по поводу этой невольной ошибки; но в такую минуту, когда идут розыски всех писателей-патриотов, я, обращаясь к вашему патристическому чувству, жду, что вы не станете гневаться на Друга Народа и не присоединитесь к сонму его преследователей.

Примите, милостивый государь, знаки низающего моего погения

Марат

LVIII

Письмо Камиллу Демулену

21 июня 1790

При создании действительно свободной конституции, г. е. действительно справедливой и мудрой, первым, великим, капитальным пунктом является то, чтобы *все законы были установлены с согласия народа*, после обдуманного рассмотрения и, главное, после того как они некоторое время будут применяться на деле,—а это предполагает уже вполне зрелый национальный дух и общественное мнение, сложившееся относительно всех основных вопросов. Декреты Национального Собрания могут быть, следовательно, лишь временными, до одобрения их нацией, ибо право их санкционирования принадлежит исключительно ей. Без применения этого права, существенного, неотчуждаемого, непередаваемого, нация слепе подчинилась бы произвольным законам что было бы верхом глупости, а уполномоченные нации, произвольно пользуясь властью, распорядиться, оказались бы облеченными верховною властью, делались бы вершителями судеб нации и стали бы, в конце кон-

цов, неограниченными хозяевами Государства. Эта цель, которой наши короли еще не успели добиться в течение пятнадцативековой узурпации народных прав, была постоянным предметом их вожделений и усилий, пределом их надежд и желаний; но они тщателью скрывали это. И вот Национальное Собрание, этот однодневный зародыш, которого народ не создавал, это загробное детище деспотизма, эта недостойным образом составленная корпорация, в которой так много врагов революции и так мало друзей отечества, эта незаконная корпорация, скорее терпимая нацией, чем ею созданная,—вдруг осмелилась бы нагло признать это, дерзнула бы заявить об этом во всеуслышание! Подобное притязание было бы верхом смелости, если бы оно не было верхом безумия.

Мы могли бы сказать им: мелкие интриганы, заседающие в сенате лишь благодаря интриге, козням, проискам, подкупу, либо благодаря избранию привилегированными сословиями, ныне исчезнувшими, бросьте свое желание держать нас в цепях. Первым покушением вашим было предоставление королю *отсрочивающего veto*; только народу принадлежит право *абсолютного veto*. Он охотно вернет его себе и разом сметет все ваши вероломные акты. Вы уже у конца своего политического существования; скоро вы исчезнете в толпе, вас будут судить по делам вашим, нация взвесит их на весах своей мудрости, и из всей массы декретов, которым вы силитесь придать значение неотменимых законов, она возьмет лишь те, которые соответствуют общему благу; она с презрением отвергает все эти легкомысленные декреты, исторгнутые у вашего неведения, с ужасом—все эти пагубные декреты, плоды вашей продажности; и имена ваши, занисанные в летописях революции, сохранятся в ней только для того, чтобы покрывать вас насмешкой и позором

Поверьте, дорогой собрат по оружию, что для торжества свободы, для счастья нации нет ничего более важного, чем ознакомление граждан с их правами и образование общественного мнения. Я и призываю вас без усталости работать над этим, посвящая в наших газетах ряд избранных статей вопросу о Конституции.—это лучший способ настоящим образом оценить труды наших представителей.

Я отрываю поприще.

Прощение отцам-сенаторам или основательные требования тех, кто ничего не имеет, к тем, кто имеет все.

Отцы сенаторы.

Нация состоит из 25 миллионов человек, мы одни составляем больше двух третей этого числа, а нас в государстве не ставят ни во что, или, если в высоких ваших декретах идет речь о нас, то лишь для того, чтобы принижать, мучить и утеснять нас.

При старом порядке подобное небрежение, подобное обращение с вашей стороны не показалось бы нам слишком странным: мы жили под господами, для которых нация вся целиком заключалась в их сердце, в их глазах мы были ничто, и они удостоивали вспоминать нас только для того, чтобы вырвать у нас плоды наших трудов или впрячь нас в свою колесницу.

Времева эти миновали; но что же мы выиграли от этого? В первые дни революции, которая так вскружила всем головы, которая вызывала такие клики радости, которая заставляла служить столько молебнов,—этой революции, которую столько перьев превозносило до небес, которую столько раз праздновали и на которую столько дураков по сию пору дивятся, в первые ее дни сердца наши на мгновение открылись для радости: мы убаюкивали себя надеждой, что наши бедствия закончились, что наша судьба переменилась.

Как бы ни были удачны перемены, происшедшие в Государстве, все они только для богатых; к бедняку небеса всегда были и всегда останутся скудными.

Отцы-сенаторы! Вы зоветесь народными депутатами, вы уверяете, что радели о его интересах, обеспечивали его права. Ну а что же вы сделали для нас? Труднились над освобождением нации,—конечно, скажете вы? Хорошо. Но какое же значение имеет политическая свобода для нас, которые никогда ее не знали и никогда не будем знать. Она имеет ценность лишь в глазах мыслителя, который хочет наставить людей, публициста, который хочет составить себе имя, и граждан, которые не хотят над собой никакого господина; а у нас, бедных обездоленных, совершенно

нет времени на размышление ¹⁾; мы редко вмешиваемся в государственные дела, а когда это с нами случается, наше участие может быть лишь таким, как участие зрителей в театральной пьесе или лицедеев в опере.

Что касается гражданской свободы, то мы никогда как следует ею не наслаждались и никогда полнее не будем наслаждаться. К чему обманывать себя? При теперешнем якобы господстве свободы нам живется еще гораздо хуже, чем при господстве рабства. Мы во сто раз больше терпим обид от гнусных сообщников мелких наших тиранов, чем терпели от посягательств приспешников деспота,—и мы не знаем, кому жаловаться, у кого просить защиты. Комиссары наших округов, наши мировые судьи, наши муниципальные чиновники переменяли только имя: это те же прежние квартальные комиссары, прежние приказные, прежние королевские чиновники; в новой администрации находишь большинство лиц, входивших в состав прежней, либо других интриганов, других честолюбцев, других плутов, еще хуже прежних, и таких же слуг старого порядка, которые обдирают, грабят нас, утесняют и прижимают, сколько им угодно, среди бела дня врываюся в наши дома и под покровом ночи насильственно отрывают нас от наших очагов. Наши полицейские суды и суды окружные составлены так же скверно, как наши прежние уездные и областные суды. Да и то сказать. Прежде у нас было пятьсот тысяч мелких тиранов, теперь миллион угнетателей; отцы-сенаторы, вы отдаете нас, беззащитных, целиком в их руки; и по тому, как мало заботились вы о нашей безопасности, о нашем спокойствии, мы сквозь все ваши лживые положения о свободе, сквозь все великие слова о равенстве чинов и состояний, отлично видим, что в ваших глазах мы как были, так и остались сволочью.

Наконец, что касается домашней свободы, то ведь ее не может быть для того, кто ничем не владеет,—следовательно, жребий, нас ожидающий, это—вечное рабство: прикованные таким образом целый день к своей работе, ремесленники и слуги, мы являемся лишь орудием в руках сурового и властного господина.

¹⁾ Что случилось бы с нациями, если бы бедняки прониклись своими правами, как иные философы, и если бы размышление распаяло в них сознание ужасного своего положения!

Вы знаете, что это бесценное благо свободы, которым вы собираетесь наслаждаться, создано не для нас; в этом отношении мы так же чужды революции, как если бы мы вовсе не входили в состав Государства.

Вы уделите много внимания собственности, поставленной вам под защиту законов; но как мало значат все эти установления для человека, которому не приходится вести дел, не приходится защищать интересов! Да и какое значение может иметь для немущего сама собственность?

Вы разрушили наследственные привилегии, вы внесли больше равенства в гражданское состояние первых разрядов граждан, больше соразмерности в распределение налогов. Все эти формы выгодные для вас, столь же чуждыми являются для нас. Лучше распрелив налоги на состояния, вы сохранили всю тяжесть их для бедняка; хлеб, который он ест, вино, которое он пьет, кань в которую он одевается, обложены тяжелыми налогами. Как же вы не почувствовали, что справедливость требовала изъять обложения тех, у кого ничего нет? Как же вы не почувствовали, что, вместо взимания налога, надо, наоборот, отпустить средств тому, кого нужда поставила ниже уровня физических потребностей ¹⁾.

Вместо того, чтобы притти нам на помощь, вы жестоко обобрали нас. Церковное имущество было достоянием бедных: вы отняли у них на незлые затеи правительства, на расточение министрам, на расхищение управителей, на скандальную пышность двора, на мотовство, мошенничество и разбой государственного казначейства. Вы намеревались устранить злоупотребления духовенства; и всетаки из того имущества, которое принадлежит нажелезнодорожники и митроносцы удержали огромную долю при этом отзвьяты от обязательства уделять нам хотя бы малейшую часть этого имущества; они владеют им на правах собственности, но видом жалованья, для доставления себе тех удобств жизни, которыми они привыкли. Но что еще хуже вы сохранили за ними при отставке те же огромные оклады на все случаи, если им придется выполнять обязанности святого их служения. Когда

¹⁾ Эти доводы выдвинул г. Шанелье при обосновании декрета
Прим. Марата)

читаете наши декреты о лицах, занимающих церковные должности о епископах и архиепископах, с сохранением в различных случаях всего содержания, с прибавлением или вычетом четверти, трети или половины оклада, получаете представление что мы какие-то равнины, приводящие в порядок ростовщические счета.

Наконец, из этого же церковного имущества, отнятого у бедных под предлогом уплаты государственных долгов, у нас оторвали пятнадцать миллионов на годоющих всего королевства при напряженной работе в благотворительных мастерских придется по тридцати пяти су на душу, уплачиваемых всего одинадцать раз; между тем, вы же ассигновали от себя девятнадцать миллионов на окончательную уплату долгов ветодаия, близкого к престолу, скандального расточителя, чье грязное распутство является далеко не самым крупным проступком, врага отечества, который в конце концов, превратился в гнусного заговорщика ¹⁾.

Каково же заключение? Все те преимущества, которые богачи находят в своих владениях под защитой наших узаконений, существуют не для нас, и в этом отношении также мы остаемся столь же чуждыми революции, как если бы вовсе не входили в состав Государства.

До сих пор новый порядок вещей целиком идет на пользу богачей и интриганов; но это лишь одна часть их преимуществ. Отцы-сенаторы, вы якобы радели с особой заботой о равноправии всех граждан в пользовании общественными благами: при занятии должностей, мест и званий вы определили считаться лишь со способностями и нравственными качествами лиц. Это могло бы показаться великолепным, если бы вы не поторопились разрушить собственное ваше дело. Приемами фокусников у вас очень скоро сумели одну за другой выманить все эти уступки. Только что успели вы признать, что все люди, равные по своей природе, должны быть всякого различия призываться на должности, которые они способны достойно отправлять, как вы уже прибавили: *однако, без уплаты прямого налога размером в марку серебра они не могут быть представителями нации; без уплаты прямого налога в десять лиров они не могут стать избирателями; без уплаты прямого налога в три ливра они не могут быть активными гражданами.*

¹⁾ Граф д'Артуа (Прим. Марата)

нами Так, путем этих мелких оговорок, вы нашли искусный способ закрыть пред нами двери законодательного собрания, судов, директорий, муниципалитетов. Во имя закона вы объявляете нас неспособными отправлять какую бы то ни было из должностей, на которые вы призывали нас во имя естественных прав; и в довершение несправедливости вы доходите до того, что объявляете нас неспособными назначать тех, кто должен отправлять эти должности: наконец, просто лишаете нас самого звания граждан. Знаменитая ваша декларация прав была, следовательно, лишь пустой приманкой на потеху дуракам, пока вы боялись их раздражения, ибо в конечном итоге она сводится к передаче в руки богатых всех преимуществ, всех почестей нового порядка; значит, славная революция произошла на пользу только одним счастливым.

Если бы этот знаменитый декрет, который для занятия должностей не требует иного ценза, кроме способностей и нравственных качеств, не успел превратиться в шутку, он все же не имел бы никакого применения к нам. Влача нищенское существование, мы можем служить отечеству только руками, как мы служили ему всегда. Таким образом, в то время как вы одни будете наслаждаться счастьем повелевать другими, мы всегда будем призваны только повиноваться, отдавать Государству свои труды, страдания и муки. Для нас преимущества конституции сводятся к оставлении нас в нужде и грязи.

Марат.

LIX

Письмо Камиллу Демулэну

Мне хочется верить, что собрат мой по оружию, Камилл Демулэн, не покинет родины и не подумает отказаться от служения своей славы, утратив мужество посреди благородного своего поприща. Он возмущен тем, что в праздник федерации, депутаты требовали его головы. Но несколько пьяных или введенных в обман людей еще не составляют публики; и сама эта публика, пусть даже она сбилась с дороги,—всегда имеет в своем составе значительное число уважаемых граждан, полных восхищения и благодарности к благородным своим защитникам. Наконец, даже

если бы народ состоял исключительно из людей низких и неблагодарных. неужели истинный философ из-за этого замкнет свое сердце для любви к человечеству, как только увидит, что мир перестал воздавать ему награду за его добродетель? О друг мой, есть ли для слабого смертного более блестящий жребий, чем высвиться здесь на земле до уровня богов? Почувствуй все достоинство твоего существа и будь убежден, что среди твоих последователей есть тысячи оскорбленных своим ничтожеством, своей низостью, есть тысячи завидующих твоей судьбе.

Я знаю, мало найдется людей, расположенных пожертвовать собой для блага отечества. Как! Неужели гражданин, которому некого поддерживать, ни родителей, ни жены, ни детей, побойтся подвергнуться некоторой опасности для спасения великой нации, в то время как тысячи людей забрасывают свои дела, отрываются от семьи, не боятся опасностей, усталости, голода и идут навстречу тысяче смертей для того, чтобы мчаться по голосу спесивого и гордого властителя нести разорение в отдаленные страны, вырезывать ¹⁾ несчастных, которые не думали трогать их, которых они никогда не видели и о которых они едва слышали. Как! многочисленные легионы не побоятся покрыть себя преступлениями за восемь су дневного жалованья, а любовь к человечеству, любовь к славе окажется слишком слабой, чтобы побудить мудрых не бояться никакой опасности?

¹⁾ Всякий раз, когда мне приходилось попросту разговаривать с несколькими офицерами линейных войск, они признавались, что готовы повиноваться приказанию короля, если он прикажет им поджечь со всех сторон какой-либо город и перерезать всех его жителей. Я даже знавал очень близко одного гвардейского поручика, которого не раз заставлял признаться в том, что он скорее распорет живот собственной матери, чем позволит себе пойти против приказаний государя. Я содрогнулся от ужаса.—Ну, а что сделали бы вы на моем месте?—возразил он мне.—Я? я заколот бы скорее всех королей мира, чем наложить руки на виновников дней моих, чем покуситься на жизнь невинного. Таковы истинные чувства Друга Народа, и таковы должны быть чувства всякого свободного человека, всякого честного, всякого мыслящего человека.—чувства, которые мне хотелось бы внушить всем французам, чувства, которые я открыто исповедывал уже много лет назад, чему можно найти следы в моем „Плане уголовного законодательства“. Не даром экземпляры, пропущенные из Швейцарии во Францию, поныне сюда лишь контрабандным путем

Я вовсе не хочу воскурять фимиам самому себе; но все-таки мой друг, насколько ваша судьба еще далека от суровости моей! Вот уже полтора года я осужден на всякого рода лишения, изнурен трудами и бессонными ночами, подавлен усталостью, подвергаюсь тысячам опасностей, окружен шпионами, полицейскими, убийцами, и, вынужденный спасать свою жизнь для отечества, я прячусь из одного убежища в другое, при чем часто не могу провести двух ночей к ряду в той же постели; и все-таки никогда в жизни я не был более доволен: величие защищаемого мною дела поднимает мою отвагу выше всякого страха; сознание добра, которое я стремлюсь осуществить, тех зол, которые я стараюсь предупредить, утешает меня в невзгодах, а надежда на блестящее торжество охватывает мою душу чувством сладостного удовлетворения.

Так как вы любите посмеяться, то вот вам несколько анекдотов, которые могут позабавить вас, давая некоторое представление о тревожности моей жизни за время революции.

22 января, когда министр финансов, мер и главнокомандующий послали для нападения на меня целую армию, я спал в соседнем переулке, как вдруг молодой человек, служащий у меня по письменной части, прибежал ко мне и со слезами на глазах объявил, что дом мой окружен несколькими батальонами. Мой хозяин тут же вошел в мою комнату вместе со своей женой; они были потрясены и хотели говорить, но вместо слов издавали голько стоны.—Успокойтесь,—бросил я им.—все это пустяки. Я вскочил и потребовал, чтобы меня оставили одного. Никогда я не бываю так хладнокровен, как посреди угрожающих опасностей. Не желая выходить в беспорядке из опасения возбудить подозрение, я тщательно оделся. Я надел сюртук, круглую шляпу, принял веселый вид и отправился по направлению к Гро-Кайу сквозь отряд гвардии, посланный арестовать меня. Дорогой я старался развлечь своего спутника и сохранил прекрасное расположение духа вплоть до пяти часов вечера,—время, когда мне должны были подать корректуру газеты, где я давал отчет о знаменитой экспедиции. Однако никто не приходил. Я почувал угрожающий ми удар; на другой день утром я узнал, что типография моя опечатана. День прошел для меня грустно. Путь мой пронюхали. Вечером дом был окружен шпионами, которых я узнал из-за жалованья

Мне предлагали спастись с наступлением ночи через крышу. Но я прошел посреди них днем, под руку с одной молодой особой, идя самым спокойным шагом. Когда настала ночь, я отправился к большому бассейну в Люксембургском саду; там меня ждали два друга, которые должны были отвести меня к одной даме по соседству. Мы никого не застали дома, и я очутился на мостовой. Один из моих спутников расплакался; я своим смехом осушил его слезы; берем извозчика, и я отправляюсь некать прибежища в недрах квартала Марэ. Прибыв на Гревскую площадь, мне хочется посмотреть на фонарь, намеченный для меня два дня тому назад, и я прошел под этим фонарем. Добираемся до улицы Перль: у нового моего хозяина гости, среди которых одно лицо, мне несколько знакомое. Чтобы сбить с толку любопытных, надо было притвориться веселым, и веселье пришло само собой. После пятнадцатиминутного разговора я на ухо спрашиваю у хозяина, уверен ли он в такой-то личности.—Как в себе самом.—Отлично,—и я продолжал разговор. Я поужинал и отправился спать. Посреди ночи под моими окнами останавливается отряд конницы. Я вскакиваю, приоткрываю окно. Вижу, никто не спешил; я преспокойно опять иду спать. до завтра, когда надо было ретироваться.

Милый Демулен! Ты так хорошо умеешь развлекать своего читателя,—учись смеяться вместе со мной. Но продолжай настойчивую борьбу с врагами революции и прими предсказание победы.

Марат, друг народа.

LX.

Письмо Камиллу Демулену

[Августа 1790 г.]

Несмотря на весь ваш ум, дорогой Камилл, вы в политике все еще новичок. Быть может, милая веселость, составляющая основную сущность вашего характера и брызжущая из-под вашего пера даже в самых серьезных случаях, не допускает серьезного размышления и основательности обсуждения; из него вытекающего. Я говорю это с сожалением.—посвящая перо свое оге-

честву, насколько лучше служили бы вы ему, если бы походка ваша была твердою и выдержанною: а вы колеблестесь в своих суждениях, сегодня порицаете то, что завтра станете одобрять; вы превозносите неизвестных за самое незначительное дело; у вас повидимому, нет ни плана, ни цели, и в довершение легкомыслия вы задерживаете своего друга в его движении, вы ослабляете его удары, когда он бешено бьется на благо общему делу в те критические моменты, когда кажется, что народу не на что больше полагаться, кроме как на свое отчаяние.

Неуместные, но ядовитые упреки, которые вы делаете мне в № 37 вашей газеты, могли бы привести к тому, что дело свободы потеряет самого ревностного своего защитника, ибо я лишусь доверия массы граждан, мало способных судить обо мне. Это опасение приводит меня сегодня к печальной необходимости изложить вам основы моего поведения со времени революции. Если бы вы взяли на себя труд проследить все поведение, вы судили бы о нем более здраво и избавили бы меня от печальной необходимости говорить вам о том, что не должно было бы ускользнуть от вас. Но прежде чем раскрыть вам всю свою душу, мне придется начать с опровержения ваших обвинений.

Вы, конечно, воображаете, что оказали великую услугу делу свободы, резко выступив против листка под заглавием «*С нами кончено*», прибежав ко мне поделиться своими тревогами и затеяв длинный разговор с целью заставить меня отказаться от этого писания. Но я не могу скрыть от вас, дорогой мой Камилл, что встреча со мной, которую вы себе воображаете, является не более как иллюзией, что Друг Народа, с которым вы будто бы говорили, находился в двух льё от вас, что его на сей случай изображал какой-то шутник, прикрытый занавеской кровати, и что вся превосходная защитительная речь, которую вы строите на этом, не более как сущий вздор. Если бы комната, куда вас ввели, была лучше освещена, вы узнали бы кое-кого из переодетых, которые долго еще будут смеяться над вашей ошибкой. Однако отбросим шутки, которые уже не в месту. Едва избавившись от несправедливого постановления, направленного против нас, и едва оправившись от своего испуга, вы обратили свой взор на своего друга, оставленного в одиночестве под влиянием кровожадного трибунала; и чтобы выволнить его оттуда, вы при-

бегли к приему стряпчего; но прием этот не для меня. Я старательно прочитал яко бы зажигательную статью, появившуюся под моим именем, я взвесил каждое положение ее и нашел, что она вполне отвечает принципам самой здравой политики, скажу даже, продиктованной справедливостью и человечностью: ибо справедливо и человечно пролить несколько капель нечистой крови, чтобы избежать широких потоков чистой крови. Я бы не отказался от чести признать каждое слово этой статьи, если бы она написана была с большей точностью и твердостью. Наши точки зрения расходятся, я это знаю; но не думаю, чтобы нашелся хоть один хулигатель среди здравомыслящих патриотов, если бы им предоставлено было суждение по этому вопросу.

Кто же не знает, что это патриотическое писание, на которое донес человек, покрытый бесчестием, объявлено было оскорблением нации, и это сделано устами людей, составивших заговор против свободы людей, погрязших в пороках и продавшихся беззаконию, людям, для которых злоумышление против отечества стало обычной игрой, а резня самых ревностных защитников отечества — обязанностью? Несколько не оскорбляясь их проклятиями, я принимаю их скорее как почетный диплом.

Возмущенный вечно возрождающимися заговорами со стороны вышеназванных лиц, встревоженный вестями о приближении врагов и убежденный, что нам невозможно избежать ужасов гражданской войны, если мы не решимся наконец снести головы наиболее виновным, автор этого писания призывает народ наложить руку на заговорщиков, стоящих у дел. Далее, напуганный мыслью об опасностях которые явились бы неизбежным следствием их торжества, он напоминает народу, что 500—600 голов, во-время снесенных, обеспечили бы ему навсегда покой, свободу, счастье и что пощадив их из чувства ложной человечности, он обречет на резню несколько миллионов невинных.

Предложите эту альтернативу мудрецам, которые больше всего хвалятся милосердием, и посмотрите, окажется ли хоть один колеблющийся. А пусть только враг продвинется к нашей границе и все самые спокойные граждане взапуски начнут превозносить автора, — и вы сами, дорогой Камилл, горько пожалеете о том, что изменники не были все казнены; это настолько естественное желание честных сердец и друзей мира, что мой трусливый

доносчик вынужден был подделать статью («С нами кончено») и пуститься на клевету, чтобы создать из нее обвинение против Друга Народа, в то время как его товарищи, озлобленные против самых горячих защитников свободы, всех их подвергли отлучению, восклицая хором: гибель им!

Эта непонятная несправедливость, которая покрыла позором Национальное Собрание, была столь возмутительна, что горсть патриотов на другой же день заставила его вернуться к этому постыдному декрету, и он был бы уничтожен до последнего следа, не будь у одного оратора некоторой злобы против юриста, которому приписывалось инкриминируемое сочинение. Минуем эти мелочи, от которых честному человеку так трудно защищаться, и бросим взгляд на одну жестокость, ими вызванную, жестокость, которую Собрание никогда не смост с себя.

Великие боги! какое получается зрелище, когда видишь, что наши законодатели, призванные отмечать все свои декреты печатью мудрости и справедливости, поражают своим отлучением апостола свободы, не побеспокоившись убедиться, являются ли поступки, в которых его обвиняют, преступлением, и он ли действительно виновник этих поступков: затем отдают его в руки кровожадного трибунала, виновного в составлении проекта вырезать всех пособников революции и уличенного в том, что он поклялся погубить этого апостола за то, что он изобличил его гнусные происки!

Перечитывая эту часть летописи первой нашей законодательной сессии, чувствительные читатели будут трепетать от ужаса, и верный историк, восставая против этого вероломства, передаст будущим поколениям имена наших недостойных представителей, чтобы выставить их на позорище.

Но накинem густую завесу на эту жестокость, от которой патриоты, без сомнения, не могли защититься в Собрании. очень часто превращавшемся в арену самых низких страстей и слишком склонном выродиться в свалку.

Что касается меня, принимаемого за автора этой статьи, то я до того глубоко убежден в истинности принципов автора, в мудрости его советов и в чистоте его взглядов, что надо быть явным врагом революции, чтобы не видеть в нем лучшего из патриотов.

С другой стороны, я проникнут таким гордым презрением к тем, кто издал декрет, обвиняющий меня в оскорблении нации, и еще больше презираю тех, кому поручено было привести его в исполнение; я настолько доверяю здравому смыслу народа, который стремился сбить с пути, и так уверен в привязанности, которую он питает к своему *другу*, чье усердие он знает, что я ни капли не беспокоюсь насчет последствий этого постыдного декрета и что я не поколебался бы отдать себя в руки Суда, если бы я мог признать его за государственный суд, если бы я имел гарантию, что меня не посадят в тюрьму и будут допрашивать при свете дня,—уверенный, что мои судьи оказались бы в большем затруднении, чем я. Если бы их не разорвали на части прежде, чем Друг Народа окончил бы свою речь, они узнали бы от него, что значит иметь дело с сильным человеком, которого не наугаешь, который не дает хода крючкотворству, который умеет поставить на место вероломных судей, вернуть их к существу дела и показать их во всей их мерзости: узнали бы, что значит иметь дело с человеком мужественным, который горд своей добродетелью, пламенеет патриотизмом, одушевлен сознанием огромного значения интересов, им защищаемых, знаком с великими движениями страстей и умеет драматизировать события.

Марат, друг народа

LXI

Письмо Камиллу Демулону

Как я люблю ту благородную горячность, с которой вы, мой дорогой Камилл, обрушиваетесь на меня по поводу обличения муниципальной следственной комиссии, опубликованного в брошюре «С нами кончено» 1). Это пламя могло вспыхнуть лишь в

1) „Этот Марат, подлинный или мнимый, бил в три точки 1) раскрытие заговора Майльбуда; 2) разоблачение муниципальной следственной комиссии и особенно г. Гарран де-Кулона, последнее привело меня в такое негодование, что я тут же побежал к Марату заявить ему, что он портит доброе дело, что он губит нас неумеренным своим патриотизмом, что я не могу впредь называть его боже-

душе поистине патриотической, и если оно не свидетельствует об основательности человека, то во всяком случае говорит о чистоте его сердца. Верьте Другу Народа,—сделанная вами выходка задела его гораздо меньше, чем он получил удовольствия от сознания, что образ добродетели еще находит в вашем лице истинного поклонника. Но Друг Народа вместе с тем не может снести того, чтобы вы считали его способным наброситься на невинных людей в лице членов следственной комиссии и нанести удар гражданской доблести в лице г-на Гарран де Кулова. Мне и предстоит истолковать ваше рвение, а также рвение публики, которая, пожалуй, вообразит, что, обличая этих господ, я имел в виду лишить нацию верных аргусов, пекущихся о ее благе.

Если бы дело шло лишь о том, чтобы одному авторитету противопоставить другой, я решился бы на состязание с вами: ибо могу похвастаться, что я немножко разбираюсь в людях и довольно часто мне достаточно одного взгляда, чтобы проникнуть в самую глубину их души. Но я лучше представлю вам членов следственной комиссии, которых я довольно близко наблюдал за работой.

Не будем говорить о гг. Удар и Афье; их вид не говорит ни их пользу, и надо быть очень плохим физиономистом, чтобы не заметить, что искренность не входит в число их недостатков.

Г. Бриссо всегда казался мне истинным другом свободы: зараженный воздух Городской Думы и еще больше смрадное дыхание генерала скоро подействовали на его принципы; его проект муниципальной аристократии, послуживший канвою для проекта Демёнье, заставил меня видеть в нем лишь мелкого честолюбца, гибкого интригана, и голос патриотизма заглушил в моем сердце голос дружбы.

Репутация г-на Гаррана, казалось, говорила об истинном патриоте, если бы его холодность, осмотрительность, робость не обнаруживали в нем, на мой взгляд, гражданина, лишённого энергии и мужества. Руки у него чистые, охотно верю: но где те

ственным Маратом, так как он направил свое обличение против лучшего из людей, когда-либо мною виденных, против нашего Катона г-на Гаррана. См. № 37 *Революций Франции и Брабанта*.

(Примеч. Марата)

стойческие доблести, которые вы ему приписываете? Вы изображаете его Катоном, по мне он — простак.

Единственный из всех этих государственных следователей, к которому я чувствую симпатию, это—г. Перрон. Его прямота и твердость свидетельствуют о наличии души: я почти готов положить на его гражданскую доблесть, если только мудрому человеку позволено судить о людях по их речам¹⁾.

По этим чертам вы можете судить, что эти господа мне не безызвестны. Поднимаясь на меня, вы отправлялись, Кампль, от какого-нибудь ходячего слуха или, может быть, от какого-нибудь поверхностного разговора и моему разоблачению прогнвопоставили их добродетель. Я мог бы противопоставить вам мнение наблюдателя, почерпнутое при обстановке, когда мне было так любопытно читать в их сердцах. Но я не хочу пользоваться этим своим преимуществом: положительные обвинения, твердые факты разрушаются не удостоверениями в честности, не почетными отзывами, тем более не выводами, схваченными из воздуха. Для обоснования своих обвинений я прежде всего стану говорить, опираясь на их собственное разоблачение деятельности Суда. Это разоблачение очаровало вас, и весь Париж видит в нем проявление гражданских добродетелей его авторов. Признаюсь, мне оно послужило доказательством противного; и главный мой довод тот, что оно появилось слишком поздно и что оно было вынужденным. Если бы члены следственной комиссии были настоящими патриотами, разве они для разоблачения Суда стали бы дожидаться, пока Суд сам предъявит обвинение им? Стали бы они дожидаться,—прежде чем говорить,—чтобы Национальное Собрание открыло им уста? Дали бы они пройти нескольким месяцам, прежде чем разоблачить перед публикой злодейства судейской шайки, которая требовала *данных, настоящих или поддельных, чтобы погубить невинного?* Не поставили бы они их на суд нации как изменников родины, заговорщиков, которых следует сместить как можно скорее? Не по-

1) Вы помните мое задержание на Монмартре и мою явку в следственную комиссию, о чем я дал отчет в № 71? Его собратья все более или мене порицали пламенность моего патриотизма: он один был ею очарован. „Ступайте себе, дорогой друг наш, — сказал он обнимая меня, — пишите дальше и продолжайте разоблачать пуглов“

(Примеч. Марата)

требовали бы они их смещения? Стали бы они так долго оставлять добрых патриотов лицом к лицу с опасностями, которым подвергали эти судейские чиновники? Вам то самим, Камилл, есть ли за что хвалить их преступное молчание? О себе я уж не хочу говорить здесь. Молчать о подобных фактах, это значит подвергать опасности общественное благо, предавать отечество. За одно их молчание можно было бы привлечь их к ответственности и объявить недостойными общественного доверия. Взвесьте силу этих аргументов, и если они не подействуют на вас, то прибавьте к ним разыскания, произведенные следственной комиссией и направленные против добрых граждан, отправившихся 5 октября в Версаль, чтобы наказать королевских приспешников, изменников и заговорщиков.

Если бы вы применили свою способность суждения при чтении разоблачения, заключающегося в статье «С нами кончено», вы заметили бы, что она отмечена печатью истины. В ней представлены улики, приведены выдержки приказов, данных национальной следственной комиссией комиссии муниципальной, в ней все граждане призываются удостовериться собственными глазами в реальности фактов, предъявляются обвинения лично г-ну Гаррану ему самому и его товарищам предлагается ознакомиться с обвинениями и отвечать на них, если они смогут и посмеют. Все это на мой взгляд, не имеет подозрительного вида. Но при упоминании имени Гаррана вы теряете равновесие; Гарран — Катон. и его обличитель не что иное, как фанатик. Правда, стало быль милый Камилл, что дружба так же слепа, как и любовь.

Узнайте же, если уж приходится в конце концов сказать вам это, что обличителем муниципальной следственной комиссии является Друг Народа, и что его разоблачение не содержит ни одного слова которое не соответствовало бы чистейшей истине.

Среди большого количества писем, которые он получал ежедневно, он остановился на одном, которое не носило подписи. Оно написано было знакомым почерком.

В нем сообщалось, что некий Фуке, человек очень изворотливый ¹⁾, министерский агент и бывший полицейский служащий

¹⁾ Этот Фуке мне был не безызвестен. В декабре минувшего года он обнаружил для меня самое интересное знакомство со мной под пред-

был одним из посредников врагов революции; что у него ежедневно были встречи с двором и что в маленьком укрытом домике, занимаемом им на улице Пуассоньер, можно найти переписку его с комендантами крепостей и эмигрантами, укрывшимися при Туринском дворе. Название улицы Пуассоньер напомнило мне письмо, найденное в кармане г-на Вуазен, заговорщика, убитого в Валансе. С этой минуты я уже не сомневался в правильности этих сообщений и только о том и думал, как бы их использовать.

В том же письме мне давалось еще указание о том, что г. де-Бонньер, агент Шарля-Филиппа д'Артуа, находится в тесных сношениях с г-ном Фуке.

В руках моих была одна нить заговоров, замышляемых против отечества; я думал о способе захватить их все; я был восхищен крайней простотой того способа, который пришел мне в голову, и я удивлялся, почему он еще не был приведен в исполнение; он состоял в том, чтобы захватить в одну прекрасную ночь бумаги всех надзирателей, старших полицейских сыщиков, презренных сообщников всех тайн министерского беззакония и единственных обладателей средств к их выполнению.

Оставалось только найти верный путь для передачи этих сведений и этих видов национальной следственной комиссии; я стал искать среди членов-патриотов того, на кого больше всего можно было положиться; и 29 мая я отправил все г-ну Шарлю де-Ламету с настоятельной просьбой озаботиться передачей. Я подписал свое письмо, а чтобы быть уверенным, что оно не будет отложено в сторону, я объявил, что готов явиться и лично, как только это понадобится. Я не ошибся в выборе. Г-н де-Ламет лично передал мое разоблачение и этим выполнил долг гражда-

логом сообщения мне документов, интересных для публики. Действительно, он сообщил мне несколько документов касательно злоупотреблений г-на Неккера. Но заметив, что целью этого интригана было выжить руководителя финансов, с тем, чтобы самому сесть на его место, я не использовал его писаний, которые стали мне подозрительными, я даже по простоте высказал ему свой образ мыслей на этот счет, и с тех пор я его в глаза не видал. Но я узнал потом, что он ежедневно вручал мою газету королю и что он лично передал ему первое мое разоблачение, направленное против министра (Примеч. Марата).

нина. Немедленно отданы были точные распоряжения муниципальной следственной комиссии произвести все требуемые выемки.

Ревниво относясь к успеху этой важной экспедиции, которая в одну ночь выдала бы нам всех заговорщиков, разоблачив сразу все заговоры, я стал хлопотать и перед муниципальной следственной комиссией. Г. Гарран де-Кулон имел по этому поводу свидание с г. де-Ламегом, и несколько дней спустя лично сообщили моему другу, что комиссия получила приказания от Национального Собрания.

Приказания эти были положены под сукно. Чтобы не приводить их в исполнение, выдвинули тысячу соображений осторожности и особенно страх пред нарушением жилищной неприкосновенности граждан: предлог смешной, когда дело идет о благе отечества.

Таковы, дорогой Камилл, установленные, твердые и хорошо заверенные факты, против которых вы уже не ставете выдвигая своих доказательств в пользу вашего Катона.

Любовь к отечеству, долг и честь объединились для того, чтобы заставить муниципальную следственную комиссию привести в исполнение приказания национальной комиссии. Никакие соображения не должны были мешать делу. Муниципальная комиссия либо потому голько пренебрегла этими приказами, что боялась не угодить министрам, меру и начальнику парижской милиции, либо потому, что она продалась кабинету,—сказал автор статьи «С нами кончено». После того как комиссия выступила против Суда, я не стану больше обвинять ее в продажности, но согласитесь, что она виновна в преступной трусости и потому недостойна общественного доверия.

Теперь я льщу себя надеждой, дорогой мой Камилл, что вы и впредь будете питать некоторое доверие ко взглядам, к осмотрительности и к благоразумию Друга Народа. Пылкость его сердца которая иногда придает ему характер запальчивости, и невозможность разъяснять свои идеи и мотивы своих поступков,—а в таком невозможности он находится постоянно,—создали ему среди людей мало рассуждающих, репутацию горячей головы, и он это хорошо знает; но читатели рассудительные и проникательные, которые следят за его скачками, хорошо знают, что у него очень трезвая голова. Крайняя боязнь упустить хотя бы одну ловушку, заста-

вленную свободе, постоянно приводит его к необходимости затрогивать множество предметов и скорее лишь намечать их, чем выставлять в полном свете. Время подгоняет его, и у него совсем нет ни сотрудников, ни переписчиков, ни толкователей. Он верит, что горячее его усердие и чистое сердце дают ему некоторое право на общественное доверие: но ему гораздо легче далось бы это доверие, если бы он меньше прилагал стараний заслужить его.

Пусть эта полезная истина попадет на глаза вашим читателям: и поверьте, дорогой Камилл, что Друг Народа при изнурительных своих занятиях не стал бы отнимать у себя время для написания этого длинного письма, если бы он так не дорожил вашим уважением.

Марат. друг народа.

LXII

Письмо Неккеру

[Сентябрь 1790 г.].

Трудно решить, имеем ли мы здесь дело действительно с письмом или с газетной статьей в виде открытого письма. За последнее мнение говорит то, что в оглавлении газеты оно вносит заглавие „Замечания по поводу отставки г-на Неккера“. Но в общем Марат всегда старался перестать заинтересованному лицу то письмо, которое он потом печатал в своей газете. Данное письмо напечатано в № 214 „Друга Народа“ и вызвано состоявшейся отставкой Неккера. Мы печатаем его, несмотря на неясность его настоящего характера.

Друг Народа г-ну Неккеру.

Если бы ваша отставка, милостивый государь, не была притворной, если бы уход ваш был безвозвратным, если бы вы добросовестно сдали свой отчет, если бы вы понесли наказание за свои злоупотребления,—свершившееся правосудие заставило бы меня молчать: ненависть, которую я питал к ненадежному администратору, к опасному министру, к страшной опоре деспотизма, угадала бы вместе с вашими полномочиями, и я видел бы в вас

лишь частного человека, которым не счел бы нужным заниматься ни одной минуты. Но, думается мне, я достаточно знаю ваш честолюбивый характер, чтобы относиться с недоверием к принятому вами решению и смотреть на ваш уход как на результат грозы, которую вы предвидите, и выпышки, которой вы хотите избежать, либо как на последнюю ловушку, которую вы хотите поставить французам. Вы прикрываетесь ухудшением своего здоровья, повторением тех болезненных явлений, которые минувшей зимой чуть не свели вас в могилу и которые тем не менее не мешали умершему или умирающему выступать в Национальном Собрании и оболящать народ. Вы ссылаетесь также на смертельно беспокойство дорогой вашей подруги, которая торопит вас вернуться к очагу, откуда вас оторвало Национальное Собрание. И вопреки вашему желанию истина сорвалась с кончика вашего пера; заканчивая фразу, бывший министр дает отцам отечества ключ к загадке. *«Кю времени моего прибытия — говорите вы, обращаясь к ним, — подойдет конец вашей сессии, и я совершенно не в состоянии приняться за новую карьеру»*. В переводе на обычный язык это значит: мне необходимо, милостивые государи, принять наконец определенное решение; только люди вашей складки могут удерживать на месте такого человека, как я; приходит срок вашего найма, и я окажусь не в состоянии бороться с вашими преемниками, которые, вероятно, вздумают прежде всего выполнить свой долг, которые опшлуг меня с ног до головы и заставят изменить свои приемы, если только, чего доброго, не предадут меня суду.

Разрешите мне, милостивый государь, бросить беглый взгляд на доводы, с помощью которых вы оправдываете свое управление

«Пользуясь собственными вашими выражениями, вы затребовали с меня, милостивые государи, отчет по доходам и расходам, начиная с 1 мая 1) 1790 года; я подал его вам; вы поручили своей финансовой комиссии проверить его; мне кажется она уже могла установить, есть ли какой-нибудь расход или иное какое распоряжение, заслуживающее упрека. Только эта сторона дела и касается министерства по существу, ибо рассмотрение

1) Разумеется, будут говорить, что финансовая комиссия вошла в соглашение с плугом, установив сдачу отчета начиная только с этого момента (Прим. Марата)

титолов, проверка квитанций, все это в частности относится к области ведения дела казначеями, сборщиками налогов и различными частными лицами». Это значит, что финансовая комиссия, не забываясь проверкой документов, правильных или фальшивых должна ограничиться рассмотрением того, не допустили ли вы ошибок в сложении и вычитании. Будьте уверены, милостивый государь, никто не осмелится усомниться в вашем умении.

Конец вашего письма достоин замечания. Вот он: *«Вражда, несправедливость, мною испытанные, навели меня на мысль о гарантии, которую я только-что предложил; но когда я подхожу с этой мыслью к оценке моего поведения в управлении финансами, я позволяю себе объяснить его особенностями всей моей жизни»*. Говоря мимоходом, милостивый государь, это не язык безупречного администратора, который поспешил вынести на лицезрение публике верную картину своего ведения дел; это не голос чистого сердца, подавленного скорбью, драпирующегося в плащ своей невинности, и еще менее это голос гордой души, стоящей выше клеветы; это голос человека, лишенного чести, человека, который никогда не оскорблялся обидными подозрениями, столько раз поднимавшимися против его управления в недрах самого сената; это голос мелкого интригана, выпроваженного и обвиняющего судьбу в несправедливости.

Но позвольте! Что же такое особенное происходит с вами сегодня? Десять лет вы выслушивали наши восхищения, насмехаясь над нашей простотой, и обременяли нас займами; вы делали вид, что готовы дать отчет в своем ведении дела в такое время, когда ничто вас к этому не обязывало; вы возлагали эту обязанность на своих преемников; а потом вы сами отказались подчиниться этому, несмотря на настояния публики; вы насмеялись над приказаниями представителей нации; наконец, вы подали отчет, в котором ничего не поймешь; вы дали нам тысячу сильных поводов видеть в вас главаря скупщиков зерна и звонкой монеты, виновника голодного проекта, который целый год приводит нас в отчаяние; вы истощали нас стеснительным налогом; вы угнетали бедных, называя себя их отцом; вы противились плану ликвидации государственных долгов: вы убегаете в ту минуту, когда от вас требуют лучшего плана такой ликвидации; и вы же жалуетесь на несправедливый свой жребий!

Вы обвиняете судьбу в своеобразии событий вашей жизни. Что же было бы, если бы, подобно Другу Народа, вы были игрушкой людей и жертвой своего патриотизма. если бы вы, охваченные смертельной болезнью, подобно мне отказались от забот своей жизни, чтобы разъяснить народу его права и средства добыть их: если бы вы с самой минуты вашего выздоровления посвятили ему свои покой, свои ночные труды, свою свободу; если бы вы сели на хлеб и на воду, чтобы пожертвовать общественному делу все, что вы имеете; если бы в целях защиты народа вы вели войну со всеми его врагами; если бы для спасения класса немущих вы поссорились со всем миром, не обеспечив себе на земле ни единого пристанища; если бы вас попеременно обвиняли в том, что вы продались министрам, которых вы рабоблачали, деспоту, с которым вы боролись, вельможам, которых вы старались придавить, государственным пиявкам, которых вы хотели заставить вернуть награбленное добро: если бы в вас сыпались приказы об аресте то со стороны несправедливых судей чьи приказы вы вскрывали, то со стороны законодателя, чьи ошибки, несправедливости, губительные намерения, заговоры, измены вы непрестанно разоблачали; если бы вас преследовала толпа убийц, покушающихся на вашу жизнь; если бы вы, перебегая из одного убежища в другое, решились жить в подземелье, чтобы спасти народ бесчувственный, слепой, неблагодарный. Находясь под вечной угрозой раньше или позже стать жертвой могущественных людей, с которыми я вел войну, честолюбцев, которым стоял поперек дороги, мошенников, которых я разоблачал; я, ведая судьбы, меня ожидающей, быть может обреченный погибнуть в больнице как последний нищий, позволял ли я себе жаловаться, как это делаете вы? Надо уже совсем не быть философом, милостивый государь, чтобы не видеть во всем этом обычного течения дел житейских; и надо утратить все следы душевного величия, чтобы не находить утешения в надежде, что этой ценой вырывается 25 миллионов людей из тисков тирании, угнетения, терзаний и нищеты и приближаешь их наконец к рубежам счастья.

Что касается вас, милостивый государь, то ваша судьба несколько иная. Восхищение народа, вас обожавшего, вы принесли в жертву ласкам вероломного двора, благосклонность которого

к тому же, вы, пожалуй, утратили. Но у вас остаются иные блага. Вы уже не слышите Аристидом, все еще оставаясь Лукуллом; найдется ли хоть один монарх, который не поторопился бы предложить вам почетное пристанище; найдется ли хоть одно жизненное удовольствие, которое связано с богатством и в котором вам было бы отказано? Удовольствия, почести, почетные звания—все ожидает вас. Вы можете располагать всем, за исключением уважения со стороны прямодушных и возвышенных существ, да еще славы, которая ведь тоже за деньги не приобретается.

Как бы то ни было, если ваш уход не пустая комедия, я с нынешнего дня обрекаю себя на вечное молчание; я больше чем кто-либо потрудился, чтобы вызвать ваше падение; но с той минуты, как вы перестали быть опасным в общественном отношении человеком, вы становитесь для меня частным лицом и ничем больше

LXIII

Письмо к... ¹⁾

(7 сентября 1790).

Несколько лиц обратились к Марату с коллективным письмом, в котором заявляют, что подрядчик по сносу Бастилии возымел намерение сделать из камней ее модели этой крепости-темницы и разослать их в наиздавание по 83 департаментам Франции, авторы письма приглашают Марата явиться посмотреть эти патриотические сувениры. Марат отвечает следующим письмом.

Братья и друзья!

Я рукоплещу вашему патриотизму и польщен вашим благорасположением ко мне. Дух мой с вами; он воздаст вам заслуженные хвалы и поощряет вас продолжать полезные труды ваши; что же касается моего тела, то ему не разрешается показываться в Париж. Легионы убийц, вооруженных черными и приверженцами министерской партии, которые работают над тем, чтобы снова на-

¹⁾ Адресат неизвестен. *Ред.*

деть цепи на нацию, всегда наготове против бедного Друга Народа. Чтобы разгуливать в безопасности, ему пришлось бы появляться в сопровождении таких добрых граждан, как вы; и тогда он сумел бы образумить тех низких негодяев, которые только что перерезали наших братьев, нансийских патриотов, которые охотно перерезали бы всех парижан, друзей свободы, и приказали бы вновь воздвигнуть Бастилию, если бы только посмели.

Ваш брат и друг *Марат друг народа.*

LXIV

Письмо г-ну Рулье

После ряда статей Марата по поводу трагических событий Нанси, секретарь швейцарской колонии в Париже, Рулье, прислал Марату письмо с протестом против одной из этих статей, задевавшее швейцарцев. Марат поместил это протестующее письмо в своей газете и на другой же день напечатал и свой ответ г-ну Рулье.

Ответ Друга Народа г-ну Рулье, секретарю
Общества швейцарцев.

Если вы внимательно читали мою газету, вы могли убедиться, что я первый и единственный из писателей-патриотов, горячо защищавший дело народа и заодно дело солдата, являющегося частью народа. Что касается Безанваля, то я, стремясь расшвыргать за золото, которое он дал мне, хотел бы, чтобы вы просто повесили его. Что касается г-да Аффри, то я мало знаю его; мне кажется, что он проявил себя с хорошей стороны в начале июля 1789 года. Не отказался ли он повиноваться приказу стрелять в граждан, отданному Капетом, по кличке д'Артуа? Впрочем, вы должны основательнее знать его, чем я, и если он стоит не большего, чем Безанваль, то я буду очень доволен видеть их в паре. Наконец я желаю, чтобы все товарищи-швейцарцы заставили д'Аффри и Безанваля показать им распяки в полученных мною деньгах и если они признают мои почерк, то я готов войти

в эту компанию третьим. Итак, с этим делом покончено. Займемся другим.

Ваше обращение к Национальному Собранию стало мне известно лишь из отчета, редактируемого неким Дюфуром, и из «Journal des Debats et des Decrets». В № 212 моей газеты вы прочтете, что я обвинил редакторов в подделке, не допуская мысли, чтобы швейцарцы, друзья свободы, опозорили себя подобной пошлостью. Сопоставляя ваше обращение с тем, что они напечатали, я вижу, что они выдали за достоверное то, что у вас высказано в форме смутного предположения, и что они влагают в уста ваши требование наказать полк Шато-Вье, что является прямо кощунственным. Стало быть, я был прав, обвиняя редакторов в продажности и недобросовестности. Но я вижу также, что патриоты-швейцарцы, единственной целью которых был протест и против тираннии старинных капитуляций, впали в пошлость, позволив себе выразить сожаление по поводу возмущения полка Шато-Вье, осудить его и приписать его науськиваниям врагов революции, может быть перебесничкам, на вербовочным скучностью начальников; между тем вы были убеждены, что мятеж вызван был притеснениями и тиранией офицеров, как вы это очень хорошо высказали в письме к г-ну де Ноайль. По этим-то чертам, недостойным швейцарской прямоты, Друг Народа, более дорожающий вашей честью, чем вы сами, не мог допустить того, чтобы это обращение продиктовано было свободными гражданами. Вы уверяете, что вам приходится *быть очень осторожным, чтобы, обращаясь к Собранию, не возбудить против себя черныш.* Но если вы уж так хорошо знали, что в Национальном Собрании господствуют черные и сторонники мнимой стерзости, то на что же вы рассчитывали со стороны этих низких плутов? Вместо того чтобы тратить время на подачу смешного обращения, следовало бы, чтобы весь полк швейцарской гвардии в своем обращении к Собранию потребовал мести за ужасное избиение в Шато-Вье, потребовал изгнания своих начальников и назначения офицеров солдатами, следовало бы, чтобы полк призвал все другие швейцарские и французские полки обратиться с такой же петицией. Следовало, чтобы вы сами и все проживающие в Париже швейцарцы поспешили в Тюильри, чтобы присоединить свои голоса к тем сорока тысячам граждан, которые требовали мести адскому Булье и чудовищу Ла-Тур-дю-Пену, отставки всех

миннегров, изгнания всех штабов и назначения офицеров солдатами. Вот что вы должны были сделать, милостивый государь, вот что должны еще сделать ваши соотечественники, если они хотят, чтобы я по их поведению признал в них доблестных швейцарцев

Марат, друг народа.

Париж. сего 9-го сентября 1790

LXV

Письмо Лафайету

[Сентябрь 1790 г.]

Обращение к генералу Мотье.

Заявлять претензии на звание доброго гражданина, истинного патриота на том основании, что пятнадцать тысяч автоматов не допускают в этом никакого сомнения, это—нелепость, которая никогда не придет вам на ум; но она даст вам средство выставить напоказ рабскую преданность армии, которую вы командуете. Она дает вам надежду заставить замолчать не очень мужественных граждан, которые попытались бы показать вас в истинном свете. Что ветреная молодежь, слишком неспособная к размышлению, готова служить вашим зловещим планам, несомненно очень опасным, это—глупость, однако извинительная для вертопрахов, не видящих в том никакого зла; но что вы, человек зрелый и образованный, вы, яко бы патриот, которому его сограждане, обманутые видимостью разыгрываемой вами добродетели, отделились с такою доверчивостью, что вы перевернули стихии, чтобы сделать из парижской милиции армию преторьянцев, это—мерзость, на которую оказались бы способными немногие из партийных вождей, и которые всецело выпали на долю героя Америки, великому генералу, бессмертному восстановителю свободы.

Вероломный! бросьте вы изменнические интриги, если вы не совсем умерли для чести, или, лучше сказать, перестаньте обольщаться, ваши хитрости никак не приведут к цели. Вам удастся еще прельщать в течение некоторого времени бедных темных оуржуа; но отвратительная правда в конце концов откроется, и вы предстанете пред глазами публики во всей вашей гнусности.

каким вы давно уже стоите пред глазами всех проницательных людей. Ведь вам уже приходится унижаться до постыдных происков, чтобы избежать критики, вам, который обожаемым влюбленного народа возведен был на пьедестал бога. Тщетно убаюкиваетесь вы безумной надеждой, падение ваше близко, и оно будет позорно, будет ужасно.

Бросьте взгляд на бывшего министра женева, вашего руководителя¹⁾. Вспомните дни его славы, посмотрите на дни его унижения. Подобно ему и вы скоро станете притчей во языцех. Да что я говорю! Момент этот уже наступил. Вчера еще вы были предметом обожания легионов федерации, но уже репутация ваша падает; доброе имя ваше—уже дело прошлого; вы стремитесь удержать его за собой лишь путем низких приемов. Армия сейчас уже раскололась надвое: все, что есть в ней разумного и честного, осуждает вас; остальные, при всей своей развращенности, вынуждены поставить под вопрос ваши чувства, вашу доблесть, вашу лояльность; они с удовольствием удостоверяются в том, что вы не заслуживаете ни одного укола, направленного на вас писателями-бунтовщиками или, лучше сказать, злословием. Какая похвала! Немного терпения, и вы сделаетесь лишь предметом презрения. Если для ускорения этого момента понадобится только удвоить усилия, прошу рассчитывать на Друга Народа. Он первый дерзнул поколебать алтарь божественного Неккера, и притом в такое время, когда он только один открыл ловкого плута под маской бога. Вспомните, что и ваш алтарь впервые был подрят Другом Народа, и будьте уверены, что он не отстанет, пока не опрокинет этого алтаря. Мелкий и тщеславный вы человек, как это вы не поняли своего счастья, как это не использовали вы тех преимуществ, которые судьба казалась, как расточала вам? Слава сама собою сопутствовала вам; ложные слухи, донесшиеся из дальних стран, сделали вас героем, который перешел моря, чтобы разбить цепи народа, едва знакомого ему по имени; скоро доверчивые ваши сограждане увидели в вас защитника своей свободы; тысячи обманчивых голосов делали себе удовольствие из того, чтобы поднимать в глазах их блеск ложных ваших добродетелей; они сами лезут в пелю, и на

¹⁾ Неккер. (Прим. переводч.).

блики провозглашают вас вождем парижской армии. С этого момента судьбы Франции были в ваших руках. Стоя во главе вооруженных общественных сил, вы могли быть неизменной опорой свободы, угрозой врагов ¹⁾ революции, ангелом-хранителем 25 миллионов людей. Существовал ли когда-либо более прекрасный жребий? Что значила бы слава Тита и Траяна рядом с вашей? Но надо было любить отечество. А что вы сделали для него? Вместо того чтобы прилепиться к делу отечества, вы постоянно оказывались среди смертельных его врагов. Грязная душа,—судьба сделала для вас все, боги завидовали вашей участи; а вы: счастьем спасителем Франции вы предпочли позорящую роль мелкого честолюбца, жадного царедворца, коварного клеветника и, в довершение ужаса,—низкого сообщника деспота.

LXVI

Письмо гражданину Гейнтцлеру

Ноябрь 1790 года

Марат вмешался в старое, еще с 1780 года явившееся дело клеевого мастера Гейнтцлера, у которого полицейский комиссар соблазнил жену. В результате разоблачения дела Маратом, комиссар предъявил в суд обвинение в диффамации, но потом сделал попытку вступить в переговоры с потерпевшим. На запрос последнего к Марату, как ему поступить, друг народа ответил письмом.

Долг и честь вменяют вам в закон настаивать на ваших чувствах. Общественная безопасность требует, чтобы нарушители законов были наказаны; будьте покойны, я еще вернусь к вашему делу в печати, и у вас не будет недостатка в защитниках.

Марат друг народа.

¹⁾ Одна мысль о вашей доблести заставляла бы трепетать этого ворчику и не позволяла бы им нарушить свой долг (Прим. *Марата*).

LXVII

Письмо Дюпор-дю-Тертру

[Ноябрь 1790 года]

Марат, Друг Народа, Дюпор-дю-Тертру, министру юстиции Франции.

Сколь бы не безусловно могло быть по сей день ваше личное поведение, общественная ваша роль, милостивый государь, не стоит выше подозрений. Ваши близкие отношения с двумя лицами, крайне опасными для общественного дела,—одно из них является контр-революционным главой муниципалитета, а другое—контр-революционным главой гражданской гвардии ¹⁾,—способны внушать недоверие. Что можно подумать о вашем образе мыслей или, лучше сказать, о ваших гражданских чувствах, когда приходится слышать, как вы называете их *героями, защитниками свободы*

Как бы то ни было, милостивый государь, для вашего спокойствия и еще больше для общественного блага важно, чтобы истинные ваши чувства были хорошо известны. Я подвергну их открытому испытанию, которое непреложным способом установит то представление, какое должен иметь народ о ваших гражданских добродетелях. Тысяча пятьсот королевских комиссаров назначены были в новые суды вашим предшественником, позорной памяти: комиссары эти, набранные среди судейской сволочи, из самых подонков прежней магистратуры, являются в большей своей части генеральными прокурорами, заместителями в бальяжах, помощниками интендантов,—все это люди без веры и совести, хорошо известные своими пороками и проступками; все это заведомые враги революции, почти все—мучители народа, почти все заклейменные общественным мнением. Мне остается прибавить только одну черту: в их числе находятся Блан де Вернейль и Буше д'Арфи. Подобный выбор должен был возбудить общественное негодование, и, разумеется, со всех сторон поднялись живейшие возражения. Люди подобного рода могут только служить деспотизму и губить свободу. Пока в их руках только королевское назначение, вырванное у легковерного короля бессовестным Шампио-

¹⁾ Бальи и Лафайет. (Прим. переводч.)

ном, назначение, не имеющее никакой законной силы, если в монархе уцелела хоть тень справедливости,—словом, назначение, которое немедленно должно быть взято назад. Ваш долг главы магистратуры и еще более ваш долг честного гражданина, истинного патриота вменяет вам в священную обязанность приостановку их водворения в должности, ознакомление с представленными против них доводами к отводу и отозвание тех из них, кто действительно провинился; на места же их должны быть назначены люди неподкупные и справедливые. Утвердить их назначение значило бы для вас покрыть себя позором, и все ваши протесты во имя неподкупности и патриотизма скоро оказались бы лишь общими местами, в роде тех, которыми предшественники ваши прикрывали свое вероломное лицемерие. Испытание, к которому ныне через меня призывает вас публика, тяжело; но она ожидает, что вы с честью выйдете из него. Если вы отступитесь дело ваше кончено: преследуемый писателями-патриотами как враг нации, вы скоро сделаетесь предметом презрения, и царству вашему придет скорый конец.

LXVIII

Письмо Дюпор-дю-Тертру

[Декабрь 1790 г.]

Второе письмо Марата, Друга Народа, Дюпор-дю-Тертру, министру юстиции Франции.

Лицемерие, милостивый государь, является характерным пороком всех должностных лиц, начиная с монарха и кончая приставом. Под маской долга, любви к справедливости и благоденствия они нарушают законы, совершают свои разбойничества, губят народы. Вплоть до самого ужасного тирана нет того, кто не прикрывался бы этой маской, проливая кровь для удовлетворения своих жестоких и грубых страстей,—так уж признано, что всякая власть должна иметь целью общее благо; это истина, которой сами деспоты отдают дань уважения даже тогда, когда делают все чтобы забыть ее.

Как все ваши предшественники, вы начали с провозглашения прекрасных слов; простофили, готовые пристраститься к первому встречному из-за нескольких красивых фраз, могут убаюкиваться вашими обещаниями; но нам, дальновидным гражданам, слишком часто обманутым за свою доверчивость, нужны результаты, — их-то мы ждем от вас.

Друг народа напоминает вам бессовестный подбор 1500 королевских комиссаров, назначенных предшественником вашим, г-ном Шампионом; отставка этих недостойных служителей деспотизма должна быть первым ударом вашей метлы в храме Фемиды; и вам не удастся обойтись без него, если вы не хотите погубить своей репутации.

Слишком мало для министра, чтобы он был неприязненным если у него при этом не чисты руки. Вы сами освятили это положение в тот день, когда вы явились в коммуну проситься со своими товарищами, заявив, что накануне своего назначения в министерство вы подписали письмо ко временным администраторам, приглашающее их к сдаче отчета. Я горжусь тем, — прибавили вы, — что я первый даю пример ответственности: в той мере, в какой это касается меня, я представляю ее через одного из своих товарищей, и я надеюсь, что временное мое управление послужит вам надежным ручательством за то, к которому я призван. Разрешите мне небольшое пояснение: в качестве заместителя мера, по департаменту полиции вам поручены были все расходы, относящиеся к безопасности столицы и ин, лучше сказать к обеспечению общественного спокойствия; и так как, к стыду нового режима, муниципальная администрация усвоила позорные приемы старого режима, то на вас, милостивый государь, возложено было руководство всеми шпионами, содержимыми в столице за счет национальных средств, и оплата их жалованья; таким образом, вы должны нам дать отчет о различных поручениях, какие вы им давали, и о жалованье, которое вы им платили. Я не знаю, рискнут ли здесь самые горячие ваши хвалители ручаться за вашу точность в выполнении принятых вами на себя обязательств, но я, несколько не склонный отдаваться иллюзиям, утверждаю, что вы очень и очень остережетесь сделать это, и не из боязни разоблачить правительственные секреты (правительство свободной нации не должно больше иметь никаких секретов).

потому что вам было бы стыдно обнародовать гнусности мера и главнокомандующего, которые содержат ныне шпионов исключительно для того, чтобы выслеживать и замечать отважных граждан, которые хотят воспротивиться преступному их проекту восстановления деспотизма; и мое мнение таково: что если бы вы действительно были патриотом, каким вас считают, вы не взяли бы на себя подобного дела. Вероломные уполномоченные,—сказали бы вы г-ну Балли и муниципальным администраторам,—вычеркните из своих записных книжек эти ненавистные расходы, не должно быть шпионов у свободного народа; пусть блюстители власти выполняют свой долг, и им нечего будет бояться злословия; пусть они делают добро, и тогда они могут презирать клевету.

Вот, милостивый государь, новое затруднение, преодолеть которое призывает вас Друг народа; будьте уверены в его настойчивости, он все время будет держать шпагу приставленную к вашей груди, пока вы не перешагнете,—иначе он ославит вас как обманщика.

Но мало этого. Пока вы еще не сдавали отчета по временному своему управлению, как могло у вас хватить бесстыдства принять звание заместителя в новом муниципальном совете? Разве это не равносильно просьбе, чтобы ваши товарищи отнеслись к вам снисходительно? Разве это не прямое желание самому проверять свой же отчет? Подобное коварство не было бы удивительно со стороны Вовилье, но со стороны Дюпор-дю-Тертра! Что скажут недоброжелатели, особенно если они заметят, что вы, по примеру мера, отказались принести присягу в бескорыстии, которую муниципалитет требует от администраторов; особенно, если они примут во внимание уважение, которое невольно должны питать маленькие муниципальные люди к министру юстиции, который не гнушается называть их дорогими своими собратьями? Вы думаете, что после этого у них явится охота приструнить именитого своего коллегу? Таким образом министр юстиции заставит просто махнуть рукой на все растраты заместителя мера, послушного исполнителя воли г.г. Балли и Мутье ¹⁾. Они пойдут дальше, они станут

¹⁾ 5-го октября, в то время как генерал находился на пуги в Вервалье, один из его лакеев выкрал из шкафа его комнаты, находившейся в Городекой Думе, сто тысяч ливров в банковых билетах. по-

отстаивать взгляд, что Дюпор-дю-Тертр, надевая муниципальную перевязь и принимая печать министра юстиции, нарушил регламенты коммуны и декрет об ответственности, ибо он не мог быть назначен ни на какое место до предварительной сдачи отчета: обязанность, которую Национальному Собранию давно следовало бы подтвердить формальным декретом. Как бы то ни было, я требую от вас, милостивый государь, немедленно представить на рассмотрение нации точный отчет, распространить его по дешевой цене путем напечатания и таким путем вызвать общественную критику; отказаться сделать это равносильно было бы не только признанию себя виновным, но и признанию того, что вы не на уровне новой вашей должности; равносильно публичному заявлению, что вы на том высоком посту, куда вас вознесли мер и главнокомандующий, вы все еще остаетесь и всегда останетесь их лакеем.

Сколь бы суровым ни мог показаться Друг Народа в поведении своем по отношению к вам, как и по отношению ко всякому другому должностному лицу, он этого поведения не изменит ни на минуту: не то чтобы ему доставляло удовольствие клеймить имя своих сограждан печальными предсказаниями и рисовать уничтожающую картину упадка современного поколения; но потому, что он глубоко убежден, что пороки служителей народа внушают меньше страха, чем слепое его доверие ¹⁾

полученных им накануне; кража эта не задела личных средств генерала, стало быть, ее надо скрыть, как и ряд других, услужливый Тертр разумеется, сделал все необходимое для этого.

(Прим. Марата).

¹⁾ Письмо, повидимому, кончилось на этом. Но в печатном тексте есть еще несколько строк, расходящихся с общим тоном этого письма и, вероятно, прибавленных Маратом, когда он вздумал печатать самое письмо. Друг народа выражается в этом добавлении, напр., так: „Граждане, будьте настороже; и даже если бы все ваши уполномоченные были люди хорошие, ведите себя с ними так, как если бы они были плуты.—единственное средство не остаться пред ними в дураках или не сделаться их жертвами“. (Прим. Ред.).

LXIX

Письмо г-ну Мартену

[Декабрь 1790].

Некто Мартен взялся разыскать куда-то исчезнувшего патриота Сент-Юрюга; последнего он не нашел, но во время поисков натолкнулся на некоего Ноэля, тоже патриота, который, отбыв шестинедельное заключение в Шателе, работает ныне в канцелярии Городской Думы. На сообщение обо всем этом Марату, Друг Народа ответил письмом

Патриотическое усердие ваше, милостивый государь, несколько не дивит моих читателей. Как только они вспомнят, что вы отбыли четырехмесячное тюремное заключение за то, что сообщили парижанам, что их заставляют есть хлеб из диких каштанов, а французское зерно продают за границу, и за то, что вы разоблачили ужасные хищения в Королевской Военной Школе, где затрачивали 1.800.000 ливров на размол скверного зерна и подмешивание сляглой муки, в то время как мельницы в окрестностях столицы оставались в бездействии.

Все добрые граждане вместе со мной будут вам благодарны за усилия, затраченные вами на отыскание Сент-Юрюга, и за сведения, какие вы даете о честном Ноэле. Однако я не знаю почему, но мне становится очень грустно, когда я слышу о том, где вы нашли его. Мне совсем не нравится, что он занимает должность в муниципалитете: вы знаете, что патриоты отеснены ото всех должностей аристократами и роялистами, которые овладели государством. Уж не является ли эта должность наградой за отпадение? Я вовсе не хочу заставить вас изменить хорошее мнение, которое вы имеете о его гражданских чувствах. Что касается меня, то я на этот счет сужу не столь для него выгодно, особенно когда подумаю, что на все беспокойство, выразившееся относительно его судьбы столь многими добрыми гражданами, он в течение двух недель отделялся одним молчанием. Это соображение удваивает мою грусть, когда я думаю о Сент-Юрюге... Скажите ли вам, дорогой мой Мартен, мы самая развращенная нация в мире; свобода погибнет у нас исключительно из-за нашей испор-

ченности; из застарелых рабов не сделаешь свободных людей. И если мы снова не попадем в рабство, то вовсе не потому, чтобы мы любили свободу, а потому, что всякий, желая продаться, не допустит, чтобы кто-нибудь другой получил власть предать его

LXX

Письмо г-ну Д...

[Январь 1791].

Некто Д... прислал Марату письмо, напечатанное последним в „Друге Народа“, с жалобой на одного судебного деятеля, Буавена, который совмещал несколько должностей и в заседании Национального Собрания открыто обвинялся в крупной растрате. В этом же письме содержался резкий отзыв Буавена о цеховых присяжных старшинах его округа, которых корреспондент назвал „лакеями черных и министерской партий“. Ответ Марата:

„Любезный мой корреспондент, пусть сограждане ваши приобретут некоторую долю вашей рассудительности, и я обещаю вам, что все пойдет наилучшим в мире образом. А пока поместите имя Буавена на черную доску и пришлите мне удостоверение о жизни и поведении ваших цеховых присяжных старшин.“

LXXI

Письмо гражданину Беррююе

[Февраль 1791 г.].

„Бывший заведующий конюшнями при дворах четырех принцев“ Беррююе послал Марату письмо с подробностями, полученными от брата из Дьеппа, о пропешедших там волнениях, во время которых народ овладел замком и крепостью, и местная гражданская гвардия проявила много гражданского чувства. Корреспондент сообщает также Марату об успехе, каким пользуется в Дьеппе „Друг Народа“, читаемый во всех кордегардиях. На это Марат отвечает след. письмом:

Дорогой мой соотечественник! Я начну с замечания, что совершенно невозможно, чтобы дьеппская гражданская гвардия считала себя задетой тем разоблачением, на которое вы жалуетесь, потому что там сказано «В настоящую минуту только-что отдан приказ десяти человекам с каждой роты гражданской гвардии и со всем человеком расквартированного здесь полка держаться наготове выступлению по первому сигналу». Допуская даже, что они откомандировываются для поддержания экспедиции врагов отечества все-таки можно возводить обвинения лишь на главарей муниципалитета и на коменданта крепости. Я никогда не сомневался в патриотизме дьеппской гражданской гвардии: благородные отвага, обнаруженные ими в их экспедиции, больше всяких разговоров в мире показывают, насколько они достойны удивления. Та найдут они себе подражателей во всех национальных гвардиях королевства! Сверх того, если они ознаменовали себя таким образом, чтобы оттолкнуть от себя обвинение, я был бы восхищен тем, что дал им предлог к этому. Ныне от всего сердца благодарю вас за приятную новость, которую вы мне сообщили. Заговорщики двора и монархического клуба держат ее в тайне. Господь знает, как она огорчает их; но она способна вызвать радость всех добрых французов, и я спешу обнаружить ее, призывая писателей-патриотов распространять ее.

Пересылая мою газету честным моим соотечественникам в Дьеппе, не забудьте сказать им, как я рукоплещу их горжеству. Посоветуйте им не возвращать ни пушек, ни ядер, ни одной крупицы пороха. Король и Национальное Собрание не имеют никакого права мешать им собственноручно вооружаться на свою личную защиту, когда слуги короля издеваются над ними, отказываются выдать им оружие. Особенно посоветуйте им снабдить всех граждан, способных двигаться, по крайней мере соиной палаткой на трон каждого, и если после этого распределения у них еще останется порох и пули, поделиться ими со своими братьями в соседних городах и деревнях. Наконец посоветуйте им хранить это снаряжение на тот случай, если их когда-нибудь призвуют использовать все это против врагов отечества. Простите, пожалуйста, что я, растроганный доверием, которое они питают ко мне, передам им через ваше посредство почтительный ком-

плект 1) «Друга Народа», который будет принадлежать дьеппской гражданской гвардии, при чем офицерам чтение его будет разрешаться лишь постольку, поскольку они окажутся патриотами, ибо нужно постоянно остерегаться начальников, чтобы никогда не быть одуроченным врагами свободы. Все друзья истины должны искать ее именно в этих сочинениях, ибо автор их никогда не скрывает истины и всегда так хорошо находил ее, что задолго предсказал большинство событий.

LXXII

Письмо Лафайету

[Апрель 1791].

Бить поверженного врага — подло, уничтожать его, когда он сложил оружие, — жестоко; но прикончить изменника, который пришел, чтобы быть поднятым — и убить затем своих благодетелей — дело похвальное.

Враг столь же благородный сколь сердечный 2), я готов был бы предоставить вас ныне вашему унижению, вашему ничтожеству, вашим сожалениям и угрызениям, если бы я мог верить, что вы по совести ушли в отставку, и если бы вы действительно сохранили только полномочие депутата. Но можно ли поверить слову придворного до мозга костей, не опасаясь какого-нибудь нового вероломства?

Я уже сказал и опять повторяю: вы подали в отставку за себя и за свой штаб, который вас вовсе не касался 3), исключи-

1) Было бы целесообразно переписать его томами по 50 номеров, распределив эти томы по отдельным карточкам так, чтобы каждым томом последовательно попадал в каждую из них. (Примеч. *Марата*.)

2) У вас есть письмо от меня, в котором шестнадцать месяцев тому назад я призывал вас к честному служению родине и заявлял вам, что я всегда буду бдительным вашим стражем: вы должны быть довольны мною, я сдержал свое слово. (Примеч. *Марата*.)

3) Этим вы убиваете двух зайцев: во-первых, вы показали, что вы должны хозяин над штабом, а во-вторых, вам хотелось поставить в затруднительное положение военные силы столицы и наемные войска, руководство которыми находится в руках всего же штаба. (Примеч. *Марата*.)

гельно для того, чтобы все конные ваши приспешники и пособники из подонков пригородного и портового населения принялись восхвалять вас, чтобы муниципальные прислужники ваши выразили вам льстивые свои чувства, чтобы около вас объединились наши батальоны, более чем когда-либо привязанные, послушные и преданные вашим приказаниям. Затем, подсчитав беспокойным лом состав их депутации, обидевшись, что их так мало и сделав из нужды добродетель, вы торжественно объявили, что настаиваете на своем решении; затем вы с большой помпой отправляеесь в Городскую Думу, чтобы произнести там хвастливую речь, вы лицемерно разыгрываете там роль бескорыстного патриота и ловким маневром возвращаете себе доверие парижской армии, объявляя, что *если общественное мнение не на вашей стороне то добрый порядок* (вы могли прибавить — общественное благо) *требует вашей отставки*. Наконец вы обеспечиваете себе средства влиять на войска, *возвращаясь в их ряды в качестве простого гренадера*, дожидаясь, пока представится случай поднять ни войска и заставить их провозгласить вас диктатором.

К чему все эти приготовления, затажки, проски, кривляния, лицемерие, плутовство, коварство, как не к тому, чтобы дать время вашим приспешникам снова покорить батальоны под ваши ноги? К чему эта гренадерская шапка вам, депутату, которого обязанности призывают в залу Собранин, как не к тому, чтобы вызвать восторг и удовольствие новых ваших товарищей, довести их до крайнего опьянения, получить предлог для обработки войск, дожидаться случая провозгласить себя диктатором? Змея вы извивающаяся! В уничтожении вашем я считаю вас более опасным чем когда-либо; и не без ужаса смотрю я на то, как вы делаете последние усилия к тому, чтобы грубо злоупотребить злосчастным характером невежественной и легкомысленной нации, которая пристращается ко всему, которая никогда не умеет остановиться, которая награждает апофеозом ловких злодеев, ее обманувших, и которая вечно надевает на себя цепи тут же, после того как она только что в бешенстве сорвала их с себя. Уйти вы безвозвратно со всем своим недостойным штабом, я предложил бы спасенным гражданам отслужить молебен по случаю благополучного их освобождения: и я не осмелился бы дольше задерживать внимание публики вашими подлыми покушениями. А пока позволяте

мне закончить это исчерпывающее, разоблачение вашей особы, и знайте, что у меня еще хватит чернил в пузырьке.

LXXIII

Письмо Камиллу Демулену

[Май 1791].

У этого появившегося и в печати письма такое предисловие Марата „Я, к сожалению, вынужден поднять против собрата по оружию вздорные, пустяшные обвинения, могущие повредить делу свободы, которую я защищаю, защищаю и всегда буду защищать“

Жан-Поль Марат Камиллу Демулену.

Как это случилось, что любовь к отечеству ныне влагает мне в руки перо против вас?

В № 73 своей газеты вы объявляете, что «бесстрашный Марат под влиянием прекращения обвинения, направленного против Рютто, под влиянием чрезвычайных почестей, оказываемых праху Мирабо, впадает в уныние и хлопочет о паспорте, чтобы совершать апостольское служение свободе среди друной, менее развращенной нации¹⁾. Проведя по подземельям столь тревожную, столь

¹⁾ К слову сказать, в котором Марат не рассмогнет или не хотел рассмотреть явной описки (у Демулена стоит apostat — отступник, вместо apostolat — апостольское служение), друг народа делает следующее примечание „Фраза эта представляет по меньшей мере двойную тавтологию. Что это значит совершать отступничество [Марату пришлось вместо apostat, подставить apostasie] у менее развращенного народа? Разве отступничество искусство профессии, наука, ремесло? И плевать ли менее развращенная, чем Франция, страна для иудовольственного его осуществления? Произведения Камилла страдают отствием взи ядов, теплоты, лезвия, они так мало отделаны, несмотря на имеющийся в его распоряжении досуг, что на взгляд знатоков они являются не более, как собранием анекдотов, ворохом *непереваривших новостей из кафе*. Вероятно в данном случае автор хотел сказать: „Вынужденный отказаться от мысли сделать свободной нацию, слишком испорченную, чтобы отстаивать свои права, Марат решается, наконец, отправиться сам искать свободу у народа менее развращенного“

трудолюбивую жизнь, он уходит, прибавляете вы, немущим и бедным, что является лучшим ответом его врагам». О моем уходе вы заключили, несомненно, из того, что в конце № 339 я восклицаю: «О парижане! Вы так слепы, невежественны, глупы, самонадеянны, так трусливы и плоски, что было бы безумием стараться оттащить вас от пропасти, было бы безумием стараться открыть вам глаза; душа моя, истощенная бесплодными усилиями, полна отвращения». Однако, если бы вы потрудились списать слова, непосредственно следующие за этими, вы увидели бы, что я и не думаю уходить, ибо я говорю парижанам: «Я давно предоставил бы вас несчастному вашему жребия, если бы меня не удерживала надежда, что я найду некоторую доблесть в провинции, да страм принести в жертву потомство».

Вы идете дальше, Камилл; вы хотите казаться соучастником тайне, вы говорите, что я хлопочу о паспорте¹⁾, и вы не сознаете того, что раз за мою голову обещана награда австрийским кабинетом, главнокомандующим и другими вождями контр-революционеров, подобное легкомыслие с вашей стороны могло бы способствовать тому, что я попал бы в их руки и сделался печальной жертвой их бешеной злобы. Вы можете представить себе участь, которую они мне готовят. Если они захватят меня тайно, то посадят в горящую печь, а если возьмут открыто, то их приспешники изрубят меня, как котлету.

Тот оборот, какой вы придаете вашему заявлению, быть может продиктован вовсе не зложелательством²⁾, от этого оно не становится ни менее несправедливым, ни менее жестоким.

1) Может быть до Камилла дошли иные из замечаний, довольно часто срывающихся у меня в порыве негодования, когда я вижу робкую поведку парижан и недостаток у них энергии против их угнетателей.

(Прим. *Марата*.)

2) Я плещу некоторое основание думать так, судя по тому, что мной случилось. Озадаченный тем, что в момент тревожного кризиса Камилл теряет время, угощая публику подробными оглавлениями вместо того, чтобы заниматься прославлением и превознесением Марбо и поднятием народного мужества; изумленный тем, что он молчит насчет бессовестных козней главнокомандующего, направленный на то, чтобы развратить бастильских победителей, вместо того, чтобы помочь мне в подрывном ударе, искусно мною задуманном,—я позволил себе сказать ему в № 339 несколько маленьких братских упрёков

Вы заставляете меня «поддаться унынию и просить паспорта, чтобы выполнять апостольское служение свободы среди нации, менее испорченной». Но уйти с поля сражения, когда армия сложила оружие, и покинуть отечество, когда более нет надежды, это не значит быть трусом, дезертиром или отступником: это значит уступить разуму, подчиниться повелительным законам необходимости!

И потом, неужели вам следовало выставить отступником именно Друга Народа, единственного из писателей-патриотов, который ни на одну минуту не изменял своих принципов, своих взглядов, своего образа действий и поведения? Того, чье мужество никогда не колебалось во времена кризиса и чья энергия увеличивалась с ростом опасности; того, кто двадцать восемь месяцев жертвовал отечеству своим здоровьем, спокойствием, свободой; того, кто для его спасения похоронил себя заживо и кто вот уже целый год защищает права народа, когда собственная его голова лежит на плахе.

за это позорное небрежение. Вы думаете, великий Камилл постарается исправить свои ошибки? Нисколько: он целиком отдается мелочному своему чувству досады и в конце одного из своих номеров (от февраля 1791 года) помещает заметку, где сближает меня с подкупным писакой Горзасом, чье мужество он превозносит за то, что тот свободно разгуливает по улицам; а чтобы сильнее обезценить мою преданность общественному делу, он объясняет трусостью мое скитанье по подземельям, вызванное на самом деле желанием ускользнуть от наемных убийц и сохранить свою жизнь для отечества. Камилл, я не стану напоминать вам тех бурных обстоятельств, когда я, под угрозой тюрьмы, заставил членов муниципалитета созвать общее собрание и, не боясь штыков, их окружавших, отправился один и без всяких полномочий выполнять среди них обязанности общественного критика, выгнав нескольких наиболее наглых мошенников, бесчестивших их корпорацию, обвинив остальных в подлости их постановлений, жестокости их посягновений, и заставил их с унижением привязать из моих рук удостоверение в добропорядочности. Я не стану напоминать вам тех бурных обстоятельств, когда связанный двумя постановлениями об аресте, я один отправился штурмовать их в городскую думу и в мэрию, где я отделил Бальи, окруженного своими лакеями и телохранителями, как самого бессовестного изменника, назначил ему срок до следующего полудня, когда он должен был вернуть мне захваченный в мое отсутствие печатный станок, и вынудил его распорядиться даже до истечения этого срока,—так сильно было его жела-

Молодой человек, знайте, что после истины и справедливости свобода всегда была излюбленной моей богиней, что я всегда приносил жертвы на ее алтаре. даже при господстве деспотизма, и что я был глашатаем и мучеником ее раньше еще, чем вам знакомо было ее имя. Откройте труд, изданный мною в 1774 году в Лондоне под заглавием «Цепи рабства»; пробежите предисловие вы увидите, что шестнадцать лет тому назад я играл в Англии роль какую выполняю во Франции со времени революции. Вы там увидите, что, воспользовавшись перевыборами в парламент для призыва англичан, приобрести уважение к себе выбором своих депутатов и исправить коренные недостатки своего правительства подвергнутые мною глубокому изучению, — я не побоялся напасть на прерогативы короны, честолюбивые виды монарха, пренебрежения министерства, растление большинства обеих палат, продавшийся двору, и отдать себя, ради народного блага, в жертву их ненависти и преследования. Когда-нибудь вы узнаете последствия этого смелого предприятия: ныне прошу удовлетвориться сознанием, что человечность, справедливость и свобода всегда будут иметь во мне глашатая и мученика, в какой бы стране я не находился.

чле отделаться от меня. Я не стану напомирать вам тех образцов обстоятельств, когда я, подвергаясь бешеному преследованию со стороны Уголовного Суда направившего мой процесс, предпринял инспекцию самого этого Суда пропавшего на него в одно прекр. но утро нападения с шестью тысячами патриотов и вырвал из его когти Рюи полка наперекор золоту министра финансов. Я не буду напоминать вам тех бурных времен, когда в течение трех недель в рядном мое почти каждую ночь подвергался нападениям целой толпы интеллигентней в военной форме и национальных сопров. шоклявшихся взяти меня живым или мертвым, а я, спокойно сидя у себя же в кабинете, выходил по вечерам, когда печаталась моя газета, приводившая отголоски мошенничков и возвращался на другой день на заре. Вы знаете это не хуже меня, но вы гордитесь лучше меня, зная, что во время моего пленения, после знаменитой 22 декабря, 22 января, массового ареста патриотов, произошло; что на третий день по возвращении моем из Лондона в тюрьму не менялись вновь заперто, что и при этом смелости, что не кончили дней востановления открытую войну против всех заведомых врагов свободы, и просто так показываться на подлинно, а все это находилось под арестом, а так призываю вас, прежде всего

Раз я уже коснулся этой темы, приходится дать вам еще несколько пояснений

Заявление о мнимом моем отступничестве вы сопровождаете следующим отзывом. «Несмотря на ложь которою сплошь и рядом переполнена газета Марата, потому что иные корреспонденты из всех сил старались присылать ему явным образом лживые заметки, с целью уронить в общественном мнении те истины, которые провозглашал только он один, полезный даже своими ошибками». Для осведомительной газеты, как ваша, Камилл, подобное обвинение, разумеется, было бы очень серьезно, но для моей, чисто политической, оно сводится на нет. Почему вы знаете, может быть то, что вы принимаете за ложные новости, является текстом, который был мне необходим, чтобы отклонить какой-нибудь злоеущий удар и достигнуть своей цели. Вам ли, не имеющему никаких взглядов, притязать на то, чтобы свести меня к ограниченному вашему пониманию? Для суждения о людях вам всегда нужны положительные факты, вполне ясные, вполне точные; с меня часто достаточно одного их бездействия или молчания, при значительных обстоятельствах. Чтобы поверить в заговор, вы нуждаетесь в юридических доказательствах; с меня достаточно общего хода дел,

распространением моего разоблачением главного мавдующего, расклевывания № 32 по моему адресу титулы „божественного“, „поклонных дел мастера среди журналистов“, всегда первого и опасных схватках“ что озадаченный моим отношением к Национальному Собранию, пред которым вы склонитесь после декрета об оскорблении папши, который был лишь стелка задел и пешком шаг на мою голову, вы в духе называете меня в Л. 37 погибшим детисцем журналистов-патриотов и объявляете себя недостойным моим соперником, что задетия принятым мною решением ради спасения родины вести подпольную жизнь, не бояться никаких наказаний, и опасаясь возможных соопоставлений, вы ставите вопрос, имеет ли писатель-патриот, не заключенный под стражу право на самоотречение и потребление себя заживо, как это делает Марат? И вы же, брат мой по оружию, вы, притязая на звание римлянина, вы собираетесь сорвать тавры, которыми вы меня весть и объявляете дружеством такой образ жизни самую идею которого вы не в силах даже были поддерживать. О Камилл! Я знаю вас человеком неуравновешенным, легковерным, поверхностным, но можно ли себе представить, чтобы пустячное замечание за тавры вы откинулись от великой овесты?

(Прим. Марата)

сношения врагов свободы. хлопотливой суеты известных агентов власти. Обстоятельства постоянно принуждали вас менять свое мнение, отдавать справедливость правильности моих суждений, называть мою предусмотрительность *пророчеством*, — и неужели же вы все таки никогда не научитесь воздерживаться от необдуманных суждений, раз что вы не усматриваете правильности моих указаний? Неужели сохранение о неоднократно допущенных вами промахах и опасение за новые промахи не сделает вас более сдержанным? Неужели вы так и впредь будете нагромождать противоречия на противоречия, потом отрекаться, а минуту спустя снова впадать в то же заблуждение? Я уж не буду напоминать здесь это вечное колебание от похвалы к порицанию и от порицания к похвале, в котором вы так долго держали своих читателей по поводу де-Мотье. Я не буду напоминать тех оскорблений и восхвалений, которыми вы попеременно осыпали св. Рикетти. беспрестанно перебрасывая своих читателей от одной крайности в другую. Но из того множества противоречий, нагроможденных вами на мой счет. позвольте напомнить вам один случай, которого вы не должны были бы забыть.

«Чего только не пускали в ход (говорите вы в № 31 своей газеты), чтобы задержать г. Марата? Да и ныне еще, чтобы открыть его убежище, пытались подкупить разносчиков его газеты.. Изобретали даже поддельных Маратов, чтобы опозорить настоящего... Его врагам как будто мало держать его в настоящей тюрьме, мешая ему показываться на люди и наслаждаться солнечным светом: и ныне еще всеми силами добиваются того, чтобы засадить в Шатле мужественного Марата, этого писателя, на наше несчастье слишком правдивого писателя, которому я, подобно всей публике, верил так же мало, как и пророчице Кассандре, — в чем не могу не упрекнуть себя».

Я возвращаюсь к тому пункту вашего заявления, которым вызвано было это письмо. «Как бы то ни было, о *грозный Марат*, — заключаете вы, — патриоты заклинают тебя продолжать пользоваться свободой печати до той поры. пока Шапелье. Деменье и Малуэ добьются запретительного декрета. о котором эта почтенная троица так давно вздыхает». Благоразумный читатель, ты, чего доброго, подумаешь, что эта тирада продиктована гражданским сознанием, что она прочувствована. что она даже

не лишена некоторого смысла? Образумься, это не более как набор слов для проявления той вздорной учености, которую так любит щегольнуть автор; послушай, как он сам истолкует все это: «Я хорошо сознаю, что с этой свободой печати дело без малого обстоит у нас почти так же, как с трибуналом истории в Китае. Не видать, чтобы этот прославленный трибунал, который день за день записывает малейшие ошибки, как преступления деспота, хоть когда-нибудь смягчал деспотизм у китайцев. Судя по множеству разоблачений, направленных против Мотье, Балли, Монморена де-Лессара, Деменье, против Дестерази, Булье, Ливароля, Гувэрне. Гельба, — *отлично понимаешь, что Марат в Париже полезнее несколько не больше, чем президент суда истории в Пекине*... Если это так, зачем же вменять мне в такое преступление мое намерение, вернее сказать, простое предположение моего намерения покинуть отечество? На что ему мое перо?

И к чему, под опасением постоянного поношения моего имени, заставлять меня попусту сотрясать воздух, раз от этого нет никакого толку? Наконец, эти громкие слова — *грозный Марат* — разве они не являются насмешкой, горькой и вместе с тем неприличной?.. И это еще не все. «Но так как китайские летописи, продолжает автор, приводят множество примеров повешения членов этого трибунала истории за то, что они записывали анекдоты из жизни пекинского двора... то для чести Франции было бы необходимо. чтобы можно было назвать в ней двух-трех журналистов, которые не страшась тиранов, заносят на страницы своих газет небесплезные истины...» Бедный мой Камилл, мания быть остроумным изводит вас настолько, что вы из желания казаться колким не боитесь показаться сумасшедшим. и что вы предпочитаете быть паяцом свободы, вместо того, чтобы быть ее апостолом. Сверх того, во всей Франции вы, пожалуй, единственный человек, воображающий, что назначением свободы печати является исправление чиновников. превращение опор деспотизма в патриотов, — лакеев двора в друзей свободы. — членов комиссий Национального Собрания в неподкупных людей, — судейских, продажных говорунов, алтынников, насквозь прогнивших агентов старого порядка в порядочных людей. Но кто же не знает, что назначение этой свободы — разъяснять гражданам их права, внушать им желание пользоваться ими, мужество отстаивать их, отвагу мстить за них; на-

значение ее—помочь им узнать злоупотребления их уполномоченных и дать им почувствовать необходимость их наказания; назначение ее—научить их повиноваться только справедливым и мудрым законам, сопротивляться законам несправедливым. выступать против законов тиранических; назначение ее—научить войска разбираться в злокозвенных намерениях своих вождей, не слушаться произвольных их приказаний, слагать оружие, когда им приказывают избивать граждан, и смеяться над угрозами командиров; назначение ее—сокрушать все опоры деспотизма, пока власть не будет основана на справедливости, спасать печальные жертвы всякого притеснения, пока не будет достигнуто торжество свободы,—вот для каких целей я по сей день пользовался свободой печати, и я смею верить, что не даром потерял время. Мало произошло крупных событий со времени взятия Бастилии, которых бы я не подготовил, а сколько из них вызвано было исключительно мной? Я не стану делать их перечня из опасения быть обвиненным в самохвальстве; но если бы я сделал лишь одно доброе дело, именно заставил открыть казематы 1) Консьержерии где одиннадцать несчастных содержались за сожжение застав; если бы мне только удалось возбудить то святое брожение, которое заставило наших законодателей объявить участников сожжения застав столь же безупречными, как и участников взятия Бастилии; если бы я только сумел добиться отмены 860 уже состоявшихся приказов о задержании и вырвать из рук смерти те сто тысяч патриотов, которых деспотизм готов был под этим предлогом заклать руками палача,—разве это уже не достаточно блестящие трофеи чтобы благословлять свободу печати? Мы еще не свободны, я согласен с этим, и мы не можем надеяться на очень скорое освобождение, потому что нация, сбрасывающей ярмо, долго приходится бороться с пособниками старого режима, если она не приняла сразу мудрого решения истребить наиболее виновных из них, а остальных обуздать террором. А с нашим-то мягким поведением, где бы мы были без свободы печати? Без этих отдельных вышешек, которые вызывают ледяной ужас в трусливых наших врагах

1) Устроив нападение на дом председателя податной палаты помощью роты куртыльских гренадер, добивавшихся освобождения одного из своих товарищей, находившихся в числе заключенных.

какие кровавые законы были бы изданы вслед за образованием национальной гвардии, как только командующий ею вероломный придворный достаточно подчинил бы ее себе? Какое было бы избиение добрых граждан по малейшему слову этого контр-революционного генерала, не будь учения об открытом сопротивлении произвольным и тираническим приказаниям! Вместо столь нового среди нас зрелища армии, не откликающейся на голос своих вождей, являющейся столь резким упреком их варварству, их жестокости, их подлости, вы видели бы легионы озверелых убийц, беспощадно уничтожающих своих братьев, и позлащенную колесницу деспота, топчущую груды мертвых и умирающих в угоду пустой прихоти. Вместо этих новых батальонных собраний и торжественных отказов от безрассудной присяги, вы видели бы легионы обманутых граждан, подкупленных телохранителей, разбойников-заговорщиков, возобновляющих у нас кровавые сцены Варфоломеевской ночи, и кровь погубленных жертв еще поныне дымилась бы на наших площадях. Прекратите же, неразумный вы человек, ваши нападки на свободу печати, преимуществ которой вы не сознаете; если вы еще дышите, то этим благодеянием вы обязаны ей.

Ради всего святого, Камилл, примиритесь с мыслью, что вы не можете служить отечеству, и не стремитесь разрушать то добро, которое я тщусь делать ему! Довольно уже вечных козней и черных посягательств его врагов, довольно ослепления и трусости его друзей, чтобы мне еще приходилось бороться с помехами со стороны мнимых его защитников.

Марат, друг народа.

LXXIV

Письмо Камиллу Демулену

[Мая 1791 г.]

Не в упрек буде сказано вашему веселому нраву, но, Камилл, вы не всегда умеете сердиться, сохраняя изящество и достоинство.

Я был озадачен тем, как мало задевают вас грозящие отечеству опасности: в такое критическое время вы дали своим читате-

лям несколько номеров, наполненных подробными оглавлениями либо тешили их своими мелкими счетами с Малуэ, Деменье, Ноде Дезессаром; вместе с тем я не так уж дорожил вашей честью чтобы помогать вашим врагам раздувать пустяковое дело, вас касающееся, и вот я попытался вернуть вас к серьезным темам. Эта небольшая вольность привела к маленькой заметке, которая заканчивается один из февральских ваших номеров. Огорченным тем, что вы невольно роняете мою газету и таким образом легкомысленно вредите общественному делу, я направил по вашему адресу несколько легких упреков. Дружеские мои представления вы оттолкнули, обозвав их оскорблениями и приписав их удушливой атмосфере моего подземелья. Я мог бы спросить вас, уж не поступили ли вы так в оправдание поговорки, что *правда клеветя* — позвольте вам заметить, что раздражение ваше против меня, когда я раздражаюсь так мало, является злоупотреблением с вашей стороны своими преимуществами: ведь вы от природы человек веселый, остроумный, приветливый, вы дышите таким чистым воздухом, в вашем распоряжении запасы прекрасного вина, вы окружены такой прелестной обстановкой.

Вы выражаете сомнение насчет слова *apostat*, которое не понравилось мне в вашем журнале, и утверждаете, что в остающихся у вас экземплярах стоит *apostolat* ¹⁾. Позвольте мне, Камилл, не уступить вам в скептицизме; и так как очевидно, что один из нас плохо разбирается по складам, то пошлите один из своих экземпляров во Французскую Академию, я пошлю свой, — и сорок бессмертных вынесут приговор.

Несправедливость свою вы проявили не тем, что выразились будто из всех журналистов я лучше всего служил революции, а тем, что унизили мою преданность общественному делу.

Напрасно вы думаете, Камилл, что вы единственный писатель, осмелившийся хвалить меня. Если бы я вел счет восхвалениям, я мог бы возразить вам: а Бриссо, а Фрерон, а Одуэн, а Робер, а Леметр, чьи стихи так вы ловко урезывали... Я мог бы назвать вам также не одного журналиста из числа тех, кто долго меня поно-

¹⁾ См. письмо LXXIII, где Марат, пользуясь явной опечаткой, впрочем, вполне очевидной, и играя словами *apostat* — оступник, *apostolat* — апостольство, обвиняет Деменю в безграмотности и пустословии. (Прим. Ред.)

ил, а потом, устыдившись, воздал мне, в конце концов, по заслугам. Неужели же с тех пор, как вы стали большой особой, Камилл, вы во всем мире только себя и признаете? Не смешно ли это? Как бы ни было, похвалы ваши по моему адресу никоим образом не могут равняться с теми, какие получили вы от меня, и они должны были стоять вам тем меньших усилий, что, повидимому, были вполне искренни. Возьмите отдельные номера вашей газеты, и вы увидите, что похвалы эти продиктованы явным неравнодушием, чтобы не сказать больше.

Вы призываете меня *клеветать поменьше, даже против должностных лиц*. Мне казалось, что я не сделал себе профессии из этого; но раз вы мне делаете подобный упрек, то сами-то вы уж никак не заслуживаете извинения, в свою очередь, повторяя — только неделей позднее — почти все мои клеветы. Где же ваша деликатность, ваша способность суждения? Ну, что ж, вы разрешаете мне говорить о вас все дурное, что только мне угодно; вы очень сговорчивы. Вы так-таки и думаете, Камилл, что все, что ни скажи про вас, окажется злословием, и что вы совершенно неуязвимы? Не стал бы я обращаться с вами так по рыцарски.

Как вы жестоки, Камилл! Чтобы заставить меня сильнее почувствовать мои годы, вы напоминаете мне, что Вольтер издевался надо мной уже 24 года назад. Действительно, я припоминаю, что в 1776 году, фернейский маркиз, задетый тем, что я поставил его на свое место в сочинении моем «О человеке», сделал попытку позабавить публику на мой счет. А почему бы и нет? Он позволил себе тоже самое по отношению к Монтескье и к Руссо.

Может быть я ошибаюсь, но мне кажется, что нас задевают не столько обиды и прония, сколько сознание того, что они вполне заслужены. Судите после этого, как легко примирится я с пасквилями Вольтера, видя, что ему стыдно было в них признаться и что он вынужден был изуродовать мою книгу, чтобы позабавить дураков. Да и не знаю, оказались ли бы насмешки на его стороне, если бы верный ученик его Лагарп не отказался напечатать мой ответ рядом с полемической статьей Вольтера. Во всяком случае, Камилл, хоть у меня и больше вашего причин мрачно смотреть на все, я добрее вас: вы напоминаете мне, что Вольтер один раз посмеялся надо мной, ну а я не стану напоминать вам, сколько раз вас ошкарки в Якобинском клубе.

Но каково великодушие! Пока я буду нести всякий вздор духе революции, вы будете продолжать похваливать меня: и доказательство вашего благорасположения, вы выразились, что «мы должны, по примеру горда С-Мало, защищать свободу не только людьми, но и псами». Хотя намек и не из очень деликатных вы и не думали, Камилл, что делаете мне в сущности комплимент и при том комплимент, которого я вполне достоин; ибо псы — символ бдительности и верности. Если в избытке учтивости вы готовы приписать им лишь свирепые наклонности, то вы могли бы по тому, что происходит с вами, признать, что они животные кусают лишь врагов отечества, щадя остальных граждан, хотя бы последние и обращались с ними гнусно; это доказывает, что вы не так кусливы и более великодушны, чем большинство популярных писателей, патриотов-компиляторов и даже мнящих себя римлянами рассказчиков всякого вздора.

Чего же выходить из себя. Камилл? По тому тону, который соблюдаю в отношении к вам, вы должны чувствовать, что я хожу только мира. Это дело невозможное, говоря мне некоторые люди, считающиеся хорошо осведомленными; они уверяют, что вы в то время, когда не простите мне упрека по адресу св. Мирабо, этого моего которого я упрекнул в том, что он по прошествии трех месяцев сплавлял своих любовниц, снабжая их приданым в сто тысяч фунтов. Что может быть оскорбительного для вас в этом обвинении, к несчастью, слишком обоснованном? Для меня это загадка: не разгадаете ли вы ее мне?

LXXV

Письмо гражданину Миллану

[Май 1791 г.]

Группа подмастерьев-сапожников, желая справить заупокойную службу по Мирабо, собрала на складчину 900 фунтов. Но муниципалитет ставит всякие препятствия такой торжественной и слишком заметной манифестации. Один из участников дела, Миллан, выражает в письме к Марагу опасение, как бы муниципалитет не устроил ловушку, заставляя их собраться нелегально, с тем, чтобы придать

этому случаю и объявить военное положение. Миллан спрашивает Марага совета, куда бы употребить собранную сумму, раз что лучше отказаться от всякой манифестации. Друг народа дает ответ в письме.

Опасения ваши, друзья мои, не обоснованы; муниципалитет не имеет ни права, ни особого интереса рассматривать вас, как мятежников, потому только, что вы собрались бы справить службу по Мирабо. Я могу ответить вам, что решение ваше может только понравиться муниципалитету, и если он воспротивился тому, чтобы у вас была музыка и барабаны, то лишь с целью заставить пропеть себя и иметь возможность прибавить некоторые свои условия к разрешению, в котором нет никакого основания отказывать вам. Я готов биться об заклад — ставлю сто против одного, — что он отрядил к вам нескольких агентов внушить вам, что если вы будете кричать «да здравствуют Бальи и Мутье!» то просьба ваша будет удовлетворена.

Впрочем, мне хочется говорить вовсе не об этом. Я с великим прискорбием вижу, что вы собираетесь увеличить собою число ослепленных поклонников человека, который свои дарования использовал только на то, чтобы морочить публику, чтобы продавать себя министрам, чтобы сдать королю права граждан и народа, чтобы изменить нации.

Этому изменнику, друзья мои, обязаны мы всеми дурными секретными Национального Собрания; ему обязаны вы тем, что вас в государстве ставят ни во что; он устроил так, что вас лишили прав активных граждан, он вызвал издание закона о военном положении, чтобы сдерживать страхом вас и всех других обездоленных, чтобы избивать вас всякий раз, как только вы соберетесь с целью добиться справедливости или помешать своему утешению.

Дай бог, чтобы вы опомнились: вы проклянете его память, вместо того, чтобы воздавать ему малейшие почести. Если собранные вами деньги оторваны не из последних ваших средств, найдите им более достойное назначение. Заслужите уважение всей нации, пожертвовав эти деньги на освобождение некоторого числа бедных отцов семейства, содержащихся в тюрьме за неплату месячного взноса на прокормление их детей.

От обездоленных, от вас, друзья мои, пусть научатся боги и должностные лица и народные представители тому, куда им следовало бы затрачивать те суммы, которые они промотали на глупые церемонии, на ребяческие забавы.

LXXVI

Письмо гражданину Ральяру

[Май 1791 г.]

Узнав про завязавшуюся у сапожников переписку с Маратом муниципалитет сразу разрешил всю затеянную в честь Мирабо церемонию, которая и состоялась. Одна группа предполагаемых участников, однако, уклонилась от церемонии. О чем гражд. Ральяр и сообщил Марату, ответившему следующим письмом

Сотражданин! Если бы собратья ваши обладали вашим здравым смыслом, они не обесчестили бы себя в сознании истинных патриотов участием в отдаче гражданских почестей изменнику отечества.

Если они имели в виду справить только церковную службу за упокой его души, я готов приветствовать их милосердие, никогда еще не было грешника, который больше нуждался бы в очищении от грехов, чем Рикетти ¹⁾.

LXXVII

Письмо Рене Жирандену

[Июнь 1791 г.]

В № 494 своей газеты Марат обвинил некоего Дюклозо в том, что он вместе с Жиранденом обобрали вдову Руссо, издав в свою пользу посмертные сочинения философа. Жиранден резко протестовал против подобного обвинения, заявив, что он, как друг Руссо и исполнитель его воли, собрал, с великими усилиями и издержками, разбросанные по Европе его произведения, издав их и тем увеличил ее денежные доходы вдовы. Жиранден подписался членом клуба Кордепов и Якобинцев. Марат ответил след. письмом.

¹⁾ Мирабо (Прим. Р. Д.).

Письмо Друга Народа г-ну Рене Жирандену

Дорогой мой соотечественник. Я очень огорчен тем, что друг Руссо, Рене Жиранден, принял на свой счет мою статью в № 494, против которой он возражает. Если бы я не знал его со столь же выгодной стороны по его писаниям, в которых всегда сказывается справедливый и образованный человек, простосердечный и мягкий филантроп, надежный и дальновидный патриот, то уже одной его близости к мудрецу, чьи добродетели я уважаю не меньше, чем таланты, было бы достаточно для полной моей уверенности в том, что это обвинение не могло относиться к нему. Только его отношения к г-ну Дюклозо отцу, которого я совершенно не знаю, могли заставить его подумать, что разоблачитель имел в виду его, а меня же могло обмануть единственно это сочетание двух честных людей с группой заведомых мошенников, разоблаченных в списке членов клуба Руль, которые работают над скупкой голосов к предстоящим выборам. Список этот, должно быть, направлен был ко мне личным врагом гг. Жирандена и Дюклозо: он подписал, а его возьму у издателя, вы узнаете обманщика, если только он не укрылся под чужим именем, и я обязуюсь примерно разделаться с ним, чтобы наказать его за злоупотребление доверием писателя, чье перо движется лишь любовью к человечеству, писателя, который обрек себя на жизнь в подземелье, чтобы работать для спасения народа, и который вследствие этого меньше кого бы то ни было в состоянии проверять правдивость разоблачений, направляемых к нему.

Как бы то ни было, милостивый государь, мне предстоит выполнить по отношению к вам священный долг, и я не откладывал бы его выполнения по сию пору, если бы внимание мое не было поглощено опасностями, угрожавшими общественному делу. И питаю омерзение к негодям и нежное чувство к хорошим людям. И насколько мне доставляет удовольствие разоблачать врагов свободы, настолько же меня огорчило бы, если бы я помрачил репутацию друзей отечества. Я не хочу здесь реабилитировать вас, мой дорогой согражданин, ибо у меня никогда не было и намерения нападать на вас; но я благодарен вам за то, что вы доставили мне случай, путем открытого заявления моего уваже-

вия. уничтожить то ошибочное приурочение, которое могли бы сделать мои читатели, введенные в заблуждение сходством имен.

По отношению к г. Дюклюзо, которого я с ваших слов тогда считал достойным уважения человеком, я открыто отрекаюсь от оскорбительной статьи, помещенной в моей газете, и прошу его принять в этом смысле все мои сожаления по поводу допущенной мною промаха, который должен остаться для него без малейших последствий после такого ясного моего отречения.

Разрешите, дорогой мой согражданин, Другу Народа воспользоваться представившимся случаем предложить вам вернуться к одному принципу, высказанному вами в статье «*О способах борьбы с недостатком звонкой монеты*».

Последствия этого принципа, будь он принят, оказались бы ужасными. В поверхностных читателях он мог бы вызвать известную иллюзию, но для человека с вашим образованием достаточно простого наблюдения, чтобы обнаружить всю его ложность. Речь идет о мелкой монете, которую вы называете *предметом первой необходимости*. Вы полагаете, что «можно немедленно изменить ее ценность, потому что она предназначается к обращению исключительно внутри государства: откуда вы заключаете, что чем она будет легче, тем меньше будет поводов для вывоза, и тем скорее обезопасит она нас в настоящую минуту от той губительной спекуляции, которая морит нас голодом». Вы рассмотрели лишь одну сторону медали; ибо с той самой минуты, когда номинальная стоимость этой мелкой монеты окажется значительно ниже ее действительной стоимости, иностранцы предприимут против вас разорительную спекуляцию на тысячу способов, скупят у вас ценнейшие ваши товары и даже золотую и серебряную наличность, сплавив вам взамен—вашим же предметом первой необходимости.

Таким образом, средство, предложенное к поднятию государства, послужит лишь к окончательному его разорению. При решении всякой проблемы, касающейся звонкой монеты, неизменно сбиваешься с правильного пути всякий раз, когда не пришьешь внимание осложнений с вывозом и осложнениям со ввозом, взаимных, друг от друга неотделимых. А так как звонкая монета одновременно сделалась настоящим товаром и вместе с тем общепринятым знаком имеющегося на лицо имущества, то стало неизбежным, что номинальная ее стоимость и стоимость ценной

тельная находятся между собой в постоянном соотношении. Как раз путем уменьшения действительной стоимости наших лудиров, при сохранении их номинальной стоимости позорной памяти Калона разорил иностранную торговлю Франции, и как раз вследствие сохранения за нашими эку действительной стоимости, превышающей стоимость номинальную, все почти наши эку перелиты были в слитки и отправлены по ту сторону нашей границы.

LXXVIII

Письмо Рене Жирандену

По поводу постановленного Национальным Собранием перенесения в Пантеон праха Руссо Марат писал в своей газете, что этого нельзя сделать без согласия г Жирандена, во владении которого находятся драгоценные останки автора „*Эмилы*“, не станет же собрание народных представителей нарушать собственности. Тут же Марат помещает следующее письмо Жирандену

Сентябрь 1791

Вам, Жиранден, поручил умирающий Руссо заботу о бранных своих останках. Отдавая их в ваши руки, он рассчитывал поставить их под священную защиту дружбы: неужели вы ныне допустите такую низость, чтобы они перенесены были из мирных гробищ Эрменонвилля в вертеп, посвященный самым прославленными изменникам отечества, самым гнусным развратителям нравов, самым скандальным писателям века? Что ж! Неужели прах апостола истины и свободы, карателя дурных нравов, защитника человечности, восстановителя священных народных прав будет покоиться среди заразных трупов поборников клеветы, защитников деспотизма, развратителей добродетели, грабителей бедноты, угнетателей народа?

Если бы голоса дружбы оказалось мало для того, чтобы удержать вас от преступной снисходительности то хоть бы голос долга и чести придал вам непоколебимости. Ведь вы уже знали коварство, вероломство законодателей, вы, столь раз стонавший от их темных деяний

Помещая прах Руссо рядом с прахом Мирабо, они стремятся лишь обморочить доверчивую толпу, под предлогом уважения благодетелей отечества; этим путем они рассчитывают прикрыть гнусность главных инициаторов пагубных своих декретов; они льстят себя надеждой, что обманутая публика, увидав наиболее выдающихся их плутов в сообществе людей добродетельных, примет их самих за хороших людей. Что же, примете вы участие в этом бессовестном заговоре? Бойтесь услышать жалобный стог тени Жан-Жака, упрекающей вас в нарушении доверия, в оказании злодеям помощи при обманывании народов: бойтесь услышать в глубине своего сердца отзвуки голоса уязвленной дружбы. Но нет, оно создано не для того, чтобы знать угрызения и никогда не нужно ему будет других уз, кроме уз чувства и добродетели.

LXXIX

Письмо Национальному Собранию

Сентябрь 1791 год.

Письмецо редактора отцам сенаторам.

Привет мой высокому Собранию.

Благодаря величественной конституции, которую вы, милостивый государь, дали Франции, теперь не имеет смысла быть хорошим человеком, и так как, защищая права народа, того и гляди упадешь на каторгу, а говоря печальные истины господам Канета только и бойся веревки, то Друг Народа честь имеет поставить вас в известность, что он собирается отказаться от безумного предприятия приносить себя в жертву общественному благу, чтоб заняться исключительно поправкой своего состояния, ибо он вел себя до сумы, занимаясь сим бессмысленным делом; его даже обирали у некоторых граждан ¹⁾, у которых он просил убежища

¹⁾ Если мне когда-либо придет в голову издавать записки о милом неводе, эти пикантные черточки не будут вам забыты.

(Прим. Марата).

Ему и советуют теперь посвятить себя профессии маклера по отправке товаров,—а посему он просит вас почтить его соответствующими заказами. Они непременно дойдут до меня, если посылать их по адресу гостиницы утраченной свободы.

LXXX

Письмо г... ¹⁾

Сентябрь 1791 г.

Марат уехал, было, из Парижа, но вскоре вернулся обратно. Незадолго до отъезда он поместил в своей газете „Письмо Друга Народа к г-же Ф.“. С этой дамой Марат встретился у гравера Маке, где жили много месяцев. Г-жа Ф. имела большие основания жаловаться на обращение Маке и просила совета у Марата. Второй раз пришлось ему вступить за обиженную в дни отъезда из Парижа, осенью 1791 года, когда напечатано было в „Друге Народа“ присланное Маратом из провинции письмо под заглавием: „Писателю, которому Друг Народа перед отъездом оставил два номера касательно преследователя г-жи Ф.“...

Познав прямоту вашей души, милостивый государь, я при отъезде доверил вам последние номера, которые я собираюсь выпустить в свет. Я надеюсь, что первый из тех, которые касаются угнетателя г-жи Ф., уже появился. Если ровно через четыре дня к вам не явится сама угнетаемая, которой я велел передать ваш адрес, и не сообщит вам, что она избавилась от всякой тирании, и что ее преследователь расквитался с ней, то потрудитесь переменить типографию и немедленно печатайте второй номер. Услыша свое имя произнесенным вслух, увидя, что поведение его разоблачено при свете дня, увидя, наконец, что вся строгость закона обрушивается на виноватого, этот гнусный укрыватель в свою очередь почувствует весь ужас, который он заставил испытывать особу мягкую и робкую, которую он, чего доброго, по сию пору держит в личной кабале. Мировой судья и полицейский комиссар округа, без сомнения, устыдятся, узнав, что простой частный человек

¹⁾ Адресат неизвестен. Ред.

посмел в первые дни царства свободы возобновить тиранию варварских веков; и враги отечества затрепещут от ужаса, когда они узнают, что этот жестокий человек, чтобы удержать на привязи несчастную свою жертву, пустил в ход угрозу выдать свирепым убийцам ее защитника. Друга Народа, если она не подчинится молча его приказаниям.

Мысль о какой бы то ни было личной мести очень далека от меня; но после того как я навлек на себя всякие проклятия за то, что вырывал из-под гнета людей незнакомых, смогу ли я допустить постыдную трусость и оставить под железным ярмом несчастную женщину, достойную уважения, которой к тому же я очень многим обязан? Нет, никогда не заслужу я упрека в подобной низости. Я знаю, что лицемер повсюду сеет клевету и станет распространять во все стороны свои наговоры. Чтобы уличить его я призываю г-жу Ф. вызвать его пред лицо властей. На что же ему тогда жаловаться, когда ему предоставят публично доказывать свои права?

Я жду, милостивый государь, скорых известий об освобождении этой угнетенной. Если бы оказалось возможным, что эти притеснения, доведенные до сведения суда, останутся к стыду судей только напечатанными, я готов переплыть моря, чтобы придать этому делу самую широкую огласку; по своему своеобразию оно достойно занять место среди знаменитых судебных дел, и оно создано для того, чтобы вызвать величайший скандал вследствие многочисленности действующих лиц, которые сыграли в нем роль скрываясь за кулисами ¹⁾.

¹⁾ Конец этого инцидента рассказан Маратом в следующих выражениях: „Г. Маке, искушавшись оглашения своего поведения, немедленно написал злощастной женщине, чтобы она взяла свою обещанную новку.—что она и сделала. Я посоветовал ей пригласить окружного комиссара; сделай она это, она не потеряла бы шестисот ливров, ибо сей почтенный господин отчитал ей лишь половину по вексело. ее выдачному. однако, он предусмотрительно взял расписку на всю сумму.“ (Прим. франц. изд.)

LXXXI

Письмо Законодательному Собранию

Октябрь 1791 года.

Представителям французского народа.

Отцы отечества!

Первые проявленные вами признаки вашего политического существования возбудили самые радостные чувства. Первые случаи применения вашей власти развеяли все, вплоть до самой надежды, жившей в глубине наших сердец. Но если вы одну минуту тащились в грязи, выражая восторженное преклонение перед антиконституционным актом, вы все-таки с честью поднялись из своего падения; а затем, проникнутые величием своих обязанностей, вы отомстили за попранное величие народа, поставив на подобающее место неблагодарного и высокомерного государя, перед которым пресмыкались недостойные ваши предшественники, государя, который уже успел забыть, чем он обязан новым представителям своего повелителя, и который уже собирался обращаться с ними, как с лакеями,

Однако, славное деяние гражданского вашего чувства осталось незавершенным. Стремясь сбить с пути вашу доблесть, коварные сообщники государя осмелились выдвинуть положение, будто он представляет собой в государстве власть независимую и равную вашей; вы с негодованием отвергли это политическое кощунство. Чтобы разделаться с ним навсегда и восстановить попираемые им права народа, вам остается постановить, что государь никоим образом не представляет нации и никогда не должен принимать титула, который поднесли ему ваши предшественники в последние дни своего распутства; вам остается постановить, что он не более как *обыкновенное должностное лицо*, первое по чину, но не менее подчиненное верховному властителю, чем последний из его агентов; вам остается постановить, что если представители нации должны подниматься с места при его появлении в собрании, то это делается лишь из благопристойности; вам остается постано-

вить, что он никогда не явится туда в сопровождении сгражи ¹⁾, и что вы отправляете к нему депутации исключительно для оказания ему почета, а вовсе не по обязанности. Теперь именно обязан он приноравливаться к вашим декретам: чтобы добиться отмены их, его клеветы, конечно, пустили в ход посреди вас все пружины темной своей политики; народ, который возлагает свое доверие на вас, льстит себя надеждой, что вы останетесь верны своей доблести. Может быть, государь сам допустит бестактность и проявит свое неудовольствие: не обращайтесь на это внимания. смотрите только, чтобы ваш председатель не уронил вашего достоинства низостью своих чувств, и чтобы какой-нибудь иезуитский оборот не дал развернуться его угодничеству, укрыв его от вашего надзора.

LXXXII

Письмо Мекиньону

Господину Мекиньону Старшему, улица
Кордельеров.

Привет г-ну Мекиньону.

Уже около трех лет, как я не сводил своих счетов с ним. Покорнейше прошу передать подателю сего, г-ну Фёво, выписку относительно книг, переданных мною ему для продажи за мой счет, с условленной скидкой, а также общий итог проданного вместе с распиской на книги, оставшиеся нераспроданными.

Поручаю подателю расписаться за меня в получении. Настоящая записка пусть служит доверенностью.

Д-р Марат.

Париж. 28 февраля 1792 г.

¹⁾ Не менее существенно постановить, что никакая вооруженная солдация не имеет права появляться в ваших собраниях

(Прим. *Марата*)

Условленная скидка:

На *Записки по оптике* (цена 8 ливров) тридцать су.

На *Исследования об огне*—22 су,

На *Исследования по электричеству*. 30 су.

На *Записки по оптике*...

как это явствует из оплаченных г-ном Мекиньоном счетов.

LXXXIII

Письмо Делюлю

Под заглавием „*Школа гражданина*“ Марат написал политическое сочинение, которое должно было появиться в течение августа 1792 года. По поводу издания этого сочинения он написал следующее письмо.

Друг мой.—как издатель моего сочинения, вы вполне уполномочены мною вести переговоры с любым книгопродавцем, или распространителем книг, который кажется вам подходящим и поставит вам наиболее выгодные условия; но, во всяком случае, важно, чтобы Общество Друзей Прав Человека содействовало успеху предприятия. Пасквильянты, состоящие на содержании у двора, который так долго и с таким остервенением силится уничтожить содеянное моим пером добро, обнародовали под моим именем такие пагубные учения, столькими способами меня оклеветали, так часто распространяли слух о том, что меня уже нет в живых, что я превратился в существо призрачное, и небольшому количеству экземпляров моей газеты, проникавшему в департаменты, невозможно было рассеять эти наговоры. В виду этого, необходимо, чтобы данное Общество взяло на себя рассылку проспекта издания по всем патриотическим обществам королевства, приглашая их всемерно способствовать распространению сочинения, предназначенного для просвещения народа, для создания общественного мнения для оживления патриотического пламени.

Убежденный в том, что клуб Кордельеров поставит себе в обязанность усердно способствовать распространению принципов Друга Народа, ибо он принял на себя это обязательство, как вы увидите из прилагаемого при сем постановления,—я вместе с тем готов

верить, что он сочтет за удовольствие способствовать успеху произведения, предназначенного стать школой граждан. Я не стану говорить вам о выгоде, которую я собираюсь принести Обществу в деле облегчения обездоленных,—не желая привлекать сюда никаких мотивов, кроме его усердия к общественному благу.

Может быть, некоторые из его членов, которых я не имею основания хвалить, ухватятся за этот случай, чтобы выразить мне свое нерасположение; хотелось бы думать, что стыд замкнет им уста.

Поговорим о том, что касается лично вас. Я хорошо знаю, что вам приходится быть осторожным по отношению к вашим родным, настолько непатриотично настроенным, что они едва ли в состоянии благосклонно смотреть на вас, открыто выступающего издателем моей книги; если вы опасаетесь вызвать их нерасположение, ограничьте добрую свою услугу простым надзором за напечатанием книжки и обратитесь к какому-нибудь ревностному гражданину, который взял бы на себя передачу моего пожелания обществу.

Предоставляю вам самим выбор способа передачи моего пожелания в случае, если вам покажется неудобным просто передать ему мое письмо, без предварительного наведения справок.

Париж. 3 марта 1792 г.

Весь вам Марат, друг народа.

P. S.—Если, из желания помешать успеху этого важного предприятия, какой-нибудь усыпитель предложит предварительное рассмотрение представленного сочинения, а общество, достигнув врасплох, на такое предложение пойдет, то я прошу вас тут же взять мою просьбу обратно по следующим трем важным причинам:

- 1) Цензура отменена;
- 2) Я сам себе цензор, никогда другого не допущу, да и не найду другого, более строгого;
- 3) Распространяя мое произведение, общество нисколько не призвано отвечать за все мои мнения, допуская даже, что некоторые не соответствуют его вкусу.

LXXXIV

Письмо председателю клуба Кордельеров

Письмо написано одновременно с предыдущим и было прочитано в клубе на заседании 3 марта 1792 года.

Господин председатель.

Ныне я потребовал бы от *Друзей Прав Человека* выполнения принятого ими на себя обязательства распространять принципы Друга Народа, если бы я не был уверен, что их гражданское сознание и без того побудит их содействовать моему стремлению выяснять народу его права, создавать общественное мнение, оживлять патриотизм и доставлять торжество делу свободы.

После того как я три года к ряду неустанно боролся с возрождающимся деспотизмом, я, в конце концов, вынужден был покинуть это поприще, где на мою долю выпали лишь труды, заботы, горечь, нужда, опасности, всякие напасти, чувство омерзения,—да, наконец, я уже не мог здесь делать добро народу; однако, приведенный в уныние не столько нападками врагов отечества, сколько ослеплением и равнодушием его сынов, я вовсе не подумал бросить его интереса на произвол судьбы; я только подумал, что можно принести больше пользы раскрытием поразительной картины злоумышлений со стороны заклятых врагов, сплотившихся на его погибель, раскрытием коварной политики Учредительного Собрания и недостатков Конституции, которые являются истинным несчастьем Франции и будут, впредь до своего исправления, вечным источником анархии, смут и гражданских разногласий.

После того как правительство пустило в ход все пружины, чтобы изъять мои писания, исказить их, ослабить их автора, создать ему репутацию человека, продавшегося врагам отечества,—мое сочинение, ныне предполагаемое к изданию, лишь в том случае могло бы произвести ожидаемое от него хорошее действие, если патриоты в отдельных департаментах будут вполне уверены, что оно принадлежит перу подлинного друга народа.

Общество, во главе которого стоите вы, милостивый государь, знает мои принципы, оно открыто ставит себе задачу их пропаганды. Его усердие к общественному делу дает мне право ожидать, что оно с удовольствием возьмет на себя задачу передать prospect моего произведения во все патриотические общества королевства, предложив им дать ему возможно широкое распространение. С своей стороны, я приму все меры к тому, чтобы сделать его доступным пониманию самых неподготовленных граждан.

Ставя себе целью предостеречь народ от ненадежных его руководителей, раскрыть перед ним уловки мошенников, подкупленных для его порабощения, познакомить его с законами, нуждающимися в переделке, и законами, которые еще необходимо издать для обеспечения свободы и общественного благополучия, ставя себе все эти цели, произведение мое делается школой патриотов.

Прошу вас, милостивый государь, представить мою просьбу на рассмотрение общества и передать о состоявшемся решении гражданину, которому я доверил вручение вам этого письма.

Примите патриотический мой привет.

Марат, друг народа.

Париж. 3 марта 1792 года.

Сочинение появится под заглавием *Школа граждан*. В него войдут наиболее замечательные места из «Друга Народа»; размер — не меньшей мере 600 страниц.

LXXXV

Письмо г-ну Локре

Марат, друг народа, шлет патриотический привет г-ну Локре: он просит его назвать имена мировых судей, муниципальных чинов и других достославных соговарищей тех подделывателей ассигнаций, которых ему удалось арестовать. Если г. Локре потребует, чтобы я хранил молчание об источнике, откуда получены будут мною эти сведения, я подчинюсь его желанию.

Париж. 13 марта 1792 г.

Г-ну Локре, мировому судье округа Бонди.

LXXXVI

До нас дошел только черновик этого письма, найденный в бумагах Марата

Париж, 11 апреля 1792 г.

Господину Петлю

Тот самый человек, который некоторое время тому назад склонил вас, милостивый государь, выпросить поддержку бедным жителям столицы, ныне берется за перо, чтобы подвигнуть вас на новый шаг, который сделает вам не меньше чести и обеспечит уважение и любовь народа Вам, конечно, известно, что Мотье явился в Париж с целью обработать армию и провалить гражданский праздник в угоду жалким остаткам королевского двора.

Семь развращенных легионов уже дали клятвенное обещание завладеть с вечера накануне Марсовым полем. К этому преданному ему ядру (г. д'Англиор заготовил под покровительством великого генерала целых пятьдесят тысяч для особо важных случаев) присоедините все подкупленные войска да еще двадцать тысяч разбойников, находящихся в наших стенах и готовых при первом кличе взяться за оружие, — и потом судите, какую жестокую резню может устроить дерзкий злодей. Но так как все эти головорезы без своих вождей ничто, то для поддержания порядка достаточно в день праздника попридержать парижский штаб. Я думаю, что в качестве начальника полиции вы имеете право на это. Собрание предоставит его вам. Во всяком случае, когда вы нарисуете ему картину ужасных беспорядков, в которые оказалась бы ввергнутой столица, в случае если люди, всегда проявлявшие себя врагами отечества, посмели выступить против желаний полутора тысяч вооруженных граждан. Собрание уже из одного чувства стыда не решится отвергнуть просьбу, которую вы представите ему вместе со всеми чинами муниципалитета.

При всей смелости этого шага, верьте мне, он поставит вас в менее неловкое положение, чем какое-либо нерешительное мероприятие. Он едва ли лишит вас благорасположения сторонников деспотизма, но несомненно увеличит признательность народа. По

моей откровенности вы можете признать, что слава ваша для меня не безразлична, хотя конечной целью моею является общее благо. Я не стал бы братья за перо для обеспечения задуманного праздника, если бы оно в результате не привело к определенному выражению общественного мнения насчет гнусного декрета, направленного против нансинского гарнизона, и насчет злодейства Двора, к оживлению патриотизма в низших кругах общественной лестницы, между прочим, среди линейных войск, и к посрамлению жесточайших врагов Революции.

Все сказанное—между нами; но спешите действовать и подмайте об угрожающих беспорядках.

LXXXVII

Письмо Петнону

Апрель 1792 г.

Самый преступный, ужасный, жестокий заговор, способный на полнить негодованием и бешенством все честные сердца, это заговор с целью морить людей голодом, с тем, чтобы потом перебить их, как бунтовщиков и мятежников, когда они поднимутся против скупщиков, этих виновников голода. Подобный гнусный заговор составили более пятидесяти лет тому назад вымогатели наших провинций ¹⁾ в сообщничестве с главариами столичной полиции. Подобный же гнусный заговор послужил женеvскому агитеру, стоявшему тогда во главе финансов, тем отвратительным источником, который помог ему набить государственные сундуки, а народ снова заковать в цепи. Этому же гнусного заговора держались с той поры все его преемники, а кабинет министров, в согласии с законодателем и главными должностными лицами, и по сей час пользуется им для тех же целей, под видом борьбы с голодом, который они же сами и вызвали, и обеспечения свободного обращения продовольствия. Едва ли кто лучше вас, милостивый государь, был в состоянии разобраться в этой туманной тьме неправды. Ведь вы член Учредительного Собрания, пред которым

¹⁾ Интенданты (Прим. *Марата*).

прошли печальные жалобы обитателей Вернона, Суассона, Мо-Орлеана, Пьерр-ле-Мутье, Дуэ, Сент-Омера и др., этих жертв спекуляции министерских агентов и жестокости министра финансов, муниципальной продовольственной комиссии и парижского генерала; ведь вы должны были видеть юридические доказательства невинности угнетенных граждан, злодейства их притеснителей и усилий законодателя заглушить жалобы жертв тирании.

Вы сами, милостивый государь, только что были свидетелем того, как эти козни возобновляются на ваших глазах,—я имею в виду Этампское дело; ведь вас самих только что призывали в это собрание двенадцати, совместно с министром внутренних дел, чтобы получить и ваше согласие на отправку приспешников, предназначенных водворить там спокойствие и террором удержать в повиновении несчастных обитателей этого города.

Опасение за то, как бы вы, поставив свое имя рядом с презренными сторонниками деспотизма, незаметно для самого себя не оказались вовлеченным в гнусный замысел устрашения народа, побудило меня обратиться к вам с несколькими замечаниями в одном из предшествующих номеров моей газеты. Я надеялся, что вы, дорожа выполнением обязанностей народного избранника, отца народа, филантропа, доброго гражданина, поспешите рассеять обаяние, разорвать завесу, прикрывающую козни Симоно и ухищрения кабинета, стремящегося превратить этого потатчика безхлебицы в мученика законов, и выступить на защиту угнетенных, готовых сделаться жертвами тирании, после того, как они уже побывали жертвами губительных операций со стороны королевских скупщиков. Мои надежды не только были обмануты, но вы еще усилили первую свою ошибку преступной снисходительностью, одобрив петицию кучки наемных приспешников, которые требовали почетного погребения умершему Симоно; но чего же и ждать от вас после трусости, с которой вы допустили то, чтобы шпионы и головорезы парижского штаба, на ваших глазах, подвергали оскорблениям и даже угрозам муниципального прокурор-синдика, должностное лицо при исполнении обязанностей, мужественного Дантона, который при громких криках требовал исполнения справедливого закона и блестяще защищал дело свободы.

Как легко было бы вам нагнать страх на этих дерзких злодеев, энергично призвав их к выполнению долга, если бы они яви-

лись с петицией, или мужественно подставив им свою грудь, если бы они, как разбойники, явились для нападения на защитников народа! Но этим еще не исчерпываются упреки, которые могу сделать вам друзья отечества. Увы, есть гораздо более тяжкие. Они ставят вам в упрек двусмысленное поведение, допущение к вашему столу дурных граждан, ославленных должностных лиц, вероломных представителей нации, разных Ласурсов, Редереров, Бриссо, с которыми вы, повидимому, очень близки, — связь, тайные причины которой скоро откроются при свете дня. Подобно обществу друзей конституции и публика принуждена будет выбирать между изменником Бриссо и непокупным Робеспьером, и ей придется высказать окончательное свое суждение о степени вашей гражданской доблести, о вашей честности, о ваших взглядах. Вот вы и попали в очень узкую теснину, скорее даже в извилистый лабиринт. Я не стану хулить вашего сердца; я считаю его чистым; но я стану обвинять нерешительность вашего характера, недостаток энергии, отсутствие дальновидности, стремление прицепить вещи непримиримые и падить все партии. Вспомните суждение о вас, высказанное мною при назначении вашем на должность мэра; оно оправдалось целиком, равно как и связанные с ним предсказания; вспомните также советы касательно народного торжества 15 числа сего месяца, преподанные вам безымянным лицом, вы должны теперь почувствовать всю справедливость их. Я очень хорошо знаю, как возрадуются враги общественного дела, видя, что истинные патриоты сами же подвергаются критике административную деятельность человека, которого они с восторгом вознесли на место первого должностного лица; но я никогда не разделял этого увлечения, как я ни сознавал, что можно было сделать бесконечное число менее желательных избраний, и как ни похвалил сам некоторые прекрасные черты вашего общественного поведения. Точно так же я хорошо знаю, что все почти граждане, дорожащие своим покоем, все умеренные, все эгоисты, все льстецы, оплаченные и неоплаченные, выступая против строгости моих принципов, кричат, что нужно же и прощать кое-что людям, находящимся у власти. Но я не умею мириться ни с принципами справедливости и свободы, ни с трусостью и вероломством общественных должностных лиц, ни с кознями агентов власти, ни с опасностями, угрожающими общественному благу. Ведь это-то глупая осторожность, эта трусливая

снисходительность и погубили свободу. Если бы законодатель и носители власти были остановлены при первом же ложном шаге, у нас не было бы этого множества злосчастных декретов, которые уничтожили права народа и граждан в угоду восстановлению деспотизма; мы не сделали бы жертвами погущений этого множества общественных должностных лиц, которые изменнически принесли своих сограждан в жертву двору. Извольте посмотреть, куда должны повести ваши робкие оглядки. Живя в тесной дружбе с Редерером и Бриссо, этими двумя ославленными интриганам, продавшимися двору, признанными за вероломных уполномоченных, за изменников народу, вы сами подпадаете подозрению в том, что разделяете их бесчестность; народ потеряет к вам всякое доверие, подозрительным сделается даже все хорошее, что вы затеете, и вы сами лишите себя всякой возможности служить отечеству. Присоединяясь к проискам клеветов кабинета, которые хотят выдать Симоно за мученика уважения к закону, вы тем самым покрываете министерские козни, вы ободряете виновников голода, вы покровительствуете притеснителям народа и способствуете пролитию невинной крови. Отдавая Дантона на оскорбление наемных приспешников¹⁾, вы отнимаете у отечества честного слугу, бесстрашного защитника; вы допускаете унижение народной магистратуры, вы обеспечиваете безнаказанность злодеям в мундирах и вы способствуете установлению военного режима, самого опасного из всех режимов.

Петион, Петтион! с каким удовольствием смотрел бы я, как вы твердой стопой проходите благородное свое поприще, одновременно презирая и обольщения двора, и угрозы общественных врагов, и опасности, которыми эмиссары кабинета окружают всякого неподкупного популярного магистрата.

Почему же вы, дорожа своей личной славой, не заставили силой гражданских своих доблестей, умолкнуть ваших противников, не привели в смущение клевету, не вызвали восхищения добрых граждан? Вы могли заслужить триумфальные почести, Друг народа первый обвинил бы чело ваше венцом славы: почему не мог он

¹⁾ Как сможет Дантон сколько-нибудь спокойно приняться за исполнение своих обязанностей и заседать посреди презренных своих товарищей, которые допустили унижение его звания и отдали его на оскорбление шайки наемных злодеев? (Прим. Марата).

набросить услужливой завесы на роковые ошибки и слабости, которые приходится ему. наоборот, разоблачать во имя любви к отечеству?

LXXXVIII

Письмо Камиллу Демулену

[19 мая 1792 г.]

В апреле 1792 г. Демулен и Фрерон основали газету „Трибуна Патриотов“. просуществовавшую до конца июня. Марат, в распоряжении которого в эту пору не было печатного органа, написал Демулену след. письмо.

Так как враги отечества снова поставили меня под топор тиранни, я пересылаю вам два письма, для которых прошу отвести место в первых номерах «Трибуны Патриотов». Для свободы чрезвычайно важно, чтобы журналисты, изменяющие делу ее, были разоблачены, а посему я надеюсь, что вы придадите всему этому некоторое значение. Письма мною подписаны, чтобы с формальной стороны обеспечить вас на всякий случай.

Мой патриотический привет вам и Фрерону, вашему и моему собрату.

Марат, друг народа.

Скажите подателю сего о дне, когда они появятся. Ему поручено взять у вас три номера с этими двумя письмами.

LXXXIX

Письмо Якобинскому клубу

1 ноября 1792 г.

Точный текст этого письма нам неизвестен. Оно читалось в заседании клуба 2-го ноября. В отчете о заседании сказано: „Секретарь сообщает содержание двух адресованных клубу писем; в одном из них Марат сообщает, что дом его окружен большим количеством дра-

гунов свободы, требующих его головы; он просит Общество поставить его под защиту Округа, где он проживает? В ответ на это сообщение выступил присутствовавший в заседании драгун свободы, объявивший, что только несколько отдельных лиц из драгунов приняли участие в этом выступлении, что они будут опознаны в казарме товарищами и понесут достойное наказание.

XC

Письмо гражданину Шерпантье

Дек. 1792 г.

Гражданин Шерпантье, из департ. Вьенн, прислал Марату письмо с жалобами на различные местные злоупотребления. Марат, напечатав это письмо, тут же на него и отвечает.

Надо подождать, мой доблестный согражданин, казни бывшего монарха и окончательного ниспровержения партии Ролана,—тогда мы посмотрим, как установить царство равенства и свободы, ибо мы все еще пребываем в царстве злоупотреблений, беспорядков и анархии. Если усилия Конвента окажутся бесплодными, придется подождать событий, которые во всяком случае произойдут, ибо народ хочет быть свободным. И вот, как только восстание станет повсеместным, тогда придет время призвать к ответу ваших утешителей, этих опор старого порядка. Народу давно уже следовало бы взяться за это: без этого нечего надеяться ни на мир, ни на свободу, ни на счастье.

XCI

Письмо Вимпфену

17 дек. 1792 г.

В письме, помеченном 17-м декабря и напечатанном в № 81 „Журнала Французской Республики“ (22 дек.), генерал Вимпфен сообщает Марату об отправке им записки, в которой он оправдывается от возведенных на него обвинений. Марат сопровождает это письмо своим ответом.

Будь вы из числа угнетенных. Вимпфен, я со всем усердием выступил бы на вашу защиту; но вы принадлежите к орде притеснителей, к клике лакеев двора, к шайке приверженцев низверженного деспота; я припоминаю шарлатанские уловки, которые вы позволили себе, защищая его дело, и я ни минуты не сомневаюсь в том, что вы желаете его реабилитации и будете в отчаянии, когда он понесет заслуженную кару за свои преступления.

Пока вы надеялись быть ему полезным, вы хранили молчание обо всех кознях, затевавшихся против родины. Пока ветер дул на вашу сторону, вы шли себе по пути своего вероломства; теперь, когда судьба обрушилась на вас, вы кричите «караул».

Я никогда не буду издеваться над несчастием незадачника; и я приветствую поругание сатрапа. Да погибнут в конце концов вместе с ним все приспешники деспотизма.

Марат, друг народа.

XCII

Письмо гражданину Саразену

Декабрь 1792 г.

Некий гражданин Саразен прислал Марату 17 дек. 1792 г. на французском языке письмо, в котором, указывая на первостепенные заслуги адв. сата в области физики, приглашает его выступить против клеветников и оправдаться перед ними. Марат напечатал в *„Журнале Французской Республики“* и это письмо, и свой ответ на него.

Вы человек рассудительный и требуете от меня оправдания. Значит, вы не читали моих писаний, раз вы не знаете, что я снисхожу до ответа своим клеветникам. Всякого рода пасквилы, выпущенные против меня за последние четыре года, пожалуй, уместятся и в соборе Парижской Богородицы. Я преспокойно достиг их распространения, и моя гражданская репутация не пострадала от этого ни на палу, по крайней мере, в глазах людей, призванных судить мои действия, мои писания и мои речи. Создана

противовеса влиянию ежедневной моей газетки по сию пору обошлось двору, кабинету министров и врагов свободы более чем в сто миллионов; и тем не менее я отвел почти все их покушения. Я настолько благоприятно расцениваю большинство Конвента, что считаю его ныне достаточно осведомленным насчет чистоты моих взглядов, и я горжусь тем, что заслуживаю его уважение; а впрочем я могу обойтись и без него,—для моего счастья с меня достаточно моего собственного уважения к себе. Что касается приспешников деспотизма, интриганов, честолюбцев и всякого рода плутов, которые марают своим присутствием недра Конвента, то я далек от того, чтобы бояться их; это они должны дрожать передо мной. Я читаю в глубине их души, они боятся моей откровенности, потому что они только тем и заняты, чтобы зажимать мне рот, когда я появляюсь на трибуне. Ближится минута, когда клеветническая завеса, накинутая партией Ролана на очи доверчивых граждан, будет сброшена; и тогда, тогда, дорогой мой согражданин, бедный обманутый народ разглядит, наконец, ревностнейшего своего защитника.

Привет.

Марат, депутат Конвента.

XCIII

Письмо гражданину Каннеан-Шампаньку

12 января 1793 г.

Ответ на письмо гражданина К.-Шампаньку по поводу обмундирования конной национальной гвардии.

Через несколько дней я займусь дорогими нашими конногвардейцами: думаю, что Сантерр отнесется к ним так, чтобы не вызывать ни малейшего упрека.

XCIV

Письмо гражданину Эстерли

23 февр. 1793 г.

Гражданин Эстерли жалуется на то, что Марат никогда не говорит об игорных домах, являющихся таким оскорбительным издевательством при царящей нищете. Марат, поместив письмо Эстерли, тут же отвечает

В течение шести недель Друг народа непрестанно отмечал все парижские игорные дома, требовал их преследования, уличал окружающих комиссаров, покровительствовавших им; он отсылает тебя к своей газете, смотри №№ 350—390: там ты найдешь многочисленные примеры патриотической бдительности его.

XCV

Письмо к Гойе

5 апр. 1793 г.

Некто Ланжерон, отставной капитан „гусаров свободы“, письменно жалуется Марату на произвольное задержание свое 29 марта. Марат печатает вместе с этим письмом и свое обращение по этому поводу к Гойе.

Депутат Конвента Марат министру юстиции Гойе.

Я не хочу заставлять Национальное Собрание терять время, цену которому при настоящих обстоятельствах я знаю лучше всякого другого; а посему я направляю непосредственно к вам жалобу гражданина Ланжерона, содержащегося в Аббей. Прикажете немедленно разобрать дело и дать арестованному удовлетворение; завтра я пришлю узнать об исходе его требований, и я льщу себя надеждой, что мне не придется еще раз приниматься за это дело. Ваша должность делает вас покровителем всех угнетенных; это лучший удел добродетельного человека.

XCVI

Письмо к Конвенту

Существует две редакции этого письма одна напечатана в Монтен'е, другая в „*Публицисте Французской Республики*“. Они значительно разнятся между собой. Вторая редакция датирована 11-м апреля и предваряется личным обращением Марата к председателю Конвента: „Гражданин Председатель, прошу вас распорядиться немедленным прочтением прилагаемого письма к Национальному Конвенту

Марат“

Самый текст письма (вторая редакция) таков:

Париж. 11 го апреля 1793 г., второй год Французской Республики.

Национальному Конвенту Франции.

Представители народа!

Есть факты, на которые, кажется, неустанно следует обращать внимание нации; к числу их принадлежат те, которыми устанавливаются изменнические действия вожаков и приспешников партии «государственных людей». Заведомо известно, что Дюмурье, который только-что поднял знамя восстания против отечества, чтобы посадить ему на шею господина и уничтожить свободу, имеет в самых недрах Конвента сторонников, тех самых злодеев, которых он называет здоровым большинством Национального Собрания. В угрожающем письме, адресованном председателю, через посредство военного министра, в письме, которое было прочитано с трибуны и которое следовало особым постановлением приказать отпечатать в бюллетене, чтобы вся Франция знала вероломных своих представителей, изменник Дюмурье заявляет, что он идет на Париж, чтобы силой оружия поддержать эту злодейскую партию, раздавить патриотов Горы, которых он называет анархистами, и страхом принудить их не выступать больше на поддержку дела народа.

Устрашенные тем, что бессовестный Дюмурье пред лицом мира объявил их своими любимцами и сообщниками, они только и думали о том, как бы отклонить общественное внимание от собственных своих заговоров, к несчастью весьма обязательных, и сосредоточить его на воображаемом заговоре патриотов Горы, будто бы имеющем целью посадить на престол Луи-Филиппа Орлеанского¹⁾.

Я убежден, что эта басня, которой они наделали столько шума, придумана была исключительно для отвлечения публики от преступного намерения Дюмурье, вожаков Конвента и враждебных нам держав, намеренные, которое состоит в том, чтобы возложить венец на главу сына Луи Капета и назначить регентом брата бывшего короля: я возмущен вероломством этих гнусных лицемеров и потому счел своей обязанностью взять их с бою в последнем их убежище и принудить их к жестокой необходимости открыто объявить себя приспешниками роялизма. Эту именно цель поставил я себе в прошлый четверг, когда я требовал декрета о предании Луи-Филиппа Орлеанского суду революционного трибунала и об объявлении вне закона Капетов, эмигрантов и мятежников. Этот пробный камень возымел свое действие. По тому оживлению, с которым патриоты Горы высказались тут же, требуя, чтобы эти предложения поставлены были на голоса, и по тому сильному сопротивлению, которое обнаружили «государственные люди», ясно было видно, на какой стороне находятся беглецы Капеты, сторонники Луи-Филиппа Орлеанского, друзья королевской власти.

Придя в отчаяние от того, что им пришлось, таким образом, собственноручно разоблачить себя, вожаки и приспешники роялистической партии льстили себя надеждой на провал моих предложений и на устрашение всей нации, начав преследование против меня, как писателя-возмутителя. С этой целью они уцепились за составленный в сильных выражениях адрес Общества якобинцев,

¹⁾ Если у этого недостойного человека есть партии в Конвенте, разве только, как это с несомненностью было показано, среди роялистов, называемых «государственными людьми», известны ведь его связи с Цезионом, Ласурром, Силлери и прочими вожаками клики. Вся вина патриотов заключается в том, что они допустили этого бывшего принца кровоплячь место на Горе. (Прим. *Марата*)

поданный за моей подписью, как председателя, и потребовали издания против меня обвинительного декрета за то, что я подписал это патриотическое произведение, которое призывает народ взяться наконец за оружие и отбросить вражеские армии и возмущившиеся легионы, которые идут на нас, чтобы снова заковать нас в цепи.

Вместо того, чтобы оправдываться, я продолжал разоблачать шарлатанство вожаков партии, неустанно подвергая их все тому же испытанию.

Дантон, сменивший меня на трибуне, превосходно развил и мотивировал необходимость этих неизбежных мероприятий. И поверг их в пропасть, он пригвоздил их, наступив пятою на горло. Однако его предложения против заговорщиков Орлеанов и Капетов так же, как и мои, были отклонены «государственными людьми», которые отказались принять их, предпочитая признать себя в глазах нации гнусными приспешниками Бурбонов, чем подвергнуться мести со стороны родни господина, которого им хотелось бы посадить над нами. И вот они пуше всего пустились преследовать меня, но, не решаясь без предварительного доклада объявить меня обвиняемым, они постановили отправить меня под арест в Аббатство. Как! Малюс, д'Эспаньяк, Ламарс, эти расточители имущества бедняков, содержались просто под домашним арестом! Сам Силлери, подозреваемый в измене находится просто под надзором; а меня, непоколебимого защитника отечества, апостола и мученика свободы, меня наши враги заключат в тюрьму как преступника, чтобы наказать меня за то, что я разоблачил их проделки, заставил их собственноручно признать себя соучастниками главнокомандующего-заговорщика, который замышляет восстановление королевской власти? Нет, этому не бывать, даже если мне придется погибнуть сто раз: теперь или никогда пришел час сопротивления насилию. Так как они нарушили все принципы справедливости и свободы, издав против меня гнусный эдикт: так как они решились совершить контр-революцию и восстановить деспотизм; так как ничто в мире не может вернуть их к долгу; так как они утратили всякий стыд; так как я невинный их обвинитель; так как они бесконечно виновны и так как они решили стубить всех энергичных патриотов, чтобы не погибнуть самим,—то они хотят какую угодно ценою

избавиться от меня, ибо они боятся суровой моей бдительности. Если им удастся исполнить преступные свои намерения на мой счет, они скоро доберутся до Робеспьера, до Дантона и до всех депутатов-патриотов, которые обнаружили значительную энергию.

Не я один попал бы из обвинителей в обвиняемые. Я вовсе не имею в виду уклоняться от своих судей, но я не совершаю такой глупости, чтобы отдать себя в руки бешеных своих врагов изменников отечества. Так вот, пока Салль, пытавшийся подвять свой департамент, чтобы покуситься на свободу комиссаров Конвента, и непрестанно поносивший даже самый Конвент, выставляя его сообщником Орлеанской партии; пока Барбару, отдавший батальону марсельцев приказ захватить ведущие к Конвенту улицы, чтобы добиться постановления об апелляции к народу; пока Жансонне, находившийся в преступной переписке с изменником Дюмурье; пока Ласурс, способствовавший бегству Валанса и предупредивший Дюмурье о направленном против него приказе; пока Бриссо, Гюаде, Бюзо, Верньо, заседавшие по ночам с генералами-заговорщиками и еще две недели назад защищавшие Дюмурье в комитете обороны,—пока все эти вероломные господа, заклеянные общественным мнением как изменники отечества, не будут сидеть в тюрьме Аббатства, до той поры я и не подумаю отдаваться под стражу в угоду акту произвола, облеченного в форму декрета, изданного против меня беспощадными моими врагами; ведь все это покушение только и приведет к тому, что народ в порыве негодования откроет мне ворота Аббатства, а вместе с тем откроет их и для содержимых там злоумышленников, всех этих генералов изменников отечества, орлеанских убийц, которые убили депутата-патриота, и т. п. Больше чем Конвенту я принадлежу отечеству, я принадлежу народу, защитником которого являюсь, а потому я укроюсь от их посягательств, буду продолжать поддерживать дело свободы своими писаниями, буду разоблачать изменников, ведущих за собой Конвент, вплоть до тех пор, пока нация раскроет глаза на преступные их замыслы и достойным образом покарает их. Уже сорок семь департаментов потребовали смещения депутатов, которые голосовали за апелляцию к народу и за тюремное заключение тирана. Еще немного терпения, и они падают под тяжестью общественного презрения. Я далек от желания роспуска Конвента, в чем они, разумеется, не замедлят обвинять

меня; но я хочу очистить его от изменников, которые стремятся уничтожить свободу и увлечь родину в пропасть.

Марат.

ХСVII

Письмо к Конвенту

Декретом 12-го апр. 1793 года Марат предавался суду революционного трибунала и уже не мог появляться в Конвенте. Из своего убежища он отправил 17 апр. письмо к Конвенту, не прочитанное в последнем под предлогом отсутствия подписи. 18-го Марат отправил подписанную копию, но Конвент постановил не принимать от Марата ничего, пока он сам не подчинится изданному о нем декрету. Тогда по просьбе Марата, письмо это было отпечатано на основании постановления Общества якобинцев; параллельно и Марат напечатал текст его в „Публицисте Французской Республики“. Две редакции текста несколько расходятся. Текст издания Якобинского клуба таков

Национальному Конвенту Франции.

Верные Представители народа!

Партия «государственных людей», эта преступная шайка, которую я по добродушию шадил, считая ее просто сбившейся с дороги, тогда как она глубоко преступна; эта роялистическая шайка, которая голосовала за апелляцию к народу и за тюремное заключение Луи Капета, с целью зажечь гражданскую войну в надежде спасти тирана; эта изменническая шайка, которую Дюмурье привлекает своими сообщниками; эта заговорщическая шайка, которую я принудил открыто объявить себя сторонниками мятежных Капетов, скрывшихся за рубеж, неоднократно требуя от них объявления этих мятежников вне закона, в чем они упорно отказывались; эта бесстыдная шайка, которая гнусно наказывает меня сегодня за то, что я раскрыл ее лицо и опозорил ее в глазах всей Франции, эта шайка, говорю я, направила против меня обвинительный декрет.

Хотя она обязалась, по требованию вашему, представить в точный срок изъяснительный акт инициаторов обвинения, против меня направленного, однако прошло. вот уже шесть дней, а этого акта все еще нет: уж не рассчитывает ли она затянуть дело, чтобы этим путем устранить меня с трибуны, откуда я каждый день громил ее? Уж не надеется ли она путем такой затяжки истомить меня скукой и отвращением, истощить мое терпение, довести до отчаяния мое негодование и толкнуть меня на безрассудные поступки? Ждет ли она событий, чтобы отменить революционный трибунал, оставить меня под обвинением и внушить нации мысль, что я виновен? Или она убаюкивается безумной надеждой, что я хоть один момент поколеблюсь явиться перед своими судьями? Напрасное заблуждение: я предстану перед ними не как преступник, а как благонамеренный человек, недостойно оклеветанный и всегда готовый отдать отчет в своих действиях, всегда готовый разъяснить свое поведение, чтобы поставить в тупик презренных своих обличителей. Итак, я требую от жестоких своих врагов, входящих в состав законодательной комиссии, чтобы они в течение дня представили этот акт. Я очень хорошо чувствую, как затруднительно для них редактировать его, чтобы не показаться при этом вздорными клеветниками или коварными поддельщиками. Пусть себе выпутываются как им угодно, но пусть безотлагательно его представят, иначе они подвергнутся возмездью со стороны самого государя народа, ибо я решил обратиться к нему, чтобы добиться наконец расправы со всеми этими злодеями, которые стремятся держать меня в плену, чтобы беспрепятственно выдать Францию вражеским армиям, которые надвигаются на нас, с целью восстановить королевскую власть.

Дорогие мои товарищи, хоть я и нахожусь под отлучение роялистической шайки, тем не менее я верный представитель народа, неприкосновенный член Конвента; а по сему, в силу врученных мне полномочий работать над свободной конституцией и общественным благом, я формально протестую против того, чтобы какая бы то ни была конституционная статья была установлена до возвращения наших комиссаров-патриотов, которые отправлены по департаментам. Главное мое основание в том, что «государственные люди» в настоящую минуту составляют большинство Конвента, и не этим соумышленникам Дюмурье, не этим прицели-

никам мятежных Капетов: не этим прожаженным роялистам, не этим изменникам, заговорщикам и контр-революционерам создавать конституцию для свободной Франции, для друзей Отечества.

В силу того же соображения я считаю актами тиранни декреты о задержании и обвинении, направленные против меня. Наконец в силу того же соображения я считаю несуществующими и необязательными все декреты Конвента, которые были внесены не партией патриотов, со времени отбытия наших комиссаров,—поскольку, поскольку они не направлены явно к общественному благу: ибо в пору тревожного кризиса, который мы переживаем, благо народа—для меня высший закон.

И пусть не говорят, что я стараюсь проповедывать неповиновение законам и добиваюсь роспуска Конвента; ибо очевидно, что я хочу лишь приостановки произвольных и гибельных актов, чистки нашего сената от злоумышленников, мараящих его своим присутствием; ведь изменники и злоумышленники никогда не могут ни быть представителями народа, ни делать постановления о его правах и интересах.

Да будет уничтожена проклятая партия государственных людей; Конвент, составленный исключительно из членов-патриотов, от этого не перестанет быть Национальным Конвентом; дела от этого пойдут только лучше: патриоты обеспечат свободу и спасут родину в ожидании того, пока изменники заменены будут новыми представителями.

Уже их начинают разоблачать в департаментах; пусть только прогонят из лож залы собраний всех журналистов-аристократов и роялистов; пусть у Главьера отнят будет надзор над почтовыми сношениями, пусть сам он будет смещен,—и тогда общественное мнение скоро прояснится во всех углах Республики, и скоро «государственные люди» сделаются всюду предметом ужаса.

Дорогие мои товарищи! сегодня—обвинительный акт; завтра—напечатание моего письма в Бюлетене,—вот два предмета, которые я доверяю патриотическому вашему попечению.

Марат, депутат Конвента.

Париж, 18 апр. 1793 г.

XCVIII

Письмо якобинцам

Письмо это отправлено Маратом Обществу якобинцев вместе копией предшествующего письма к Конвенту.

Братья и друзья!

Товарищи мои монтаньяры дремлют; а что делают якобинцы? Дожидаются ли они того, чтобы шесть миллионов, предоставленных «государственными людьми» в распоряжение исполнительного совета на подкуп шпионов и совращение общественного мнения возымели свое действие,—и только потом будут с шумом требовать обвинительного акта против Друга Народа? Апостол и мученик свободы в течение почти уже четырех лет, я все еще рассчитываю, что кто-нибудь протянет мне руку, когда я повержен в борьбе за благо народа. Но нет, надежда моя не будет обманута. Я надеюсь, что мои братья якобинцы предпримут действительные меры: я требую, чтобы они распустили прилагаемое письмо; они почувствуют настоятельную необходимость этого. Я избавил бы их от этого труда, если бы сам мог показываться.

Привет моим братьям.

*Марат, депутат Национального
Конвента и член Общества.*

Из подземелья, 19 апреля 1793 года.

XCIX

Письмо гражданину Колле

16 мая 1793 г.

Военному Комиссару гражданину Колле.

Гражданин Буссар должен быть отпущен на свободу в силу декрета о дисциплинарных проступках, изданного несколько дней тому назад. Я не могу допустить мысли, что вы из личных

соображений будете настаивать на его задержании в тюрьме. Я требую применения закона и поручаю жене его поставить меня в известность о том, что будет сделано.

Братски приветствую вас.

Марат, депутат Конвента.

C

Письмо к Конвенту

Прочитанное в заседании Конвента 3-го июня письмо это вызвало оживленные прения, в результате которых Конвент перешел к порядку дня, постановив напечатать самое письмо в Бюллетене.

Париж, 3 июня 1793 г.
2-й год Французской Республики.

Граждане и товарищи! Не отказывая в уважении основаниям проекта вашего Комитета Общественного Блага, склонного обратиться с приглашением к членам Конвента, которые являлись по сию пору вольной или невольной причиной разногласий в Собрании и пагубных раздоров в различных департаментах, я всеми силами оспаривал этот проект, ибо, сохраняя за обвиняемыми, быть может, слишком преступными, почетное право показать пример великодушной преданности общественному благу, он делал их привлекательными в глазах нации, а между тем подобная честь должна принадлежать исключительно тем незапятнанным людям, которые безотчетно посвятили себя защите свободы, людям, сердце которых всегда пламенело священной любовью к отечеству, людям, которых враги революции непрестанно преследовали как дезорганизаторов, анархистов, честолюбцев, кровопийц, жаждущих убийства и грабежа.

Может быть, мне, вечному мученику свободы, давно уже терзаемому клеветой, позволено ревниво относиться к этой чести. А потому я отклонил проект декрета вашего Комитета, потребовал

задержания членов, обличенных установленными властями Париж и предложил собственное свое отрешение на определенный срок. Горя нетерпением открыть глаза нации, обманутой насчет меня, столькими наемными пасквилянтами, не желая больше слыть яблоком раздора и готовый пожертвовать всем для водворения мира я отказываюсь от отправления своих депутатских полномочий до окончания суда над обвиняемыми народными представителями. Пусть не повторяется больше в недрах Конвента прискорбны сцены, которые так часто угнетали публику; пусть все члены принесут свои страсти в жертву своим обязанностям и пойдут большими шагами к славной цели, им поставленной; пусть дорогие мои товарищи монтаньяры покажут нации, что они еще не выполнили ее ожиданий, потому что злодеи тормозили все их усилия; пусть наконец, возьмутся они за крупные мероприятия для поражения внешнего врага, для подавления врага внутреннего, для прекращения бедствий, отягчающих родину, для водворения мира и благоденствия, для упрочения свободы мудрыми законами, для установления царства правды, для процветания государства и обеспечения счастья французов!

Марат.

С I

Письмо председателю Конвента

Заслушав чтение этого письма в заседании 6 июня, Конвент постановил его в Комитет Общественного Блага.

Париж, 4 июня 1793 г.

Гражданин Председатель!

Контр-революция только-что совершилась в Марселе, Лионе, Гренобле. Враги свободы не удовлетворились гибелью огромного числа патриотов, они бросили в темницу наиболее ревностных из тех, кто избежал смерти. Было бы верхом жестокости оставлять в оковах этих защитников отечества. Я требую, чтобы немедленно издан был декрет об их освобождении. Если мое право делати

какое-либо предложение подлежит оспариванию вследствие моего добровольного временного отрешения от депутатских полномочий, то я прошу кого-либо из моих товарищей-монтаньяров внести это предложение от моего имени.

Марат.

С II

Письмо гражданину Одуэну

Гражданину Ксавье Одуэну, помощнику военного министра.

Я прошу гражданина Одуэна ускорить отъезд гражданина Пенкура, присутствие которого на посту чрезвычайно необходимо.

Марат, депутат Конвента.

Париж, 13 июня 1793 г.

С III

Письмо гражданину Англаду

15 июня 1793 г.

Ответ Марата на письменную жалобу гражданина Англада, с которого хотели взять за размен ассигнации в 25 су.

Гражданин Англад виноват тем, что не назвал того плута, который предложил ему потерять некоторую сумму при размене ассигнации, предъявленной в контору. Я предлагаю ему обратиться с жалобой к муниципальной администрации.

Марат.

CIV

Письмо к Якобинскому клубу

Марату уже неоднократно приходилось защищаться от нападков против него упреков в том, что он желает популярной диктатуры. Под влиянием новых нападков он написал Якобинскому клубу нижеследующее письмо, прочитанное в заседании 24 июня и затем изданное отдельной брошюрой.

Братья и друзья!

Несомненно, интриганы запугивают вас; по крайней мере, я имею ныне основание думать так и громко жаловаться на это.

С вашей трибуны меня обличали в том, что я требовал вождя на приглашение ваше я явился, чтобы об'ясниться по этому поводу, хотя был болен в это время; я в праве был ожидать, что, допустив гласность обвинения, вы огласите также и мой ответ. Вот он слово в слово; я надеюсь, что из любви к справедливости вы напечатаете мое письмо целиком.

Граждане!

Меня обличают в том, что я требовал вождя. Для ревностного защитника свободы крайне неприятно разговаривать о мерах к общественному благу в присутствии остолопов, которые не понимают французского языка, или мошенников, которые не желают его понимать. Вот обстоятельство, вызвавшее этот нелепый донос.

31 мая, в 8 часов вечера, я принял в Конвенте депутатов нескольких парижских округов, которые спрашивали меня, что я делаю. Как! — ответил я им, — вы целую ночь били в набат, вы целый день стояли с оружием в руках и вы не знаете, что делать! Мне нечего говорить сумасшедшим, — и с этими словами я ушел. Огорченный усилиями народа, совершенно бесплодными, при отсутствии просвещенного и надежного совета, я вернулся в залу и с горечью в душе, сказал нескольким монтаньярам: *«Нет, невозможно народу спастись, если у него нет вождей.»* — Как так? — воскликнул один из «государственных людей», слушавший меня;

ты требуешь вождя? — Скотина! — тут же ответил я, — в моих устах вождь не значит повелитель, никто больше меня не питает отвращения к повелителю; но в настоящую критическую минуту я хочу вождей, которые руководили бы действиями народа, чтобы он не делал ложных шагов и чтобы усилия его не были напрасны; ибо что такое сто тысяч людей, уже сутки стоящие под оружием, если у них нет вождей-руководителей? Вот что произошло, граждане. Теперь вы оцените все обстоятельство и судите меня.

Братья и друзья, я в постели, у меня воспалительный процесс, результат бессонных ночей, которые я вот уже четыре года посвящаю защите свободы, да тех мук, которые я испытываю уже девять месяцев, работая над ниспровержением партии «государственных людей». Если неизменные доказательства гражданских моих чувств, явленные мною до сего дня, недостаточны, чтобы подтвердить чистоту моего сердца в глазах друзей отечества, то я, конечно, поступал неразумно, заслужив проклятие за стремление свое отвести это самое отечество от края пропасти; огорчения, мною испытываемые, перешли всякую степень возможности! Сообщите мое письмо ларошельским своим сочленам, опишите им моего доносителя, аристократа Мюсселя, и дайте мне передохнуть хоть минуту. Не слишком ли много бороться сразу со злобой врагов свободы и с ослеплением ее друзей?

Братски приветствую вас.

Марат, депутат Конвента.

Париж. 20 июня 1793 г.

2-й год Республики, единой и неделимой.

CV

Письмо Конвенту

21 июня 1793 г.

Это письмо, вместе с письмом Лоссея, было прочитано в заседании Конвента 21 июня, и оба переданы затем в Комитет Общественной Безопасности.

Граждане-товарищи!

Воспалительный процесс, результат мучений, которым я в течение четырех лет подвергал себя, защищая дело свободы, вот уже пять месяцев изводит меня и по сей день держит меня в постели. Я лишен возможности явиться в Конвент и прошу вас прочитать с трибуны прилагаемое письмо ¹⁾. Оно убедит вас в не-

¹⁾ Вот текст этого письма.

Из Аббатства, сего 23 июня 1793 г.

Из надежного источника.—который я могу вам назвать, гражданин, если это вам угодно,—я узнал, что в Лионе собираются гильотинировать Шалье; это пламенный и чистый патриот; я думаю, вы его знаете, а если нет, то вы можете справиться о нем в Комитете Общественной Безопасности, где он очень известен; это форменное злоумышление; требуйте немедленной присылки его в Париж. Я с удивлением прочел, что Конвент постановил вызвать в Комитет Общественного Блага для дачи необходимых справок прокурора-синдика департамента Роны и Луары, окружного прокурора-синдика и прокурора Лионской коммуны. Почему бы не вызвать и Шалье, председателя окружного трибунала, чтобы выслушать обе стороны? Почему бы не вызвать прежде всего меня?

Я написал, пожалуй, двадцать писем, и все остались без ответа если бы меня выслушали, можно было бы предупредить последствия волнения. Я не знаю подробностей, но я очень хорошо знаю, что департамент контр-революционен; что на долю округа выпало оказаться в руках людей несколько аристократического склада, а главное, корыстных; что тот самый Виллар, который занял мое место, является зятем и ставленником некоего Мартена, давнего контр-революционера. Эти три разбойника не выдержали бы моего присутствия в Комитете. Я ручаюсь за то, что свалю их.

У нас здесь сейчас комиссары лионских округов, которые должны уехать завтра; это скорее эмиссары для работы против Конвента, которого они не желают признавать; не арестовали ли их как заложников за голову Шалье и других патриотов, заключенных в Лионе? Шалье очень нехорошо отнесся ко мне; но его бедствия и его положение заставляют меня забыть все и помнить только одно, что он патриот и хорошего толка и что мы с ним всегда боролись рука об руку против тиранов и их приспешников.

Я ничего не буду говорить вам о моем деле: моя записка скорей выйдет в свет, и враги мои будут посрамлены на весь мир. А затем я предстану пред Конвентом: мне придется разоблачить ужасы преследования одного члена Конвента. Примите братские мои приветствия.

Лоссель, прокурор Лионской коммуны.

P. S. Ролан в Лионе: Бриссо собирался прибыть туда к нему, но в это время был схвачен.

обходимости безотлагательно вытребовать Шалье в Конвент не только для того, чтобы спасти его от жестокости лионских аристократов, но и для того, чтобы получить от него справки о причинах волнений в этом городе. Я нарочито требую этого.

Я требую, чтобы равным образом вызван был также и Лоссель, прокурор Лионской коммуны, подписавший прилагаемое письмо.

Я требую еще, чтобы вы издали против лионского народного трибунала такой же декрет, какой вы издали против трибунала в Марселе.

Наконец я требую, чтобы перманентность округов отменена была во всей Республике. Эта перманентность является главной причиной несчастий, случившихся в недавнее время в нескольких крупных городах: ибо богачи, интриганы и зложелатели толпами бегают на заседания, становятся на них хозяевами и заставляют принимать самые гибельные для свободы постановления, в то время как поденщики, рабочие, ремесленники, молочные торговцы, земледельцы, словом вся масса обездоленных, принужденных работать для того, чтобы существовать, не могут участвовать в собраниях, чтобы подавлять преступные происки врагов свободы. Дней десять—двенадцать тому назад я предложил последнюю меру вашему Комитету Общественного Блага; он понял ее значение, обещал доклад; не могу объяснить себе его молчание.

Марат, депутат Конвента.

Париж, 25-го сего июня 1793 г.,
2-й год Республики, единой и неделимой.

CVI

Письмо к Конвенту

2 июля 1793 года.

Граждане-товарищи!

О чем думает ваш Комитет Общественного Блага? Спит он или отказывается действовать? Десять дней назад я потребовал, чтобы меры, принятые вами против установленных властей в Эврё,

приняты были также и против лионских властей; вы направили мою просьбу в Комитет, а он молчит. Меры эти могли в ту пору вернуть к порядку аристократов департамента Роны и Луары, как они подействовали на аристократов деп. Эр. Теперь, когда эти изменники не признают больше авторитета Национального Собрания, их можно заставить вернуться к выполнению долга лишь посредством применения национальных сил. А посему я предлагаю, чтобы вы, объявив вне закона весь административный состав этого департамента, вызвали против него честных санкюлотов из Канталя, Пюи-де-Дом, Эна, из деп. Верхней Луары, если они откажутся покориться в недельный срок.

Прилагаемое письмо, автор которого мне известен, покажет вам, что нельзя терять ни одной минуты, если вы хотите предупредить избитие сотни несчастных патриотов ¹⁾.

Марат.

¹⁾ Вот текст этого письма:

Лион, 28 июня 1793 г.

Гражданин-законодатель!

Вы приняли лишь полумеру, издав декрет об освобождении членов муниципалитета, содержимых в тюрьмах города в связи с делом 29 мая.

Вчера, 27 июня, в 8 часов вечера исправительная полиция отпустила г-на Сотмуш, бывшего члена муниципалитета. При выходе своем он был убит на Летучем посту, и будьте уверены, что все их ожидает та же участь, так же, как и патриотов, членов клуба, которых содержится в тюрьмах, по уверению некоторых, 95 человек. Я думаю, что дело это не затянется, согласно желанию лионских аристократов.

Вы можете быть вполне уверены, что с декретом, вами изданным, вовсе не будут считаться, потому что весь состав администрации принял постановление не признавать вас с 29-го мая и совершенно не считаться с декретом Конвента.

Ваш товарищ Дюбуа-Крансе, находящийся в Гренобле, добился полного торжества партии Конвента; в результате все богатые люди покидают этот город; вчера сюда прибыло оттуда четыре кареты.

Говорят, что он собирается идти с военной силой на Валанс, чтобы не допустить прохода марсельцев, которые в числе 600 человек с пушками направляются в Париж; извещают, что они намерены вербовать рекрутов в Э и в других местах. Здесь собирают батальон, чтобы присоединиться к вам; завтра, 29-го, должен состояться гражданский

С VII

Письмо к Конвенту

4 июля 1793 года.

Письмо это начал было читать один из секретарей Конвента в заседании 5 июня, но был прерван Бреаром, заявившим, что Марат должен подавать голос в недрах Конвента, а не вне его. Согласно этому требованию Конвент отказался слушать чтение и перешел к порядку дня. На этот инцидент Марат откликнулся в „Публицистическом“ след. образом: „4-го сего месяца я обратился к Конвенту с письмом, требуя объявления мятежных Капетов вне закона и немедленного смещения Бирона и Кюстина, которые готовятся повторить роль Дюмурье; письмо это читалось лишь 5-го числа. Конвент выслушал лишь то, что относилось к Капетам, и перешел к порядку дня, оставив без внимания остальное. Я мало озадачен этим; несомненно, письмо мое накануне сообщено было усыпителям Комитета Общественного Блага (или, как говорите, общественной гибели), которые убедили нескольких трусов Конвента потребовать порядка дня. Во всяком случае верно, что Барер, Дельма, Матьё, Рамель, Ногаре и т. д. покровительствуют Кюстину, Бирону, Вестерману, Мену и всем злоумышленникам из бывшей знати, которые, к несчастью, все еще стоят во главе наших армий“.

праздник, на который приглашены все обитатели деревень департамента; боюсь, как бы этот праздник не оказался роковым для наших заключенных. Здесь боятся, как бы Дюбуа-Крансе не пошел на Лион. Предлагают различные планы как отбросить его; я считаю самое известие сомнительным. Этот шаг имел бы единственным последствием потерю людьми с обеих сторон.

Председатель уголовного трибунала г-н Козон выпустил на этих днях обращение к гражданам города с целью оправдаться в медлительности, применяемой к недавним заключенным,—в чем его обвиняли все городские округа; он хочет при отправлении правосудия держаться закона, но, как я уже сказал вам, боюсь, как бы его не упредили.

Прощайте, гражданин, желаю вам поправления здоровья, которое так нужно вам. Я не подписываюсь по причине, которая должна быть понятна вам; но будьте уверены в правдивости моего письма.

P. S. Вина за происшествие, случившееся здесь 29-го числа прошлого месяца, всецело падает на Конвент; когда издан был декрет об отпуске миллиарда для ведения войны, нужно было сейчас же постановить и способ его получения, и муниципалитет, который всегда доводил все до крайности, не допустил бы произвольного обложения, которое так раздражило городских богачей; они платили бы по закону, а не по желанию муниципалитета, всем ненавистного.

Париж, 4 июля 1793 г., 2-й год Французской Республики

Письмо Марата Национальному Конвенту.

Граждане-товарищи!

Посылаю вам контр-революционный бюллетень, распространенный по департаменту Юры, и отчет депутата этого департамента Феррү. При чтении вы увидите, что этот недостойный сочлен коварными своими наговорами заслужил негодование собрания, с которым оно несомненно встретит его и без моего на то указания.

Новые опасности, угрожающие отечеству, налагают на меня обязательство направить вашу заботливость на средства для их преодоления.

Самая значительная из всех опасностей, это—введение в заблуждение добрых граждан клеветами вожаков партии «государственных людей» и их сообщников—подкупленных директорий, которые непрестанно толкают народ на мятеж, прикрывая свой бунт ложным предлогом, будто Конвент не свободен, будто он стонет под насилием Горы, которая хочет восстановить королевскую власть, посадив на престол Орлеанов: клевета, распространявшаяся сначала председателями ¹⁾ марсельских округов, а потом администрацией департаментов Эр, Кальвадос, Корсики и др.

Дабы разрушить пагубное впечатление, производимое этой клеветой, я возобновляю предложение, которое делал уже не один раз, а именно—объявить вне закона мятежных Капетов, известных под именами *Monsieur*, графа д'Артуа, принца Конде, герцога Бурбонского, герцога Шартрского, герцога Монпансье; при этом я требую, чтобы предложение поставлено было на поименное голосование. Результаты этого голосования, широко распространенные по всей Республике (как бы ни голосовали при этом вероломные

члены Конвента), будут иметь двойное преимущество: они откроют глаза сбившимся с пути, наименее просвещенным гражданам, либо свяжут остальную часть партии, которая еще сидит в собрании, лишив ее всякой надежды сноситься от своего собственного лица с враждебными державами и новым повелителем, которого им хотелось бы дать Франции. Я надеюсь, что Конвент почувствует неизбежную необходимость принять наконец эту важную меру.

Но этого мало. С горечью вижу я во главе войск Республики, предназначенных подавить вандейских повстанцев, Бирона, старого слугу двора из числа пользующихся худшей репутацией, эту тень Орлеанского дома, этого руководителя изменника Монпансье, который был у него под опекой. Как мог ваш Комитет Общественного Блага поставить такого человека во главе солдат свободы? Как мог он решиться освободить его от всякого надзора, отозвав комиссаров Исполнительного Совета? Я не обвиняю инициаторов этого убийственного для свободы постановления в измене, но обвиняю их в преступной снисходительности или скорее в безрассудстве: ибо много надо этого безрассудства, чтобы отдать в руки придворного раба судьбы свободной нации, гибель которой он способен довершить весьма скоро, отдав сначала на уничтожение свою армию и перейдя потом на сторону мятежников. Если судить о его намерениях по его напыщенным заявлениям в духе Дюмурье и по его бездействию, то можно подумать, что он только и дожидается удобного момента, чтобы повести войска наши на бойню. Именем отечества я требую его отозвания и смещения: пора нам наконец быть благоразумными в своих мероприятиях и не доверять больше государственных сил ненадежным рукам.

Кому же доверить руководство нашими силами в Вандее? Офицерам, в которых есть гражданская доблесть, сила суждения, мужество, и, благодарение небу, среди нас есть еще такие. Я ничего не жду от большинства тех, кто во главе этой экспедиции; я считаю их людьми злонамеренными и неспособными; ибо здоровый слящий военный человек не стал бы два раза безрезультатно наблюдать, как бьются мятежники, а нашел бы средство покончить с ними радикально при первой же встрече. Я сообщил свой взгляд на дело одному благонадежному офицеру, который передаст его одному из наших генералов-патриотов. Если бы я в состоянии

¹⁾ Клевета тем более гнусная, что марсельские округа, которые так долго распространяли слух, что Орлеанский составил заговор с целью захвата короны, и которые теперь могут обвинять его в оскорблении величества нации (ведь он же у них в руках!), весьма остерегаются начинать его дело; вместо того чтобы обвинять его в желании сохранить королевскую власть, они славят ему теперь в упрек лишь то, что он подал голос за смерть деспота (Прим. *Марата*).

был переносить дорогу, я предложил бы себя для выполнения моего плана: во главе небольшого отряда надежных войск легко в один день прикончить всех мятежников. Я не совсем чужд военному искусству и без всякого бахвальства мог бы ручаться за успех.

Как бы ни велика была опасность, угрожающая родине, если оставить Бирона во главе армии западного побережья, еще гораздо более опасно оставлять Кюстина начальником над главными нашими армиями. Как это Комитет Общественного Блага не почувствовал, что, ставя его во главе северной, рейнской, мозельской и арденнской армий, он вручает ему военный деспотизм и судьбу Республики? Как мог он допустить, чтобы этот генерал сделался независимым от Исполнительного Совета, от самого Конвента, декреты которого он презирает?

Как допускает он, что генерал, под предлогом организации главной своей армии, дезорганизует их все; что он по собственному желанию разоружает такую-то военную часть, чтобы вооружить другую; что он отнимает у граждан их оружие и лошадей; и, что хуже всего, применяет право жизни и смерти к солдатам свободы?

После того как мы таким образом передали в его руки широчайшие военные полномочия, как можем мы спать спокойно. особенно когда чувства, поведение, связи, вся жизнь Кюстина так хорошо известны? Он не только низкий холоп двора, подобно Бирону,—против него говорит сверх этого все его антигражданское поведение в Учредительном Собрании, где он всегда являлся подлым приспешником деспота, его свирепая жестокость по отношению к народу, его грубость по отношению к солдату, его тирания по отношению к патриотам. Его слова, его поступки, вынешние его распоряжения и его старание ставить во главе отдельных армий, ему вверенных, исключительно преданных ему лиц,—все свидетельствует о том, что он идет по стопам Дюмурье и что с его стороны приходится ожидать того же вероломства, если во-время не сместить его.

Мне остается сделать два замечания.

Бездействие Кюстина и вражеских генералов происходит лишь от того, что они дожидаются того, когда вожаки партии поднимут восстание всех департаментов; тогда он под покровом этого вос-

стания беспрепятственно проникнет внутрь государства, станет угрожать нации всеобщим разорением и вернет ее опять под ярмо.

Бирон, который с такой угодливостью распространяет пущенный Лебреном слух о том, что сотня английских судов собирается высадить десант у берегов Они, и который под этим предлогом держится наготове, чтобы отбросить их,—разумеется, ждет всеобщего восстания, чтобы повести свою армию на бойню и перейти самому на сторону восставших.

Не станем дожидаться того, чтобы враги отечества, заседавшие в Собрании, и те, которые ныне стоят во главе наших армий, увлекли отечество в пропасть, а лучше примем против них энергичные меры.

Повторяю вкратце: Путем поименного голосования объявить вне закона мятежных и убежавших Капетов; немедленно отставить Бирона, Кюстина и всех наших генералов, пользующихся дурной репутацией,—вот те меры к общественному спасению, которых не следует больше откладывать,—это было бы неразумно,—и их-то я предлагаю вам применить.

Марат. депутат Конвента.

СVIII

Письмо г. Тюрьо

Вместе с предыдущим отправлено было и нижеследующее письмо председателю Конвента Тюрьо.

5 июля 1793 г.

Мне было очень прискорбно, что вы не распорядились прочитать Конвенту письма, адресованные ему мною. Если это письмо постигнет та же участь, то я завтра утром прикажу отнести себя прямо на постели в залу собраний, чтобы пожаловаться на это нарушение моих депутатских прав. Обратите же заботливое внимание Конвента на угрожающие отечеству опасности и на сред-

ства, способные отвратить их, и докажите народу, что не я виноват, если их не принимают, после того как я столько раз предлагал их.

Марат.

СІХ

Письмо гражданину Бремену

5 июля 1793 г.

Ответ Марата на письменную жалобу к нему гражданина Бремена содержавшегося в Консьержери по несправедливому, как он жаловался доносу.

Я желал бы получить от гражданина Бремена справку, не был ли он в последнем батальоне марсельцев; а пока призываю его мужаться: если он невинен, ему не погибнуть как виновному

ПРИЛОЖЕНИЯ

К письму Марата на имя С.-Лорана от 20 ноября 1783 года (№ XXII) приложен составленный Маратом сборник документов, служащих пояснением этого письма и заключающих в себе данные, подтверждающие заслуги Марата в научной области. Приводим перечень этих документов с наиболее вескими выдержками; важнейшие документы переведены целиком.

№ 1

Копия письма г-на Ла-Рошетт Марату: датировано 7 января 1773 г. из Пимблико (квартал в Лондоне).

Автор особенно одобрительно отзывается о второй части посланной ему на прочтение работы. „Я прочел ее с величайшим интересом; работа кажется мне отлично продуманной и отлично написанной; она полна новых идей, тонких замечаний, глубоких подробностей, к тому же глубокие эти подробности оживлены очаровательными картинками... Наконец мне нравится смелость, господствующая в работе от первой строки до последней: не знать узды. — таков девиз гения. автор принял его, и он вполне ему к лицу...“

№ 2

Письмо того же корреспондента от 20 января 1773 г. отсюда же с похвалами по адресу Марата.

№ 3

Копия с письма лорда Лигльтона (от 19 ноября 1772 г.), с приглашением Марату явиться для собеседования по поводу посланной Маратом некоего научной работы и с обещанием охранить некое гнито автора.

№ 4

Перевод письма Коллинсона Марату из Кембриджа, от 1 мая 1773 г.

„Я закончил наконец чтение интересной вашей работы, в которой, на мой взгляд, вы обнаружили большое дарование и всю ту дозу вкуса, какую только способна вместить разработанная вами тема.

Если не все ваши замечания вполне истинны, во всяком случае они весьма правдоподобны.

Признаюсь, что опасение быть неправильно понятым, подчиняя значительное количество духовных явлений воздействию физическому заставляло меня в изысканиях моих трактовать этот предмет крайне поверхностно. Вы же в общем выражаетесь настолько разумно, что с этой стороны, думается мне, вам нечего опасаться“.

№ 5

Письмо лорда Литтльтона, от 27 декабря 1783 г.

„Если вам угодно будет навестить г-на Пушкина, полномочного посла России при нашем дворе, проживающего на улице Lower Grosvenor, он сообщит вам нечто для вас, быть может, весьма выгодное, если только вы примете его предложения. Я был бы крайне польщен, если бы мог оказаться вам полезным...“

№ 6

Письмо г-на Прево, главного казначея ведомства мостов и шоссеиных дорог Франции.

Корреспондент в самых лестных выражениях прибегает к Марату как к врачу, на которого возлагает последнюю надежду в деле излечения своей жены.

№ 7

Письмо маркиза Гуи, от 21 августа 1781 г.

Аналогично предыдущему. Речь идет о безнадежно больной юноше, обреченном на смерть консультацией пяти врачей. Корреспондент обращается к Марату, называя его „врачом неисцелимых“ и ссылаясь на пример вылеченной им безнадежно больной маркизы Лобеспин.

№ 8

Письмо гуреккого интенданта дю-Клюзе маркизу Шуазелю с благодарностью за совет пригласить к опасно больной д-ра Марата, „пресвященного человека...“, который в один миг увидел то, что целому факультету удалось найти лишь после долгих наблюдений. Прикорбно для человечества, что он так мало проявляет себя...“

№ 10

Письмо секретаря Дижонской академии Марэ к графу де-Ножан представившему в академию Записку Марата. „...автор Записки искусный физик, который может оказать огромные заслуги науке вопрошая природу новыми опытами...“

№ 11

Отношение королевского тайного советника и постоянного секретаря Берлинской Академии Формэ, от 19 февраля 1779 года. „...[Комиссары Академии] вчера сделали свое сообщение, согласно которому изыскания ваши весьма достойны внимания, и можно думать, что, продолжая их, вы сделаете значительный вклад в науку, составляющую предмет вашего изучения... [Академия] была бы чрезвычайно рада случаю засвидетельствовать вам отменное свое почтение...“

№ 12

Заверенное у нотариуса заявление кавалера де-Шан от 29 ноября 1783 г. о том, что он, де-Шан, от имени одной из первейших академий Европы предлагал доктору медицины Жан-Полю Марату войти в состав означенной академии, на каковое приглашение Марат со всякими извинениями ответил все-таки отказом, ибо „для сохранения полной свободы дал себе обещание не входить пока в состав ни одного ученого общества...“

Далее следует ряд писем и записок (№№ 13—30), охватывающих корреспонденцию Марата с Королевской Французской Академией, откуда явствует, с какой неприязненной волокитой отнеслось ученое учреждение к трудам Марата, которого академия словно не хотела признавать.

В двух записках (№ 14 и 15) от 19 июня и 20 июня 1779 года граф Мальбуа, в ответ на письменное предложение Марата, сообщает последнему, что его письмо вместе с подношением передано Академии, которая назначила для изучения открытия Марата особую комиссию, включив в нее и Лаланда. Только один Бриссон высказал некоторые сомнения относительно сделанного открытия.

Назначение комиссии официально подтверждается запиской секретаря Академии, маркиза Кондорсе, от 14 июля 1779 года (№ 16).

8 октября 1779 г. академик Саж коротенькой запиской (№ 17) приветствует Марата, ссылаясь на необходимость опять ехать в деревню и жалеет, что не сможет принять участие в проверке опытов Марата, считая, что специалисты по оптике Ле Руа и Клузен скорее призваны быть судьями в данном вопросе.

Подобным же образом уклонились Мальбуа и Монтиньи.

Когда Марат узнал, что проверка его опытов по свету уже состоялась, а доклад академиков все еще не составлен, он стал торопить Академию.

7 января 1780 г. (№ 18) Ле Руа пытается успокоить Марата ссылкой на то, что ему, Ле Руа, предстоит закончить другой доклад по мореходству, после чего на ближайшей неделе он примется за дело Марата.

17 января (№ 19) Ле Руа извиняется многочисленностью своих занятий, обещая заняться докладом на следующей неделе и прибавляя, что ведь это „не обычный доклад, а доклад, требующий большого внимания...“

28 января (№ 20) Ле Руа снова с извинением оглаживает доклад на ближайшую неделю и снова повторяет, что „доклад этот не то что другие, а посему он требует величайшего внимания...“

13 февраля (№ 21) новая отсрочка на ближайшую неделю. Ле Руа надеется наконец закончить рапорт, но знаменательно прибавляет „...в Академии царит дух такого крючкотворства, что это обязывает меня уделять еще больше внимания тому, что там читается...“

23 февраля (№ 22) Ле Руа с извинением сознается, что доклад все еще не готов. „Предмет ведь очень тонкий, как вы сами знаете, а посему он требует тщательного рассмотрения; *вы сами слишком хороший физик*, чтобы не знать того, что есть много опытов, которые вовсе не так просты, чтобы относительно них можно было высказаться единственно на основании факта... Однако доклад по вашему делу готов, и в ближайшее время я займусь исключительно вами...“

№ 23

Письмо академика Кузена Марату написано и отправлено в Академию 13 апреля 1780 года.

Милостивый государи!

Дела помешали г-ну Ле Руа явиться в Академию в среду и заниматься тем бы то ни было, а посему он оказался вынужденным отложить доклад о ваших опытах на ближайшую субботу. Мы не можем, однако, обещать вам *окончить все в один день*¹⁾; все зависит от степени внимания, какое уделит нам Академия...

№ 24

Записка Кузена Марату.

(15 апреля 1780 г.).

Честь имею приветствовать г-на Марата и просить его вернуть подателем „Оптику“ Ньютона, которую я одолжил ему. Г-н Ле Руа собирался сделать свой доклад в субботу, но не хватило времени. Надеюсь, доклад состоится в ближайшую среду.

¹⁾ Стало быть, доклад был довольно обширен, если его нельзя было перчерпать в одно заседание. А стало быть, доклад комиссии вовсе не тот клочок бумаги, который прислан был Марату секретарем Академии и который помещен в начале его исследования о свете (Прим. Марата).

№ 25

Записка Марата маркизу Кондорсе от четверга, 27 апреля 1780 года и ответ маркиза в форме приписки.

Г-н Марат просит маркиза Кондорсе сообщить ему решение Академии по поводу доклада о его опытах. Честь имею приветствовать г-на маркиза, просит дать ответ на этой же записке. Утром, в четверг, 27 апреля 1780 г.

Ответ Кондорсе.

Члены комиссии обещали свой доклад в субботу.

№ 26

Другая записка Марата маркизу Кондорсе от воскресенья, 30 апреля 1780 г.

Г. Марат просит маркиза Кондорсе сообщить ему, окончен ли доклад о его опытах и вообще начат ли он. Ответ внизу этой записки.

Ответ Кондорсе.

Г-н Ле Руа написал доклад и принес его на заседание, но другие занятия помешали его прочтению на заседании, и он отложен до среды.

№ 27

Записка того же тому же от четверга, 1 мая 1780 г.

Г. Марат просит маркиза Кондорсе написать, состоялся ли доклад о его опытах. *Ответ внизу этой записки.*

Ответ Кондорсе.

Доклад начал вчера, но у Академии *не хватило времени выслушать его целиком.*

№ 28

Записка того же тому же от воскресенья, 7 мая 1780 г.

Г. Марат просит маркиза Кондорсе написать ему, состоялось ли во вчерашнем заседании продолжение чтения доклада о нем, и закончен ли доклад. Ответ внизу этой записки.

Ответ Кондорсе.

Доклад вчера не читался. Г. Ле Руа, на которого он был возложен, совсем не присутствовал на заседании.

№ 29

Записка Ле Руа Марату от 9 мая 1780 г.

Г. Ле Руа искреннейшим образом приветствует Марата и просит его вернуть ему „Оптику“ Ньютона на французском языке, которую он одолжил ему минувшим летом, а также „Оптику“ на английском языке, которую он, сколько помнится, тоже одолжил ему; нужно произвести кое-какую сверку. *Г-ну Ле Руа хотелось бы также, чтобы г. Марат прислал ему заверенные подписями опыты, которые он видел вместе с г. Кузеню; они нужны для подтверждения.*

№ 30

Извлечение из протоколов Королевской Академии Наук от 10 мая 1780 года.

Г. Марат, врач лейб-гвардии графа д'Артуа, обратился в Академию с просьбой назначить комиссию для рассмотрения его опытов в области света. Ученое сословие поручило это дело нам: графу Мальбуа, Сажу, Кузеню и мне.

Опыты эти, очень многочисленные, затрагивают различные световые явления и в частности те, которые вызываются отклонением света, когда он проходит вдоль тела, а также те, которые, по мнению автора, устанавливают, что разложение света на цвета, наблюдаемое при этом отклонении, является причиной того разложения, которое наблюдается в призме,—иначе говоря, что цвета эти вовсе не являются результатом преломления, но единственно только результатом отклонения света перед его вхождением в призму; так что, по мнению г-на Марата, разложение света при отклонении и разложение, наблюдаемое при прохождении через какую-либо среду, является следствием одного и того же действия.

Но принимая во внимание, что опыты эти чрезвычайно многочисленны, как мы уже сказали, так что мы вследствие этого не могли проверить их всех с надлежащей точностью (при всем внимании какое мы им уделили); что они к тому же на наш взгляд вовсе не доказывают того, что устанавливается ими, как это воображает автор, что они вообще противоречат общеизвестным положениям оптики, — мы считаем бесполезным входить в подробности, чтобы придать им широкую огласку, и находим, что они, по вышеизложенным обстоятельствам, вовсе не такого порядка, чтобы Академия могла приложить к ним свою печать и свой авторитет.

Составлено в Академии Наук 10 мая 1780 года.

Ле Руа, Кузен, Саж.

Верно с подлинным постановлением Академии.

Маркиз Кондорсе.

Замечание Марата на предыдущий доклад.

При всем нерасположении Академии воздать мне должное, господа члены комиссии, в частности, не могли уклониться от отчета о моих главных опытах, а это требовало довольно продолжительной и довольно тонкой работы. Из писем за №№ 19, 20, 22 видно, что член комиссии, взявшийся за это дело, очутился в затруднительном положении, ибо ему предстояло сказать о них достаточно много, чтобы Академия была осведомлена, и слишком мало для того, чтобы удовлетворен был я.

Как бы то ни было, Академии понадобилось около пяти месяцев, чтобы составить доклад. Судя по письму за № 23, доклад должен был быть весьма длинным, ибо один из членов комиссии не допускал того, чтобы можно было заслушать его в одном заседании: ответом секретаря Академии на записку Марата (см. № 27) подтверждается, что одного заседания действительно оказалось мало на его прочтение. Таким образом академическое постановление, выраженное двумя фразами и присланное мне 10 мая 1780 года, а затем напечатанное мною во главе моего труда, не представляет собой доклада комиссии. Очевидно, стало быть, что доклад положен моими зложелателями под сукно и что Академия отказала мне в справедливости.

Теперь позволю себе указать на некоторые подробности, полученные мною из надежного источника. Одному очень умному господину, которому я сообщил об этой академической сделке, довелось как-то обедать с академиком, на которого возложен был доклад о моих работах. Собеседник поставил себе целью выведать у академика всю правду.—*Как это случилось*,—сказал он г-ну Ле Руа.—*что такой академик, как вы, настолько мог забыть, чтобы составить странный доклад, напечатанный во главе открытий г-на Марата? Если вы не хотели воздать справедливость автору, то зачем же было выставлять себя на смех варварски написанной галиматией, под которой постыдился бы подписаться даже школьный учитель?—Что же поделаешь*.—отвечал г. Ле Руа,—*я в этом не виноват; я составил доклад на сорока пяти страницах в четвертку, не без притязания на то, чтобы показать близкое знакомство с трудом г. Марата; но при каждом изложении опыта, расходящегося с системой Ньютона, геометры делали возражение и утверждали в лицо мне и моему собрату, что мы не видели заверяемого нами факта; сколько мы ни настаивали, они неизменно отвечали: „Это невозможно, мы проверили вычислениями“. Они нас просто перекричали, принудив нас к молчанию. В конце концов под давлением большинства Академия пристала ко мне с ножом к горлу и заставила нас скоро набросать доклад, который вы мне ставите в упрек*

№ 31

Письмо королевского генерал-лейтенанта графа Трессана, впоследствии члена Французской Академии, приглашавшего Марата к себе в деревню; письмо чрезвычайно лестное для Марата и превозносящее научные его заслуги (24—VII—1780).

№ 32

Письмо редакторов „Journal de Paris“ графу Гуи (14 ноября 1778 г.) с просьбой сообщить имя ученого, сделавшего важные открытия относительно огня, о которых редакторам хотелось бы дать подробный отчет.

№ 33

Извлечение из английского журнала „Monthly Review“ (окт. 1782 г.) переведено на франц. язык.

Стр. 293, отдел IX: Открытие д-ра медицины Марата в области света и др.—Мы уже упоминали ранее об открытиях этого искреннего и трудолюбивого физика в области огня. Первое издание труда, ныне занимающего нас, было расхвачено почти немедленно после своего появления. И несколько не надо этому удивляться, ибо он возбуждал чрезвычайное любопытство, возвещая новый переворот в оптике и берясь лишить бессмертного нашего Ньютона одного из наиболее блестящих его завоеваний в этой области наук. Наиболее смелые и наиболее вооруженные картезианцы не раз терпели полное поражение в своих нападениях и должны были отступать; более чем 30-летний спор утвердил за Ньютоном прочное обладание его открытиями, при дружной поддержке академий и ученых обществ всей Европы,—и вот является г. Марат с бесчисленным новым запасом опытов и наблюдений и возобновляет бой уже под новым стягом.

Преломление и отражение были единственными изменениями известными на пути солнечных лучей, когда кавалер Исаак Ньютон повторяя опыты д-ра Гука и иезуита Гримальди, подметил, что солнечные лучи, проходя в некотором расстоянии от тела, подвергались изменению в своем направлении, отличному от преломления и отражения; этому изменению Ньютон дал название отклонения. Это изменение в направлении, или девиация, происходит, по его мнению, лишь на очень незначительном расстоянии ($1/320$ дюйма) от тела, около которого проходят лучи света, и он приписывал его отталкивающей силе, которая заставляет лучи удаляться от тела, без соприкосновения между ними.

Г. Марат выражает мнение, что это отклонение никогда не было точно наблюденно и объяснено никем из его предшественников: и во имя вожделенного успеха он пытается доказать множеством фактов, что все тела окружены световой атмосферой шире своего диаметра и что

лучи, образующие отдельные слои этой атмосферы, прилекая к телу, собираются в пучки и соединяются в несколько фокусов.

Мы отсылаем читателя к самой работе г. Марата, где он найдет опыты, приведенные в защиту этой гипотезы. Они представляют собой новый оптический закон, который должен привести к важным выводам в изучении природы, в частности планетной системы. С помощью этого закона можно прийти к правильному объяснению сумерек, оптических явлений при затмениях и многих других явлений, которые до сих пор не получили удовлетворительного объяснения, что наш автор и собирается сделать в работе, из которой настоящий труд является лишь извлечением.

Наш автор пытается доказать, что солнечный луч никогда не идет по прямой линии через сферу притяжения какого-либо тела и что он никогда не минует ее без разложения. Доказательство его покоится на опытах, сделанных согласно его особому приему наблюдения в темной камере. Если его опыты доказывают (а, повидному, это так), что свет всегда разлагается на периферии тел, то призма утратила бы значительную долю приписываемой ей роли, ибо согласно новой гипотезе свет необходимо должен разложиться на краю отверстия, сделанного в окне при введении пучка лучей для опытов с призмой.

Г. Марат удивляется, что кавалер Ньютон в своей теории не обратил внимания на это обстоятельство, после того как он повторил опыт Гримальди. Он идет дальше и доказывает, что свет не разлагается при прохождении через призму. Это предположение свое он доказывает, предлагая нам пучок солнечных лучей, с помощью которого невозможно получить спектр, сколько бы мы ни ставили призму на пути прохождения этих лучей. С этой целью он пропускает лучи через чечевицу и направляет их фокус на призму; в результате всякий раз неизменно получается полоса чистого света, у которой лишь края отмечены цветными дугами. Явление это наш автор считает несогласным с системой Ньютона.

Кавалер Ньютон в своем трактате по оптике с величайшей тщательностью старался поставить на твердые основания теорию различной преломляемости разнородных лучей: и опыты, и наблюдения, которые были проделаны над ними, казалось, вполне отвечали этому построению. Однако наш автор даже и этой теории наносит смелый удар. Он исследует опыты великого нашего философа и провозглашает, что они призрачны. Он имеет притязание доказать простыми и решительными фактами, что разнородные лучи все одинаково преломляемы. *Nil mortalibus arduum est.*

Если лучи, разложившиеся у края отверстия в окне, различно преломляются призмой, то наш автор приписывает этот результат исключительно их отклонению (девиации) при приближении к отверстию. Он замечает по этому поводу, что отклоняемость лучей всегда

неуместно сменялась с их преломляемостью: точно так же, как из многочисленных опытов явствует (опыты произведены различными способами, но всегда давали те же результаты), что из всех лучей желтый подвержен наибольшему, а голубой наименьшему отклонению, что совершенно расходится с Ньютоновой теорией преломления.

Если, говорят наш автор, правильно, что свет в опытах Ньютона не разлагается призмой и никогда не разлагается преломлением в доброкачественном и хорошо отполированном стекле, то из этого очевидно следует, что аберрация в преломляемости, доставившая столько хлопот многим современным геометрам, является не более как иллюзией; и это он пытается неопровержимо доказать в другой части этого труда. Признав это доказательство, пришлось бы обосновать новыми принципами теорию ахроматических телескопов.

Обсудив неизменность отклонения разнородных лучей и основных цветов, как мы их видим на поверхностях, различно раскрашенных (ту мы нашли целый ряд любопытных замечаний), г-н Марат заключает свою книгу рассмотрением цвета тел. В этой части он отмечает, что белизна металлов не так близко подходит к чистому свету, как белизна бумаги, белизны известных тел и т. п., потому что белизна металлов всегда отмечена голубоватым оттенком; что черный цвет образуется вовсе не простым устранением света, потому что черные тела видны путем отражения, и главным образом потому, что голубые лучи участвуют в образовании этого цвета: и что нет ни одного прозрачного тела совершенно чистого цвета, потому что все отражают и пропускают различные разнородные лучи. Из этого последнего наблюдения он выводит бесполезность употребления цветных объективов с целью устранить предполагаемую аберрацию в преломлении, равно как и недостаточность приемов, употребляемых для очищения разнородных лучей путем пропускания их через стекло.

Мы бегло коснулись лишь нескольких статей этого труда, но тем не менее, на наш взгляд, этого достаточно, чтобы обратить внимание любознательных физиков и встревожить весь синклит правоверных ньютоновцев, которым придется либо отстаивать свой символ веры, либо изменить его. Противник смел до дерзости: но опыты его убедительны и правдоподобны, а замечания тонки и остроумны. Правда, количество лиц, делающих опыты для пущей важности, заметно возросло, и их порою выводили на чистую воду, несмотря на их умение рядиться. Точно так же верно и то, что доверие к опытам несколько утратилось, потому что они производятся зачастую без всякого разбора и понимания и без того столь важного умения разбираться в них, которое одно только и может помешать тому, чтобы факты не могли служить одновременно источниками правды и заблуждения. Однако мы думаем, что опыты г-на Марата имеют особое право на то, чтобы сделаться предметом беспристрастного обсуждения.

№ 34

Письмо Пате, профессора физики из Шалона на Марне (25 февр. 1780 г.), обращающегося к Марату с просьбой уделить ему некоторое время для беседы по поводу „ценных открытий (Марата), которые явились главным поводом приезда в Париж“ самого Пате и сопровождающего его гвардейского офицера, начитанного во всех областях физики.

№ 35

Письмо того же Пате (3 июня 1781 г.) с подобной же просьбой, № 36—40 (1783 г.)

Связаны с мемуаром, представленным Маратом в Руанскую Академию Наук. Темой был вопрос: „В какой мере можно рассчитывать на электричество при лечении болезней“. Марат представил свой ответ анонимно, вследствие чего не могло состояться публичное вручение присужденной автору золотой медали. Когда авторство Марата обнаружилось, постоянный секретарь вступил с ним в переписку, устроил вручение медали, в лестных выражениях благодарил Марата за присылку им „ценного дара—экземпляра трудов по физике“, сделал для Марата, по его просьбе, копию с его мемуара, приняв изготовление этой копии на счет Академии.

№ 43

Письмо Франклина Марату.

Милостивый Государь!

Мне очень досадно, что я не могу быть в субботу на ваших любопытных опытах и что неотложные дела позволят мне быть у вас завтра; остальную часть недели я буду свободен: если какой-либо другой день окажется для вас удобным, я охотно им воспользуюсь. чрезвычайно ценя честь, которую вы мне оказываете любезным вашим приглашением.

С полным уважением остаюсь вашим, милостивый государь, почтительным и нижайшим слугой.

В. Франклин.

Париж, вторник, 29 марта 1779 г.

№ 44

Подобное же письмо того же тому же (1782 г.).

№ 45

„Европейский Курьер“

(пятница. 15 марта 1782 г.)

Г. Марат, которому физика столь часто и столь много уже была обязана, произвел переворот в электричестве, как он уже раньше произвел переворот в оптике.

С помощью двух неоспоримых принципов, до него неизвестных, но играющих в этой науке очень большую роль, ему удалось очень основательным и отчетливым образом объяснить тысячи очень темных, чтобы не сказать необъяснимых явлений и тысячи других явлений, о которых не имели ни малейшего понятия.

Из числа этих последних он извлек несколько случаев, которые и предложил физикам в виде проблем, подлежащих разрешению; на это посмотрели как на шутку. Вот как они изложены в доступной форме в некоторых из наших газет:

„С помощью электричества устроить, чтобы два тела отталкивались, притом так, чтобы не только возрастало их отталкивание, когда лицо, стоящее на полу прикоснется к проводнику, к которому они подвешены, и чтобы это отталкивание продолжалось несмотря на то, что их будут потрогивать в течение нескольких секунд, но и так, чтобы они при приближении пальца двигались в сторону его и чтобы при приближении пальца с обеих сторон они притягивались с значительной силою“.

Предлагая такую задачу на разрешение физикам, г. Марат ставит требование, чтобы они указали принципы, от которых зависит ее решение.

Теперь я только изложу самый факт, как я видел его у автора.

На расстоянии двух—трех футов от электрической машины изолируйте на шелковых шнурках металлический цилиндр с закругленными концами: подвесьте к нему, с помощью ниток длиной в 8—10 дюймов, два пробковых шарика диаметром в две—три линии. Пустите машину в ход; если она станет работать энергично, вы после нескольких оборотов увидите, что шарики отталкиваются друг от друга. Немного спустя приблизьте к шарикам палец, они двинутся в сторону его. троньте после этого цилиндр, они оттолкнутся с большей силой; потом слегка потрогайте шарики, они останутся разъединенными. Прикоснитесь к цилиндру, они оттолкнутся немножко больше: пододвиньте к ним палец, они отклонятся от него: придвиньте палец с той и другой стороны, они притянутся с значительной силой“.

Вот, милостивый государь, явления не только новые, но диаметрально противоположные всему тому, что наблюдалось до настоящего времени. Мало найдется других, способных возбудить такое любопытство. Сколько машин будет пущено в ход для их проверки!

Однако предоставим бретонским вашим головам упражняться в отыскании причин этих явлений: позвольте мне ограничиться удовольствием поделиться с вами блестящей теорией автора.

№ 46

„Европейский Курьер“

(пятница. 3 мая 1782 г.)

Париж, 14 апреля.

Милостивый Государь.

Если к числу оригинальных авторов подобает относить лишь тех, которые, нисколько не считаясь с изысканиями других, сами отправляются к источнику и умеют пролить свет на самые темные предметы, то г. Марат несомненно заслуживает почетного места; а посредники, занимавшиеся электричеством, этой прекрасной отрасли физики, если только подобает здесь отличать тех, которые пытались превратить ее в точную науку и придать ей ту степень достоверности и полезности, которые для нее достижимы,—г. Марат бесспорно занимает первое место.

До него электричество находилось в состоянии ужасного хаоса или, лучше сказать, в зачаточном состоянии; в нем не было ни целостности, ни принципов, ни законов, не все даже области его были известны. Откройте книги, изданные на эту тему,—что вы в них найдете? Множество предположений, мало фактов или скорее множество фактов разрозненных, опытов, взаимно повторяющих друг друга, наблюдений, пригнанных к отдельным гипотезам, мнений рискованных, ложных или тривиальных,—вот что найдете вы почти во всех книгах; при такой точке зрения изучение электричества было в равной мере бесполезным и противным занятием.

После стольких односторонних попыток, разумеется, приятно видеть появление целостной теории, обоснованной и вместе с тем вразумительной.

Такова теория, заключающаяся в книге „Физические изыскания об электричестве“ (460 стр. в осьмую долю листа, продается в Париже у Нуон старшего, улица Жардине).

Помимо великих открытий, положенных в ее основание, помимо ясных принципов, в ней развитых, помимо новых законов, в ней установленных, важных последствий, отсюда вытекающих, работа эта сделана так методично, план ее намечен так широко, связь отдельных частей такая тесная, порядок изложения такой естественный, слог такой ясный, что приходится видеть в этой книге ценное классическое произведение, доступное широким кругам читателей.

Среди ряда замечательных тем, подробное ознакомление с которыми невыполнимо в виду отведенного нам ограниченного места, мы позволим себе указать три совершенно новых.

Первая касается различия тел, способных и неспособных передавать колебание. Вторая сводит все видимые электрические отталкивания к принципу притяжения и показывает огромное влияние окружающей среды на тела наименее наэлектризованные. Третья указывает место, которое электрический флюид, рассматриваемый как движущая сила, занимает среди крупных рычагов природы.

Читатели, способные оценить труд автора, неожиданно для себя увидят, как он, принимаясь за наиболее избитые темы, всегда умеет находить новые пути и преодолевать трудности.

Заканчивая эту заметку, упоминаем, что по вопросу атмосферного электричества г. Марат дал надеждающую оценку всем средствам, служащим для ограждения от ударов молнии. Попутно отметим, что „Физические изыскания об электричестве“ могут быть рекомендованы как образец типографского искусства для всех любителей изящных изданий.

Честь имею и т. д.

№ 47

„Парижский Журнал“

(понед., 25 окт. 1779 г.)

Милостивые государи!

Открытие г. Марата в области огня несомненно составило эпоху в истории наук. Впрочем, зрелище, которое представляют его опыты настолько ново и поразительно, что прямо странно, почему отчет о них появился до сих пор лишь в „Парижском Журнале“. Я вовсе не хочу считать все наши еженедельники за отражение ничтожества нашего века; однако, по какой же это странности явления значительные не находят себе в них места, в то время как они переполнены пустяками? Я не скажу здесь ничего о новом учении г. Марата; я не имею смешной претензии выступать судьей; однако позвольте мне милостивые государи, поместить на страницах вашего журнала несколько замечаний о пользе метода наблюдений в темной камере метода, изобретенного этим искусным физиком.

До него употребление солнечного микроскопа было чрезвычайно ограничено. так как при обычном способе пользования этим прибором объект помещается в фокусе, то наблюдать можно было лишь мелкие объекты: да и то необходимо было, чтобы они были прозрачны. Благодаря способу пользования солнечным микроскопом, введенному г-ном Маратом, прибор этот сделался самым полезным и самым ценным физическим инструментом, одинаково пригодным для рассмотре-

ния крупных и мелких тел, темных и прозрачных, он делает видимыми тончайшие эманации их: новый метод наблюдений в темной камере поэтому как бы создан для того, чтобы открыть обширное поле для розысканий физиков; как высказалась по этому поводу Академия Наук, особенную выгоду может извлечь отсюда химия. Известно, как изобретатель использовал этот прием для того, чтобы сделать видимым флюид огня, вещество электричества, самый воздух: вместе с ценным преимуществом давать возможность видеть предметы, которых без него не видел, он соединяет еще более ценное преимущество, давая разнообразные объекты одновременно и облегчая тем самым их сравнение под различными аспектами.

Оптика также может извлечь из этого метода самые большие преимущества, заставляя его служить усовершенствованию искусства. Известно, сколь важным является выбор стекол в диоптрических приборах; чтобы найти в них изъяны, начинают рассматривать их наискось, против слабого света; потом их кладут на стол, и на известном расстоянии получают изображение свечи, отраженное их поверхностями. Этот способ может вполне быть пригодным для обнаружения самых явных недостатков, по сколько других можно почувствовать лишь с помощью способа г-на Марата, как я сам испытал это; ибо он дает возможность обнаруживать не только малейшие паутины и студенистые стекла, но даже судить о тонкости его кристалликов. Для этого стоит только поместить избранный кусок в световой конус, на расстоянии семи или восьми футов от полотна; и сразу увидишь части, которые следует обработать. Солнечный микроскоп, снабженный простым объективом, легко может быть приспособлен к ставню комнаты, обращенной не на север, и прибор этот настолько недорог, что всякий оптик, дорожающий своей репутацией, станет употреблять его для этих целей.

Честь имею... и т. д.

Филассье.